Гражданская война на Волге в 1918 г.

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА УЧАСТНИКОВ ВОЛЖСКОГО ДВИЖЕНИЯ. PRAHA II RUMUNSKA, 1.

Гражданская война на Волге в 1918 г.

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА УЧАСТНИКОВ ВОЛЖСКОГО ДВИЖЕНИЯ. PRAHA II RUMUNSKA, 1.

Настоящий сборник набран и отпечатан для Общества Участников Волжского Движения типографией Société Nouvelle d'Editions Franco-Slaves в марте тысяча девятьсот тридцатого года.

Волжский фронт Учредительного Собрания в 1918 г.

«Именем Учредительного Собрания, большевицкая власть в г. Самаре и Самарской губернии объявляется низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления: городские думы и земские управы, коим предлагается немедленно приступить к работе.

«Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются и восстанавливаются свобода слова, печати, собраний и митингов.

«Единая независимая свободная Россия! Вся власть Учредительному Собранию! Вот лозунги и цели новой революционной власти».

В таких выражениях, торопливо набросанных в форме приказа № 1, новая власть — Самарский Комитет членов Учредительного Собрания, в день переворота, 8-го июня 1918-го года, оповещал население о свержении большевицкой власти и своих задачах. Свобода слова, печати, собраний и митингов, восстановление органов самоуправления, народовластие сверху до низу!.. В каких пределах возможно восстановление гражданских свобод в разгоряченной атмосфере только-что начатой борьбы с большевиками, и возможна ли в период гражданской войны полновластная деятельность Учредительного Собрания, об этом в приказе ничего не говорилось, но для всех было ясно, что тот узел, который большевики считали разрубленным насильственным разгоном Учредитель-

ного Собрания в Петербурге, вновь завязывается на берегах Волги и что тяжбу между защитниками деспотического режима коммунистической партии и защитниками демократического строя нельзя считать законченной. С тех пор прошло двенадцать лет. Волжский фронт Учредительного Собрания имеет за собой уже одиннадцатилетнюю давность, идея Учредительного Собрания за этот период времени значительно потускнела и утратила былую притягательность, но в непрерывном ходе событий изменился и самый стиль русской революции: большевицкие лозунги, звучавшие в прежнее время энергией борьбы и гармонизировавшие с живым стилем времени, обесцветились и выдохлись, предельные задачи отосланы в «историю», центральные и красочные фигуры романтического периода русской революции частью уже вымерли, частью полиняли в наступившем после НЭП-а периоде безъидейности, бесперспективности и взаимной склоки. Русская революция далека еще от завершения, но тяжесть сталинского «социализма» с подавлением всех свобод, товарный и хлебный голод, безработица, борьба с деревней и нажим на рабочий класс, тяжко переживаются не только крестьянами и рабочими, но и двухмиллионной массой служащих, спецов, служилой интеллигенции, художников, писателей, профессуры и т. д. При отблеске догорающих огней революции перечитываются скорбные страницы большевицкого самовластия, подводятся итоги пережитому и прожитому, сопоставляются факты прошлого и настоящего, пытаются прошлым осветить будущее. И это не только здесь, за рубежом, но и там, в России советской. В дореволюционный период русская социалистическая интеллигенция считала существовавший в России строй антиэтичным и антикультурным потому, что он покоился на порабощении личности. Во имя своего идеала — автономной свободы личности, она требовала нового социального и политического строя, покоющегося на освобождении труда и на организации творчества живых человеческих индивидуальностей. В течение многих десятилетий русская интеллигенция вела напряженную борьбу за

раскрепощение народа и освобождение труда под лозунгами: земля и воля, Учредительное Собрание, социальная справедливость, политическая свобода. Во время февральской революции «интеллигентские» слова о политической и социальной демократии оформливали затаенные стремления народа к правде и справедливому общественно-государственному строю, будили первые робкие предощущения свободно-творческого единения людей и потому нашли такой широкий резонанс в народных массах. Русская радикально-революционная интеллигенция, глубоко-народная по своему происхождению и значению, сделалась в первые месяцы русской революции основным фактором, определяющим направление и экономической и политической жизни первого революционного периода. Со времени перехода власти к большевикам, интеллигентской идеологии и ее носителям была объявлена беспощадная борьба: Учредительное Собрание было разогнано, уничтожены ростки политической свободы, задушена печать, на долгие годы установился деспотический режим с потоками крови, насилиями над личностью, с ссылками в гиблые места и концентрационные лагеря, с бесграничным тюремным произволом и партийной террористической диктатурой во всех областях русской жизни. Большевицкий режим заставил людей приспособляться к жестким и гнетущим впечатлениям и нередко смотреть на явления своей внутренней и, особенно, заграничной жизни сквозь казенную призму, под значительным углом преломления, но он не мог создать «стандаризации» мыслей и чувствований, задушить в народных массах тяги к лучшему и с корнем вырвать глубокое недовольство и острую ненависть к существующему социально - экономическому строю и к диктатурствующей партии в широких слоях крестьянства и рабочего класса. За истекшее десятилетие механизм коммунистической диктатуры с своим чудовищным бюрократическим и военным аппаратом успел уже выявить все свои отрицательные стороны, внутренний распад и разложение большевицкой диктатуры достигли крайнего напряжения и неизбежность поворота к

новому общественному строю, насыщенному органическим недоверием к бесконтрольному распоряжению чужим достоянием и чужой жизнью, ощущается всеми русскими гражданами. Большевицкий «социализм» при помощи ГПУ может держать в железных тисках диктатуры рвущиеся к раскрепощению силы пореволюционной России еще довольно неопределенное время, но предпосылки участия в свободном государственном строительстве широких трудовых масс в настоящее время уже созданы и в более или менее близком будущем приведут к ликвидации коммунистической диктатуры. В настоящее время трудно определить сроки неизбежной ликвидации и ее приемы, но несомненно, что большевицкий эксперимент над Россией свое наименее безболезненное разрешение может найти только при спокойном учете опыта истекшего десятилетия и при внимательном анализе комплекса идей, воодушевлявших защитников народовластия и диктатуры. С этой точки зрения освещение, возможно полное и беспристрастное, событий, происшедших двенадцать лет тому назад на волжском фронте Учредительного Собрания, может иметь существенное значение для правильного разрешения затянувшейся тяжбы между народовластием и диктатурой и наметить некоторые вехи для будущего развития России. Выпускаемые «Волжским Обществом» сборники, при участии непосредственных свидетелей и деятелей волжского фронта Учредительного Собрания, и имеют своей задачей дать беспристрастную картину поднятой двенадцать лет тому назад на Волге борьбы за свободную, увенчанную Учредительным Собранием, Россию и наметить некоторые опорные пункты для поисков выхода из того безнадежного тупика, в какой загнал Россию режим коммунистической диктатуры. Отсылая интересующихся вопросами волжского фронта к отдельным статьям сборников, в настоящей статье я хочу наметить общие причины поднятой членами Учредительного Собрания вооруженной борьбы с большевиками и подвести некоторые итоги отрезвляющего опыта истекшего десятилетия, отчетливо намечающего приближение

финальной развязки пережитого Россией колоссального потрясения.

⁂

После низвержения большевиков в Самаре, вся власть перешла к Комитету членов Учредительного Собрания, по своему партийному составу в течение всего первого и в то же время наиболее ответственного периода состоявшему из членов партии социалистов-революционеров. Беря власть в свои руки, Самарский Комитет знал, на что он шел. Разгоном Учредительного Собрания большевики открыли эру гражданской войны. К многочисленным фронтам гражданской войны прибавился теперь еще новый фронт, фронт волжский. Но всякая гражданская война — это голод и разорение хозяйственной жизни, разрушение социальной ткани, разгул страстей, разрыв самых глубоких интимных связей. Гражданская война — это пылающие деревни, льющаяся братская кровь, восстание сына на отца, отца на сына, брата на брата. Вступая в борьбу с большевиками, Комитет членов Учредительного Собрания ясно сознавал всю ответственность за начатое дело, но он считал эту борьбу неизбежной, прежде всего, для защиты родины против германского империализма. Большевики подписали позорный, или, как тогда выражались руководители большевицкой иностранной политики, «похабный» мир в Брест-Литовске, приглашали в Россию германских капиталистов, возвращали им конфискованное имущество, давали им концессии и превратились в прямых исполнителей воли немцев. Граф Мирбах чувствовал себя полным хозяином в Москве, а представитель советской власти Иоффе униженно добивался в Берлине приема у Вильгельма. Украина, юг России, Польша, Финляндия, прибалтийские провинции были в руках у немцев. Брест-Литовский мир нанес тяжкий удар политической и экономической независимости России и перспективой восстановления низвергнутой монархии и возвращением помещиков создал угрозу всему будущему русского народа. Из такого положения Центральный Коми-

тет партии социалистов-революционеров сделал определенные выводы. Считая большевицкую власть виновной в унижении и расчленении России, Центральный Комимитет в своем обращении ко «Всем народам цивилизованнаго мира, центральным комитетам всех социалистических партий» заявил, что партия социалистов-революционеров брестского трактата не принимает и имеющим законную силу не признает. «Власть совета народных комиссаров — писал тогда Центральный Комитет — предавших демократическую Россию, революцию, интернационал, должна быть уничтожена, ибо народ Российской республики не может терпеть власти, держащейся милостью немецких штыков. . . На смену деспотизму и произволу большевицкой власти должны придти органы правильного народного представительства и народной воли, которые сплотят остатки сил для спасения нации, великих завоеваний нашей революции и защиты цивилизации против варварства». В программной статье центрального органа партии с.-р., «Социалист-Революционер», выдвигалась на первый план основная партийная задача — защита страны — и для отпора завоевателям считалось необходимым аннулировать Брест-Литовский мир, ликвидировать большевицкую диктатуру, воссоздать на началах добровольческих, расчитанных на национальный подъем масс, военную силу и вести войну со всей революционной энергией. «Партия социалистов-революционеров исполнена уверенности — заявлял тогда Центральный Комитет партии — что борьба России против внешнего завоевания и против государственной власти большевиков внутри страны встретит сочувствие и поддержку трудящихся всех стран и всего цивилизованного мира, которому дороги великие идеалы свободы, братства народов и прогресса человечества»...

Волжское вооруженное восстание против большевиков было лишь простым логическим выводом из позиции, занятой партией социалистов-революционеров по отношению к вопросу о защите страны и об организации национальной власти. В июне 1918-го года Волга делает-

ся центром, откуда вооруженные силы начинают вести борьбу с большевицкой властью и стоящими за спиной этой власти немцами. Здесь должно было бы произойти объединение демократических и социалистических сил для борьбы с деспотической диктатурой большевицкой партии. Отсюда под знаменем Учредительного Собрания должна была бы распространяться организация страны на новых демократических началах. В ноябре 1918-го года, когда союзники и центральные державы заключили перемирие, непосредственная опасность германского нашествия была устранена, и борьба за спасение России от германского империализма должна была придти к естественному завершению, но то, что сделалось ясным для каждого в ноябре, совсем не было ясно в июне, и партия социалистов-революционеров, в виду серьезных угроз единству России и опасности для демократии, не только русской, но и мировой, считала для себя обязанной выполнить свою миссию. Другая часть поставленной партией социалистов-революционеров задачи — борьба за народовластие — приобрела особо острую форму после разгона большевиками Учредительного Собрания. Партия, собравшая большинство голосов при выборах в Учредительное Собрание, обязана была выступить на его защиту против посягательств представителей меньшинства на ясно выраженную волю народа. К борьбе за народоправство побуждало партию социалистов-революционеров и глубокое расхождение, как это мы сейчас увидим, между большевиками и социалистами революционерами во взглядах на задачи социализма, на роль и характер власти во время революции и на пути развития народного хозяйства в пореволюционное время. Прежде всего выясним себе основное расхождение между большевиками и партией социалистов - революционеров в вопросе о задачах социалистического движения в революционной России.

«Октябрьская революция в России, исчерпав до конца буржуазно-демократическую революцию, установила диктатуру пролетариата, приступила к строительству социализма, сосредоточила вокруг социалистической револю-

ции в России огромные массы пролетариата и крестьянства, превратила борьбу всего мирового пролетариата в борьбу за укрепление и расширение диктатуры пролетариата».

Так характеризуется октябрьская революция в выпущенном к X-ой годовщине революции историками-марксистами 4-м томе «Истории ВКП». По мнению большевицких историков, «командные высоты пролетарской диктатуры сохранены пролетариатом; сохранение же командных высот помогло советскому государству, под руководством коммунистической партии, поставить во второе десятилетие существования диктатуры пролетариата задачу: полной, глубокой реконструкции всего народного хозяйства СССР на началах индустриализации страны на основе более высокой техники, электрофикации, коллективизации сельского хозяйства и кооперирования десятков миллионов рабочих и крестьян. Гигантские задачи, которые тогда, в 1917-м году, едва намечались, развертываются за это второе десятилетие во всю ширь».

Итак, в советской России усиленным темпом идет строительство социализма. Давнишняя мечта социалистов всех стран приблизиться вплотную к крушению капиталистической эры и к творчеству новых социалистических форм жизни, уже готова осуществиться в советской России! Но, странное дело! «Строительство социализма» в советской России идет не только без участия социалистов, но все социалисты объявлены «изменниками», «предателями», «лакеями буржуазии», «контр-революционерами». Даже больше того. Имея в руках колоссальный аппарат полицейского террора, до тонкости разработанную систему сыска, обширные кадры терроризованных вольных и невольных доносчиков, большевицкая власть все время стремилась и продолжает стремиться изловить всех социалистов-революционеров и социал-демократов, гноит их по тюрьмам и ссылкам и обрекает их на физическое вымирание. Ежедневная печать и толстые журналы, кинематографы и театры, плакаты и квази-научные труды, манифестации и демонстрации, покаянные письма ренегатов и показания

провокаторов, инсценировки «народного гнева» и народной преданности большевицкому режиму,— все используется советской властью для того, чтобы оглушить терроризованного обывателя, не дать ему возможности одуматься и внушить убеждение, что большевицкий деспотизм и есть самый настоящий социализм и что социалисты, требующие свободы, предатели рабочего класса и изменники делу социализма...

Социализм и деспотия! До сих пор социалисты — и русские и западно-европейские — ставили своей целью «освобождение трудящихся их собственными силами». Для достижения этой цели они стремились объединить рабочий класс в мощных политических и экономических организациях, развить в нем знание методов производства и направления его развития, сделать его участником строительства политической и экономической жизни своей страны и привить ему соответствующие навыки выполнения тех обязанностей, которые ложатся на рабочий класс. Но это еще не все. Для социалистов-революционеров, являющихся отрядом международного социализма, рабочее движение, принявшее даже наиболее организованные формы, не есть еще социализм. Пока трудовой класс не поднялся выше уровня своих профессиональных и корпоративных интересов, он еще далек от социализма. Для того, чтобы движение трудового класса было социалистическим, оно должно было, по мнению социалистов-революционеров, направляться не только мотивами ограничения эксплоатации и повышения своего жизненного уровня или стремлением к захвату власти. Оно должно быть охвачено не только великой задачей освобождения труда путем планомерной организации общественного хозяйства, но и великим идеалом — упразднения всякого угнетения: политического, национального, религиозного, государственного и т. п. Социализм для социалистов-революционеров являлся доктриной универсального освобождения человечества, устранения всех форм гнета, экономических и не-экономических, сочетания высшей свободы с высшей солидарностью. Сообразно своему пониманию социализма, партия

социалистов-революционеров выдвигала для «строительства социализма» огромное значение нравственных идеалов, свободного социально-этического строя, полного народовластия, демократии политической и социальной.

Диаметрально-противоположна была концепция большевизма. Большевизм своего главного врага видел и видит в свободных, независимых организациях трудового класса, в свободной науке, свободной прессе, свободном общественном мнении. Всю мощь своего бюрократического аппарата и провокации бросает он на выслеживание и разрушение свободного творчества и тяжкими ударами обрушивается на того, кто хотя бы даже среди членов коммунистической партии, стал бы проявлять моральную несгибаемость, независимость убеждений, непримиримость к догматам господствующего направления в партии. Своими мероприятиями по отношению к трудовому классу большевизм ставит своей целью не развитие самодеятельности трудовых масс, а полное подчинение их духовной независимости идущим сверху, из центра коммунистического управления, декретам, директивам, предписаниям и законам с одной стороны, и всякого рода «нажимам», гонениям и преследованиям с другой. Уничтоживши все демократические учреждения, большевики все время выступают в роли благодетелей народа, действующих без народа, помимо и вопреки воле народа, хотя и под фальшивой вывеской «рабоче-крестьянской» власти и строительства «истинно народного строя трудящихся». Но деспотический социализм — это только социализм казарменный, каррикатура на социализм. Без демократии нет социализма, ибо подавление свободы, самодеятельности, творчества народных масс является главным препятствием на пути осуществления намеченной социализмом цели — «освобождения трудящихся их собственными силами». Большевизм, представляющий из себя деспотию не в открыто-обнаженном виде, а замаскированном, является в действительности самым непримиримым противником социализма, а поскольку он обладает в советской России государственным аппаратом, и са-

мым опасным для трудового класса в его тяге к полному и всестороннему освобождению от социального, экономического, национального и всех других форм угнетения.

Из принципиального расхождения целей социализма и большевизма с неизбежностью вытекала неизбежность борьбы социалистов с большевиками. А когда большевики, опираясь на явное меньшинство населения, подняли знамя гражданской войны и, насилуя волю большинства, поставили штык в порядок дня, то для социалистов-революционеров, при всем отвращении к гражданской войне, ничего не оставалось делать, как с оружием в руках встать против узурпации меньшинством диктаторской власти, ставящей своей задачей подавление сознания и самодеятельности большинства населения. На Волге восстание против большевиков было поднято под лозунгом: «Вся власть Учредительному Собранию». Учредительное Собрание для нескольких поколений русской революционной интеллигенции являлось путеводной звездой. От декабристов к Герцену, от Герцена к 60-м годам к народовольцам, постепенно укреплялась идея народовластия, идея Учредительного собрания. В борьбе за идею народовластия было принесено много жертв, отдано много жизней, была пролита кровь. Под лозунгом Учредительного Собрания протекала революция 1905-го года. Учредительное Собрание было основным политическим требованием всех социалистических партий в первые дни революции 1917 года. Скорейшего созыва Учредительного Собрания требовали и большевики, обвинявшие и Временное правительство и буржуазию в затягивании его созыва. Во имя скорейшего созыва Учредительного Собрания большевики совершили свой насильственный переворотъ 25-го октября. На их насилие над Учредительным Собранием партия социалистов-революционеров ответила на Волге свержением большевицкой власти.

июня 1918-го года, оповещала население о свержении

*
**

К борьбе с большевиками партию социалистов-революционеров толкала не только полярная противоположность тех целей, которые ставили пред собой большевики и социалисты-революционеры, но и их отношение к установленной в России после разгона Учредительного Собрания так называемой «рабоче-крестьянской» государственной власти.

Что такое представляла из себя эта новая «рабоче-крестьянская» власть?

К нескольким тысячам старых, уцелевших еще от революции 1905-го года, большевиков в большевицкую партию между февралем и октябрем 1917-го года притекли десятки тысяч новых членов, «мартовских большевиков». В тот момент, когда большевицкая партия сделалась после октября 1917-го года правящей, в ней появилось большое количество послеоктябрьских большевиков. Среди сильно выросшей партии было много и искренних людей, веривших в наступление эры мировой революции и немедленного социализма, охваченных примитивной идеей немедленного и полного равенства, идеей «коммунизма потребления». Ленинский лозунг «грабь награбленное» находил широкий резонанс в душевном укладе этих большевиков, и практика «продовольственных обысков», раздевания на улицах буржуазии, уничтожения «дополнительных пайков» и других мероприятий новой власти, направленных к «созданию немедленного и полного равенства», находила среди них величайшее сочувствие. Но к большевицкой партии примкнуло и много людей, настроенных скептически по отношению к большевизму, не имевших ни веры, ни энтузиазма. Эти большевики-карьеристы обзаводились членской книжкой, превращались в членов комячейки, подчинялись всем партийным директивам и весьма умело использовывали свой членский билет для устройства своих личных дел. Эта группа дополнялась большим количеством злостных карьеристов-большевиков, — так называемых «примазавшихся». Сюда входили и пере-

бежчики из других партий, и откровенные ренегаты из партий с.-р., с.-д. и кадетов, бывшие торговцы, спасавшие свое имущество, бывшие попы, отрекшиеся от православной церкви, и крупные жулики, и мелкие аферисты, и фальшивомонетчики, и просто люди с уголовным прошлым. Партийный билет обычно давал этим большевикам защитную окраску и открывал широкий горизонт для применения своих талантов. Захвативши власть, большевицкая партия должна была для выполнения разл. функций власти привлечь прежде всего старых, испытанных большевиков первой группы: в них была и активность, и жажда власти, и боевой темперамент. Ответственные места были заполнены испытанными большевиками, и правительственная машина стала работать. Что во главе управления стали бывшие «подпольщики», люди неопытные и нередко очень мало знакомые со всей сложностью и запутанностью явлений русской жизни и мировой войны, это было вполне естественно. Хуже было то, что к власти пришли новые люди без обдуманного плана, без точно выработанной программы действий. И совсем было плохо, что характерной особенностью большевицкой власти была претензия, при плохом знании конкретных житейских явлений и при презрительном отношении к требованиям жизни, диктовать из центра правила политического и экономического строительства огромной страны. Пред Россией 1917-го года стояла крупная задача развития созидательных сил трудового класса и строительства снизу новых форм жизни чрез кооперацию, профессиональные союзы, общину, свободную печать и т. д. Но строительство снизу, путем разростания крестьянской и трудовой общественности, не мирилось с основной концепцией большевизма. Поэтому большевицкая власть с первых шагов своей деятельности встала на путь антидемократический, путь опеки, насилия, террора: контрибуции, захваты, вскрытия сейфов, эксцессы примитивного рабочего контроля, декреты о социализации земли, об отделении церкви от государства, о браке и семье и т. д., и т. д. «Мы помним — говорил впоследствии Ленин — как в

Смольном мы проводили зараз по десяти, по двенадцати декретов». Необузданное декретное творчество большевицкой власти подвергалось очень резкой критике со стороны социалистов, доказывавших жизненными фактами бессилие голых декретов в области созидательной работы. Невозможность замены органического развития политической и хозяйственной демократии простыми приказами сверху были, впрочем, понята и самими большевиками: «Теперь мы отлично понимаем всю сложность положения — говорил впоследствии Бухарин, — декретами социализма не введешь».

Партия социалистов-революционеров с самого начала установления в России диктатуры вела напряженную борьбу против «декретного социализма» вообще и декретного творчества большевицкой власти в частности. Дальнейшая история правящей партии вполне подтвердила самые худшие предсказания непримиримых противников коммунистической диктатуры.

Несколько лет спустя после октябрьского переворота, когда большевицкая власть приобрела свой довольно устойчивый стиль, покойный лидер меньшевиков, Мартов, как известно, отвергавший методы свержения советской власти путем революционного переворота, дал следующую убийственную характеристику большевицкой партии, а вместе с тем и большевицкой власти. «По своему социальному составу — писал Мартов — большевицкая партия представляет ныне организацию, в которой пролетарские элементы управляются и руководятся организаторами хозяйства на началах коммерческого расчета и фабричного абсолютизма, дипломатами, милитаристами и полицейскими, организующими приспособленное к целям развития капитализма абсолютистское, на бесправии народа основанное, государство». К этим словам Мартова, сказанным в 1922-м году, нужно бы в настоящее время прибавить, что большевицкая власть покоится не только на «бесправии народа», но и на бесправии рядовых членов коммунистической партии, занимающих места «советских служащих». За десятилетний период суще-

ствования большевицкой власти государственная машина постепенно втягивала в себя рядовых членов партии и вырабатывала из них внушительный численно слой коммунистической бюрократии, естественно распадавшийся в силу своей внутренней эволюции, на верхи и низы, на коммунистическую верхушку, крепко держающуюся за режим диктатуры, и остальных советских служащих, то наивно мечтающих об уничтожении власти бюрократии и смягчении дактатуры, то тянущихся в ряды так называемой «рабочей демократии». Но слабые ростки партийной общественности вырывались с корнем правящей олигархической верхушкой. Партия превратилась в аппарат, деспотически властвующий над страной, но в то же время подчиненный суровой, лишенной всякого обличья права, власти всемогущего центра, коллегиальные партийные учреждения остались коллегиальными только по названию, коллективные проявления воли были подчинены директивам ГПУ. Беспримерный по своей интенсивности деспотический режим олигархии советской России, сочетавшей систему военно-полицейского принуждения с хозяйственным гнетом, нашел, наконец, свое окончательное завершение в режиме личной диктатуры Сталина. Сталин достиг в настоящее время высшей власти, но вместе с тем дошел и до тупика, из которого нет выхода, как для него лично, так и для режима деспотической диктатуры большевицкой власти. Гниение и распад коммунистической диктатуры в советской России теперь уже у всех пред глазами. Замена элементарных основ человеческого общежития голым террористическим насилием власти и замена демократических принципов государственного строительства режимом олигархии или личной диктатуры обычно всегда сопровождается внутренним разложением власти. Так случилось и с коммунистической диктатурой. Неслыханное взяточничество, кумовство, бесстыдный «широкий образ жизни», рвачество самых разнообразных видов и в то же время подхалимство, черствый бюрократизм и отвратительные надругательства над подчиненными, бесчинства и возмутительные безобразия даже высших совет-

ских сановников, — все эти явления внутреннего гниения коммунистической власти являются неизбежным следствием деспотического режима большевицкой власти. Свыше десяти лет власть большевиков убивала самодеятельность населения, душила печать, наполняла тюрьмы и места ссылки «политическими» преступниками, лишала свободы рабочие организации и жестоко расправлялась на глазах у всех не только с рядовыми советскими деятелями, но и с неугодными коммунистическими лидерами. Результаты деятельности власти коммунистической партии теперь уже становятся более или менее ясными и для самих большевиков: «Государственные учреждения окостенели — говорил в минувшем году Бухарин — партийные работники превратились в чиновников и думают о чинах и орденах. Они судят, милуют и карают, делают все, что угодно. Профессиональные союзы превратились в канцелярии и оторвались от рабочей массы... В телескоп не увидишь разницы между лавкой и кооперацией... Корреспонденты сельских газет чувствуют себя, как надворные советники старого времени: они готовы писать все, что прикажут»... («Правда», 2 декабря 1928 года).

Годы властвования коммунистической партии привели, как видим, даже ярых защитников большевицкой диктатуры к признанию ее гибельности для русской жизни. Но партия социалистов-революционеров сделала эти выводы давно, при первых шагах диктаторской власти. В атмосфере жестокаго террора и большевицкой реакции партия социалистов-революционеров провозгласила необходимость «преодоления большевицкой диктатуры». Выбор тех или иных средств для ликвидации диктатуры определялся для партии как общими основами партийной тактики, так и конкретной политической обстановкой, соотношением сил, условиями пространства и времени. Противясь всем попыткам вспышкопускательства, партия не хотела растрачивать силы по отдельным случаям, но тем не менее за весь свой период борьбы с большевиками охвачена была пафосом непрерывной защиты народного дела и все свои силы направляла на од-

ну основную цель — на революционное низвержение диктатуры коммунистической партии. Принципиальное отношение к большевицкой власти создавало ясность политического положения, устраняло вредную иллюзию об общности интересов социализма и большевизма и способствовала сплочению вокруг партии различных слоев трудового населения. Свержение большевицкой власти на Волге под лозунгом Учредительного Собрания было лишь одной из форм отношения партии социалистов-революционеров к существующей диктатуре. После разгрома волжского фронта и ликвидации германской опасности, устранившей необходимость борьбы с немецким империализмом, на 9-м совете партии были подведены окончательные итоги совершившихся событий и намечена была новая тактика, остающаяся в основных положениях неизменной и до настоящего времени. Реакция в лице правительства Колчака и Деникина после разгрома волжского фронта настолько усилилась, что от вооруженной борьбы с большевиками, как тактического приема, партия отказалась. Учитывая тяжелое положение страны, голод, разорение и неблагоприятную международную обстановку, партия социалистов-революционеров основной своей задачей поставила не овладение властью в стране, а завоевание широких политических свобод и демократических гарантий. Пробуждение политической активности рабочих и крестьян, рост политической сознательности в широких слоях городской и сельской демократии явятся, по мнению партии, необходимой предпосылкой объединения трудящихся под знаменем последовательной демократии и прологом к решительной борьбе с большевицкой диктатурой. «Для трудящихся масс — говорил впоследствии своим обвинителям большевикам на известном «процессе двенадцати смертников» член центрального комитета партии социалистов-революционеров, Гоц — как воздух для жизни, необходимы основные политические свободы и демократические гарантии, иначе без них рабочий класс будет выдан, связанный по рукам и ногам, буржуазии в тот момент, когда она вас вышибет вон, пин-

ком в зад. Рабочий класс только сам может себя спасти своей самодеятельностью и свободно созданными мощными организациями, а не опекунами, хотя бы и коммунистическими, желающими спасти его путем лишения «излишней» свободы. Я хотел бы, чтобы у вас хватило политической честности уступить рабочим в их притязаниях в условиях свободы отстаивать свои интересы. Иначе неизбежна новая гражданская война. Мы не хотели бы новой гражданской войны, но мы считаем обязанными организовывать народные массы и призывать их к широким политическим кампаниям... Вы довели страну до такого состояния, что они неизбежно толкаются на путь восстаний. Не наша будет вина, если вы вновь вызовете восстания»..

Путем жесточайших репрессий большевикам удалось подавить восстания, но удалось ли примирить население с своим деспотическим режимом и вытравить из его психологии те демократические лозунги, с которыми оно шло на выборы в Учредительное Собрание двенадцать лет тому назад? Удалось ли большевицкой власти поставить рабочих и крестьян в такие условия, при которых вопрос о низвержении диктатуры коммунистической партии являлся бы вопросом совершенно праздным? Ответ на поставленные вопросы легко получить, если мы подведем итоги экономической политики власти по отношению к крестьянству и рабочему классу.

Обилие естественных богатств и громадный внутренний рынок открывали необычайно широкие возможности для промышленного развития России непосредственно вслед за падением самодержавного строя. Такие же возможности открывались и пред сельским хозяйством. Правда, крестьянские мечты о значительном увеличении земельных наделов не осуществились полностью, но революция освободила крестьянство от арендных плат, земельных налогов по купчим и ипотекам, дала импульсы для

перехода от трехполья к многополью, от примитивной сохи к плугу, от удобрения навозом к химическому удобрению, повысила его общий культурный уровень и разбудила в нем спрос на более широкий круг промышленных изделий. Повидимому, для всей хозяйственной жизни России предстояло широкое развитие, но, если вспомнить, что государственная промышленность России даже и теперь не в состоянии обеспечить сама себе расширенное производство, что существует двухмиллионная армия безработных, острый товарный голод, кризисы финансов, сбыта, производства, высокие цены на предметы первой необходимости, острая жилищная нужда, непрекращающаяся война с деревней из-за хлеба, и, если принять во внимание, что под влиянием растущего недовольства повышается активность крестьян и рабочих, то сделается ясным, что народное хозяйство современной России встречало на своем пути какие-то определенные препятствия для своего нормального развития. И на самом деле, быстрое развитие производительных сил, индустрии и сельского хозяйства тормозится искусственной политикой большевицкой власти, во имя своих утопических задач приводящих страну к непрекращающимся кризисам и к безвыходным тупикам. Мы наметим основные линии развития народного хозяйства при большевицкой власти.

Завоевав власть, большевики объявили, что они «возводят новое, невиданное еще, здание трудового общежития». Земля, заводы, фабрики, промыслы были национализированы. Труд был объявлен обязанностью каждого. Деньги потеряли свою ценность. Банки, склады, магазины сделались собственность государства. Государство взяло на себя задачу дать населению бесплатно продовольствие, жилище, платье, удовлетворить его запросы на книгу, театр, газету, лекарства и т. п. Строилось действительно «новое, невиданное еще, здание», но постройка оказалась чреватой необычайно тяжелыми последствиями: на фабриках не оказалось ни сырья, ни топлива; уравнительный паек вместо заработной платы понизил производительность труда, и промышленное производство стало

замирать. Крестьянин отказался давать государству хлеб. В городах власть оказалась бессильной распределить все виды продуктов. «Мы сделали ту ошибку — признавался в 1921-м году Ленин, — что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы расчитывали — или, быть может, вернее сказать, мы предполагали без достаточного расчета — непосредственным велением пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку... На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921-го года потерпели поражение, более серьезное, чем когда либо раньше». Что коммунистические предприятия неизбежно закончатся полным крахом, было ясно для социалистов с первых шагов большевицкой власти. Парализовав и разрушив сложную систему сложившихся социально-экономических отношений, большевики не могли создать новых, более совершенных форм общественного устройства уже просто потому, что строительство нового «невиданного еще здания трудового общежития» обусловлено не простым фактом нахождения у власти любителей новых форм, а наличностью всех духовных и материальных предпосылок, создавшихся к данному времени в жизни общества для радикального преобразования общественных отношений. Этих предпосылок не оказалось в России, как не оказывается до сего времени и в Европе, и гром кронштадтских пушек очень быстро напомнил большевикам, что с их стороны была сделана не только «ошибка», а произошло полное банкротство политики немедленного коммунизма. Власти пришлось отступить «в весьма достаточном и даже чрезмерном, по словам Ленина, беспорядке». Открылась эпоха новой экономической политики — нэпа. Власть отказалась от сплошной национализации. Насильственное отнятие хлеба (продразверстка) была заменена налогом, и крестьянину даровано было право свободно распоряжаться, по уплате налога, продуктами своего тру-

да. Восстановлением свободной торговли власть предполагала извлечь из деревень возможные остатки продуктов. Для оживления товарообмена реформированная на новых началах промышленность должна была доставлять в деревню продукты индустрии. Восстановлением биржи, банков, налоговой системы, допущением частного капитала в мелкое, а на началах аренды и концессии, даже в среднее и крупное производство, открывался путь для возрождения капитализма. Но «командующие высоты коммунизма» власть оставила за собой: была сохранена национализация почти всей промышленности, железнодорожного и водного транспортов, оптовой внутренней торговли и установлена государственная монополия внешней торговли. Установлению нэпа Ленин, как известно, придавал громадное значение: «Либо гибель всех политических завоеваний, либо подведение экономического фундамента». Но для социалистов вполне была ясной утопичность попыток власти сочетать «командные высоты коммунизма» с началами буржуазно-капиталистическими и бесплодность провозглашенных начал новой экономической политики для жизненных интересов народа. Подводя «экономический фундамент» под потерпевший банкротство режим большевицкой власти, Ленин был убежден, что «капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, занятый производством материальных ценностей, а не спекуляцией и не выделыванием зажигалок». С другой стороны, он верил, что при сохранении «командных высот» в случае успеха нэпа, «пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему». Опираясь на бесправное крестьянство и находящуюся под дамокловым мечом власти и эксплоатируемую ею нарождающуюся буржуазию, Ленин предполагал оздоровить народное хозяйство и укрепить советскую власть. Реставрировать во всей полноте капитализм советская власть, конечно, не могла. Она решила прими-

риться только с некоторым восстановлением частно-хозяйственной деятельности, не допуская в то же время создания правовых условий для существования в стране и дальнейшего роста капитализма. Результаты такой внутренне-противоречивой «новой экономической политики» сказались очень скоро. Частичной легализацией частно-хозяйственного начала нэп создал некоторый простор для экономической деятельности и вывел страну из того экономического распада, к которому привела предшествующая экономическая политика коммунистической диктатуры. Но страх пред ростом частно-хозяйственных начинаний и боязнь политических уступок в пользу возрождающейся буржуазии заставляли коммунистическую власть все время «держать господ капиталистов в надлежащей узде». Все это приводило страну к экономической неустойчивости, непрекращающимся кризисам, хроническому экономическому маразму страны и, в то же время, отражаясь очень болезненно на хозяйственной жизни крестьянства и на состоянии промышленности, создавало глухое недовольство и непримиримое отношение к коммунистической диктатуре как среди крестьян, так и среди рабочих. В настоящее время с достаточной определенностью выяснились отрицательные для русского национального хозяйства следствия «новой экономической политики» коммунистической власти, а вместе с тем наметились и те сдвиги, которые совершились в психологии двух общественных классов — крестьянства и рабочих. Трудовые классы советской России, как это сейчас увидим, вновь стоят пред разрешением тех вопросов, которые двенадцать лет тому назад разрешались с оружием в руках на волжском фронте Учредительного Собрания.

Для успешного расширения промышленности России необходимо было способствовать росту покупательной способности населения, а это возможно только при широкой помощи сельскому хозяйству в увеличении уро-

жайности, расширении экспорта, увеличении посевной площади и т. д. Большевики понимали это и нередко заявляли о необходимости содействия крестьянскому хозяйству, «свободному и не стесненному излишними рогатками развития производительных сил». Но это понимание постоянно затемнялось у них опасением, как бы окрепший экономически крестьянин — кулак, по терминологии большевиков, — не дал бы прочной опоры быстрому росту частно-хозяйственной стихии и не поставил бы под удар не только «социалистическую» промышленность, но и самих диктаторов коммунистов. Отсюда требования «политики, направленной к скорейшему развитию социалистического земледелия». В переводе на житейские взаимоотношения эта политика превращается в борьбу советской власти с зажиточным крестьянином. Помимо того, что зажиточный крестьянин находился под постоянной угрозой лишения избирательных прав в местный совет, он лишен права на получение кредита, платил налог, доходящий до 30% всего своего дохода, а по желанию местных налоговых органов мог быть обложен в индивидуальном порядке, вне законных норм. «И бедняки и середняки видят — говорил Калинин («Правда», 23 ноября 1928-го года), — что более самостоятельного так обложили налогом, что, можно сказать, разорили». И на самом деле, по изданному в 1928-м году декрету о дополнительном «самообложении» крестьян, имущие слои крестьянства были обложены новым налогом в 80 миллионов рублей. Затем был проведен по селениям, путем разверстки (причем существенную роль в разверстке играли замершие в годы нэпа комитеты бедноты) принудительный крестьянский заем в 200 миллионов рублей. После выяснившейся неудачи хлебных заготовок в минувшем году, советская власть вступила на путь принудительной заготовки хлеба. Деревенские базары, куда крестьяне привозили для продажи хлеб, разгонялись милицией. У застав городов, как в доброе старое время военного коммунизма, были поставлены реквизиционные отряды. В крестьянских дворах устраивались обыски и рек-

визиции запасов хлеба. Тысячи крестьян, за отказ продавать советской власти по крайне низкой казенной цене хлеб, подвергались аресту, высылке и суду. Формально борьба была направлена якобы против кулака, но по существу репрессии задевали всю массу крестьянства и будили в нем глубокое недовольство и раздражение против власти и государства.

Неудача хлебозаготовок, приведшая к кризису экспорта и импорта, заставила советскую власть принять решительные меры против индивидуальных крестьянских хозяйств. Решено было всячески поощрять коллективные хозяйства (колхозы) и насаждать государственные крупные хозяйства (совхозы). Совхозам и колхозам власть оказывает всевозможное содействие: открывает в первую очередь сельско-хозяйственный кредит, доставляет машины, семенной материал, оказывает налоговые льготы, снабжает племенным скотом, промышленными товарами и т. д. Взамен этого совхозы и колхозы должны были отдавать власти хлеб по казенным ценам и избавить власть от зависимости от индивидуального земельного хозяйства. Теперь уже ясно, что казенные коллективные хозяйства не оправдали возлагаемых на них надежд и отказываются сдавать государству хлеб по убыточным для себя ценам. Но привиллегированное положение «новых помещиков», как называют крестьяне совхозников и колхозников, вызвало необычайно обостренное отношение к ним со стороны крестьянской массы, сопровождающееся поджогами, убийствами и другими эксцессами.

Борьба за право на хлеб, за право на пищу, приняла в настоящее время очень определенные формы. Деревню грабят и расстреливают агенты власти, но на насилия властей деревня отвечает крестьянским террором чиновников-партийцев. Власть торопится выбить из крестьянских рядов организаторов сопротивления. Под видом борьбы с кулаками и подкулачниками власть применяет аресты, ссылки и расстрелы лиц, подозреваемых в «уклонах к кулачеству» сельских интеллигентов, священников и простых крестьян. Деревня отвечает усилением низового

террора и нередко массовыми уличными выступлениями. Между «рабоче-крестьянской» властью и рабоче-крестьянской страной разгорается в настоящее время подлинная гражданская война. Борьба за право на хлеб, за право на пищу, неизбежно приводит широкие крестьянские массы к борьбе за власть, к ниспровержению существующей диктатуры. Борьба за хлеб, за повышенный заработок, за улучшение своего правового положения приводит и рабочий класс к вопросу о ликвидации коммунистической диктатуры.

В первые годы своей власти большевикам удавалось путем демагогических обещаний увлечь за собой широкие слои рабочих. Но годы военного коммунизма принесли разрушение промышленности и распыление пролетариата. Восстановление промышленности, а вместе с тем и относительное улучшение положения рабочих началось только при нэпе. В настоящее время восстановительный процесс русской промышленности можно считать в общих чертах законченным, но ежедневная практика советской власти с очевидностью утверждает, что восстановление промышленности совершалось и продолжает совершаться лишь путем хищнического отношения к рабочей силе и установления полного бесправия рабочих.

Постоянный и неуклонно увеличивающийся прилив в город ищущих работы крестьян создал в советской России большие кадры безработных, в значительной степени ухудшающих положение занятых в производстве рабочих. Если учесть социальные начисления на заработную плату (скидки по оплате жилища, коммунальные льготы и пр.), то заработная плата рабочего за последние два года (1927- и 1928-ой годы) достигла уровня, несколько превышающего уровень довоенный. Чрез десять лет от начала революции русский рабочий, после устранения промышленников-капиталистов, получает ту же самую плату. которую прежде получал в условиях тяжелой эксплоатации рабочего класса царской России, но которая в настоящее время, при расширении запросов и повышении общего культурного уровня рабочего и его семьи, явля-

ется совершенно недостаточной. Если прибавить сюда разнообразные «добровольные» отчисления, которые рабочий обязан делать из своего заработка, обострение с конца 1928-го года товарного голода, недостаток и дороговизну продовольствия, отсутствие самых необходимых продуктов на рынке, необходимость часами стоять в очередях, бегать по лавкам в поисках хлеба, мяса и пр., то достижение и даже превышение довоенного уровня заработной платы, чем гордятся большевики, гарантирует для русского рабочего только весьма пониженный по сравнению с рабочим наиболее развитых стран Европы жизненный уровень.

Финансовая невозможность заменить устаревшее оборудование промышленных предприятий заставила советскую власть добиваться увеличения продукции за счет интенсификации труда рабочего. Широкое применение сдельных работ, увеличение нормы выработка, введение непрерывной недели и пр., сильно увеличили напряженность труда рабочего. Увеличение интенсивности труда при устарелости оборудования, небрежности администрации и при недостатке финансовых средств повлекло за собой двойное, по сравнению с довоенным временем, число несчастных случаев. Острая жилищная нужда, принуждающая рабочего ютиться со всей семьей в одной комнате, а часто и по нескольку семей в одной окмнате, лишает рабочего необходимого отдыха и создает для него невозможность пользоваться элементарными условиями культурной жизни. Ничтожный размер пособий от страхования от болезни, увечья, инвалидности, безработицы, заставляет его со страхом смотреть на будущее, а постоянное опасение из-за закрытия завода очутиться на улице вызывает в нем постоянно напряженное беспокойное состояние духа.

Таково в самых общих чертах положение рабочего класса, от имени которого большевики занимаются «строительством социализма». Основная причина крайне низкого жизненного уровня рабочих заключается в экономической политике советской власти. Развитие промыш-

ленности и переход ее к новым формам могли бы совершиться в пореволюционной России, с ее колоссальным земледельческим населением и малочисленным пролетариатом, только на основе социального прогресса деревни. Поднятие сельского земледелия при надлежащем использовании артельных, общинных и кооперативных навыков, дало бы прочный фундамент для пышного расцвета промышленности. С своей стороны, рост промышленности и переход ее к новым формам мог бы оказывать обратное воздействие на дальнейшее развитие земледелия. Такая программа нормального развития народного хозяйства способствовала бы повышению жизненного уровня как крестьянства, так и городского пролетариата, но эта программа находится в полном несоответствии с общей концепцией большевизма. Для сохранения своей диктатуры ему нужен был поставленный под экономический гнет рабочий, послушный всем приказаниям правящей партии, восстановление промышленности, покоющееся на возможно широкой индустриализации и так называемое «строительство социализма», манящее подавленный рабочий класс призраками приближения, хотя бы чрез лишения и страдания, но приближения к светлому царству социализма. Налогами, «ножницами» между промышленными и земледельческими продуктами, различными формами «индивидуального обложения» и непосредственным грабежом хлеба советская власть выкачивает из крестьянства многие сотни миллионов рублей для индустриализации промышленности. Но при отсутствии внутреннего накопления в стране, при бесхозяйственном и неумелом проведении индустриализации и при ничтожных иностранных вложениях капитала в промышленность, однобокая индустриализация ложится тяжким бременем на все трудовое население, в том числе и на русский рабочий класс.

Советские газеты продолжают убеждать русского рабочего, что в его распоряжении находится вся государственная промышленность. Однако, действительность совершенно не такова. Органы защиты рабочих — профессиональные союзы — в настоящее время потеряли ха-

рактер органов независимой классовой борьбы и находятся в полном подчинении у правящей партии. Рабочие лишены возможности влиять на внутренние распорядки и производственную жизнь завода. Открытая критика действий заводского начальства весьма часто приводит к репрессиям против смельчаков. Участие рабочих в управлении заводов являлось лишь казенным парадом,не влиявшим на хозяйственную политику, определявшуюся до самого последнего времени в советских промышленных предприятиях союзом коммуниста-хозяйственника с коммунистом-профессионалом. В настоящее время сталинская диктатура ведет борьбу на два фронта. Мерами «раскулачивания» и отобрания «излишков» у деревни советская власть производит «нажим» на деревню. Политикой максимального напряжения эксплоатации рабочих и путем снижения расценок чрез «социалистическое соревнование» советская власть «нажимает» на городских рабочих. Вышедшим недавно постановлением о «единоначалии» профессиональные союзы, заводские комитеты и комячейки превращены теперь окончательно в служебные органы диктаторской администрации. На фабриках и заводах установлено самодержавие, одинаковое с тем, какое установлено во всем государстве. Рабочие отданы на полный хозяйственный произвол «хозяйствующих» коммунистов. К их услугам перевод непокорных на худшие условия работы, увольнения, аресты, высылки и т. д.

Именем пролетариата большевицкая власть упразднила в России все демократические завоевания всенародной февральской революции. Но тяжким опытом истекшего десятилетия русский пролетариат подводится к сознанию, что на путях подавления рабочего класса коммунистической диктатурой трудовые классы советской России пришли лишь к восстановлению прежних форм экономического и политического режима самодержавия. Накопить свои силы для борьбы за лучшую жизнь и создать условия для развития самодеятельности и широкой организованности рабочий класс может только в свободном демократическом строе. Поэтому классовые интересы ра-

бочего класса толкают его на борьбу против коммунистической диктатуры за демократию. Но борьба за народовластие, за свободу для всех, за демократическую республику предопределяется в настоящее время и несомненным ростом политической активности крестьянства. Рабочий класс и крестьянство — две главных общественных силы пореволюционной России — стоят в настоящее время пред решением одной основной задачи: пред собиранием демократических сил города и деревни для борьбы под знаменем народовластия против коммунистической диктатуры большевиков и против возможной монархической реакции. Не имеет особенного значения то, что сейчас борются не против диктатуры коммунистической партии, как таковой, а только против отдельных проявлений ее деревенской политики. Но радикальное изменение современной утопической экономической политики возможно только при радикальной ликвидации режима диктатуры, почему оживление активных настроений в крестьянстве уже и теперь от местных интересов своей колокольни толкает крестьянство на борьбу с основным злом — с коммунистической диктатурой. Не имеет особенного значения и то, что рабочий класс в настоящее время принужден вести борьбу за право коалиций, за восстановление независимости профессиональных союзов, за повышение заработной платы, улучшение жилищных условий и т. д. Борьба за удовлетворение самых насущных нужд рабочего класса подготовляет его и психологически и политически к дальнейшей борьбе за свободный демократический строй.

Во время февральской революции для русского народа восходило новое солнце. Напряженная страстная мечта многих поколений о светлой доле, казалось, была готова превратиться в действительность. Теперь уже не то. Среди бесчисленных преступлений большевизма самое страшное, может быть, преступление заключается в убийстве тянувшейся к широким горизонтам души рабочего класса. «Социальный опыт» большевиков с его примиренческим отношением к интернациональному капиталу, раз-

гулом произвола и низменных инстинктов, внутренним развалом коммунистической диктатуры и непрекращиющимся насилием над населением загрязнил душу рабочего класса и отбросил его далеко в сторону от столбовой дороги социализма. Усталые, разочарованные, без огня, без энтузиазма, без страстной веры в будущее, стоят теперь русские рабочие пред банкротством сталинского «социализма в одной стране» и нескончаемым рядом житейских фактов подводятся к выводу, что ликвидация коммунистической диктатуры является основной предпосылкой улучшения положения рабочего класса.

Пресловутая «смычка» между крестьянством и рабочим классом была навязана трудовому классу большевиками для осуществления фантастической цели — превращения аграрной, малокультурной страны в страну «социалистическую». Близится время, когда принудительная большевицкая «смычка» между крестьянством и рабочим классом заменится вольным «союзом» для ликвидации диктатуры и создания на ее развалинах строя свободного, демократического.

Двенадцать лет тому назад на Волге была попытка борьбы за демократию. Попытка эта кончилась, как известно, неудачей. Большевицкая власть была ниспровергнута в Самаре, Сызрани, Симбирске, Казани и в других городах. Но разбуженный революцией социальный утопизм далеко еще не был изжит ни крестьянами, ни рабочими. После низвержения большевицкой власти оставались в полной силе классовые противоречия, осталась и жажда социального чуда — хлеба, свободы и гражданского умиротворения, и предъявление власти повышенных требований на возможно быстрое разрешение всех выдвинутых революцией вопросов. Голод, безработица, продовольственные отряды и насилия над населением большевицкой власти в значительной степени подорвали доверие населения к демагогическим обещаниям большевиков. Поэтому свержение большевиков встречалось в приволжских

городах общим ликованием. Но новая власть потребовала не выявления восторгов и не платонического сочувствия, а реальной помощи хлебом, лошадьми, деньгами и людями для формировавшихся боевых колонн. По условиям военного времени, она обращалась к населению теми своими сторонами, которые особенно были тяжелы для измученного мировой войной и большевицкими реквизициями народа: налогами, мобилизациями и т. п. Тяжелые жертвы, каких требовала от населения новая власть, не утрачивали в своей тяжести от призывов к защите национальной чести и к выполнению сверхклассовых, общенациональных задач. Новая власть, пришедшая на смену большевикам, встала, поэтому, на чрезвычайно зыбкую почву. Она должна была сразу разрешить две громадных задачи: защитить волжский фронт против большевиков, захвативших в свои руки весь гражданский и военный аппарат царского самодержавия, и наметить такой путь строительства, который шел бы навстречу новым жизненным запросам населения. Подчинить все разнообразные классовые и групповые устремления населения Поволжья выполнению этих двух задач и заставить осуществить с должной степенью энергии цели, поставленные пред собой Самарским Комитетом, было вполне возможно, но для этого требовалось наличие иных объективных условий, в которых очутился Комуч в продолжение своей деятельности, и некоторых новых данных в психологии руководителей волжского движения.

Самарскому Комитету пришлось строить армию и государственную жизнь буквально на поле сражения, без выкованного, точно действующего гражданского и военного аппарата, при предательской политике буржуазных группировок в государственных образованиях, существовавших в это время в тылу Самарского правительства. Восстание чехов, давшее толчок к ниспровержению власти большевиков в Самаре, совершилось в то время, когда лучших партийных сил там не было, совершилось так неожиданно, что члены Учредительного Собрания, бывшие в то время в Самаре, не успели сделать всех необходимых

приготовлений к планомерному выступлению. Новой власти приходилось строить все на-спех, нередко спешно изменять свои стратегические планы, быстро импровизировать специальные мероприятия, весьма часто недооценивать реальное соотношение сил и испытывать предательские удары с совершенно неожиданной стороны. Сословные домогательства промышленников, помещиков, старорежимных бюрократов и военщины в необычайно сильной степени тормозили успех мероприятий новой власти, а сконцентрировавшаяся около Сибирского правительства антидемократическая реакция ставила Комитет перед необходимостью готовиться к борьбе на два фронта — против большевиков и против сибирских контр-революционеров.

Весьма показательно, что Самарский Комитет не считал себя полновластным. Полная власть, по мнению членов Комитета, принадлежала только «хозяину земли русской», — Учредительному Собранию. Комитет считал себя как бы душеприказчиком разогнанного большевиками Учредительного Собрания и основной своей задачей ставил созыв Учредительного Собрания для утверждения в России полного народовластия. Не считая себя обладающим полнотою власти и откладывая решение наиболее существенных вопросов русской жизни до Учредительного Собрания, Самарский Комитет не проявлял особой воли к власти в отношении к все более и более поднимавшей голову военщине, страдал роковой дряблостью, в отношении к работе сил, враждебных демократии и социализму, допускал непозволительную терпимость, при вполне определившихся требованиях быстрого, ни перед чем неостанавливающегося проявления власти, чувствовал себя неуверенным и нередко обуреваемым сомнениями, возможно ли демократии применять меры насилия, нужно ли во время напряженной борьбы с большевиками ограничить свободу слова, собраний и т. д. Во всем этом было много и от непривычки к власти, и от политического романтизма, и от наивной веры в возможность «широкой коалиции» и в неизбежность «общенационального»

фронта для всех активно боровшихся с большевиками, но в то же время далеко расходящихся между собой по своим социальным устремлениям, политических группировок.

Комучу не удалось сделаться сильной демократической властью. Тогдашние руководители волжского фронта совершили ряд крупных и роковых ошибок. Волжский фронт под напором большевиков и сибирской реакции был разгромлен. Партия социалистов-революционеров потерпела на Волге поражение, от которого еще не оправилась и до сих пор. Но внешний крах волжского фронта далеко не говорит еще о крахе демократической идеи, одушевлявшей двенадцать лет тому назад участников волжской борьбы против большевиков. Большевики временно оказались победителями, но старая тяжба между свободой и деспотизмом, народовластием и диктатурой не только не была устранена из глубин русской жизни, но к началу второго десятилетия господства большевиков приобрела особую напряженность. Под деспотическим гнетом партийной диктатуры неудержимо растут силы, которые сбросят изжившую свое внутреннее содержание коммунистическую олигархию. Дело, начатое двенадцать лет тому назад на Волге, не погибло, и лозунги свободы и народовластия вновь находят резонанс в народных низинах. Защита демократии и свободы будет совершаться при более благоприятной международной политической обстановке и при большей политической сознательности трудовых масс. Найдутся и новые люди, которые с большим, чем двенадцать лет тому назад, успехом помогут мучительному процессу рождения демократии и свободы в измученной большевицким режимом великой стране.

В. Архангельский

Борьба за демократию на Волге

1. ЗАДАЧИ КОМУЧА

Приступая к обзору деятельности Комитета Членов Учредительного Собрания я, прежде всего, позволю себе поставить один предварительный вопрос: в чем был пафос борьбы на Волге? Что составляло, так сказать, основную сердцевину программы Комуча, во имя которой он начал восстание против большевиков и вел ее впоследствии на два фронта?

У большевиков, как нам известно, пафос борьбы давал лозунг — диктатура пролетариата. Во имя этого лозунга была построена вся борьба с Временным Правительством и со всеми правительствами, возникавшими впоследствии на территории России. Во имя этого лозунга рабочие шли на подвиги, на смерть и на преступления, им были зажжены сердца измученных, отчаявшихся классов русского народа, во имя его рабочий пошел против своего брата крестьянина...

Основой белого движения было стремление создать военную диктатуру.

Что же этим двум диктатурам — справа и слева — было противопоставлено волжским движением?

И еще одно. В чем Комуч видел свое главное задание — в борьбе ли с Германией, или в борьбе с большевизмом?..

Этот вопрос я ставлю не без основания, ибо, как мне известно, даже между нами — участниками волжского движения — до сих пор нет единства мнения по этому

кардинальному и основному для нас вопросу. Одни говорят, что главная и основная задача волжского движения, дававшая пафос и внутреннюю силу ему, заключалась в борьбе с Германией. Германия, с ее движущимися полчищами внутрь России — вот был наш главный враг, на борьбу с коим мы и призвали весь русский народ. Другие, наоборот, утверждают, что главная и основная цель волжского движения была борьба с большевиками, а борьба с Германией составляла лишь привходящий элемент, выдвинутый последними событиями русской жизни.

Поставленным вопросом я особенно усиленно занимался в последнее время. Не полагаясь ни на свои личные впечатления, ни на свою память и на свое отношение к волжскому движению, я исследовал целый ряд материалов: приказов, речей, деклараций, и результаты этой работы я и представляю вниманию читателя. Чтобы ответить объективно на поставленный вопрос, мы обратимся к указанным мною материалам.

Так, в воззвании Комуча, в первом его акте, говорится: «Власть, предавшая немецкому штыку, опозорившая страну перед всеми народами своим предательским сепаратным миром, заклеймившая родину позорным именем изменников, позорно, с лакейской угодливостью, исполняющая все немецкие приказы, штыком и насилием захватившая власть в стране, вопреки воле народа, посягнувшая на эту волю в лице Учредительного Собрания, теперь сметена тем же оружием. Переворот, совершенный нами благодаря подходу к Самаре доблестных чехословацких отрядов, совершен во имя великого **принципа народовластия и независимости России».**

И дальше. В приказе № 1, о принятии власти Комучем, от 6-го июня, т. е. написанном за два дня до взятия Самары, в конце говорится: «Призываем всех граждан сплотиться вокруг великого и всенародного Учредительного Собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть Учредительному Собранию. Вот лозунги и цели новой революционной власти».

Я обращаю внимание на одно выражение — «единая Россия». Это слово «единая» Россия будет употребляться в дальнейшем во многих приказах. Таким образом, оно употреблено не случайно.

Чрезвычайно ясно и еще более отчетливо, чем в предыдущих строках, определяет свою позицию и пафос борьбы Комуч в обращении к союзникам. Там, между прочим, говорится: «Комуч своей ближайшей задачей ставит укрепление власти Учредительного Собрания. Создание национальной армии для борьбы с внешним врагом. В области внешней политики Комитет Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы Брестского мирного договора».

Настроение руководителей волжского движения отчетливо выявилось в обращении к крестьянам Самарской губернии, подписанном Брушвитом, Климушкиным и Фортунатовым, тремя членами Комуча, т. е., в сущности, значительным большинством его первоначального состава:

«Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание, — говорится в этом документе. — Да здравствует защита родины от жадных иноземных полчищ, руководимых Вильгельмом и его приспешниками. Да здравствует великий русский народ. Да здравствуют наши союзники в борьбе против германского насилия. Да здравствуют наши кровные братья чехи, словаки, сербы и все славяне. Долой насильников. Да здравствует свобода, равенство и братство».

Наконец, если мы проследим все дальнейшие оффициальные документы Комуча, как-то, приказы, воззвания и декларации, выпущенные в августе месяце за подписью уже свыше тридцати лиц, то и в них мы найдем те же самые мотивы, даже ту же страстность в выражениях, что и в приведенных.

Но, это, возразят мне, оффициальные документы, отражавшие, естественно, главным образом, мнения, настроения и позицию оффициальных органов, в данном случае «Комуча». Но как подходили к заданиям момента другие

деятели Комитета и другие группировки, поддерживавшие Комуч в его борьбе за демократию?

Минин, влиятельный член Учредительного Собрания, на митинге 20-го июля в Самаре, говорит: «Очередная задача момента — это возрождение России — **национальное возрождение».**

Гендельман, член ЦК ПСР, на том же митинге к словам Минина добавляет: «Свержение большевиков **есть одновременно переход на военное положение с Германией».**

П. Д. Климушкин, в своем обращении к Самарскому Союзу Женщин, говорит: «Молодая Народная Армия, созданная для защиты истинного народовластия и для борьбы с **германо-большевизмом,** несет уже великие жертвы».

Веденяпин, член ЦК ПСР (но не член Комуча), в письме на имя Редакции Вестника Комуча, пишет: «Основная задача партии является борьба за восстановление независимости России и возрождение ее национального **государственного единства».**

Особенно выпукло, не оставляя никаких поводов к кривотолкам, Комуч выражает свою позицию в обращении к Донскому казачеству: «Сорганизовавшийся в Самаре Комитет Членов Учредительного Собрания, — говорится в этом обращении, — выкинул стяг возрождения России для борьбы **с большевиками и немцами».**

Союз Инженеров и Техников гор. Симбирска в своей резолюции по текущему моменту говорит: «Все должны объединиться в единую партию — спасения России, которая поставит себе целью, совместно с славными союзниками, изгнать из России германские войска и честно довести войну до почетного мира».

Войска были мобилизованы, конечно, для борьбы в первую очередь с большевиками. В манифесте, объявляющем мобилизацию, говорится ясно: «Именем народа, именем Учредительного Собрания, призываем для борьбы **с предателями России,** Свободы и Революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности объявляется диктуемый государственной необходимостью призыв в ряды Народной Армии». Но борясь с большевика-

ми, Комуч неизбежно переходил на военное положение с Германией. Несомненно, однако, что главное ударение нужно сделать все-же на первом моменте, на борьбе с большевизмом, хотя бы уже по одному тому, что, не победив большевиков, нельзя перейти на активную борьбу с Германией. Правда, реально вопрос борьбы с Германией не стоял в то время перед нами, т. е. реально в том отношении, что мы не должны были посылать сейчас же свои войска на немецкий фронт, но это, однако, нисколько не ослабляло и не ослабляет наших принципиальных позиций. Из цитированных документов мы ясно видим, что Комуч все же эту задачу ставил в свою программу, видел ее перед собою и готовился к ней.

Правда, мир с немцами был заключен, фронт был сорван, войска распущены.

С другой стороны, однако, сама жизнь и создающаяся политическая обстановка выдвигала на очередь второй пункт нашей основной программы. Нужно иметь в виду, что германская опасность была не мифом в то время, а действительностью. Немцы, захватив Украину, начали понемногу продвигаться уже и вглубь центральной России. Не имея под рукой достаточно информаций, русское население в Поволжьи смотрело на это продвижение с некоторой преувеличенной испуганностью. Например, у нас, в Самаре, говорилось, что немцы подходят уже к Царицыну и, не согодня-завтра, может быть, появятся близ Самары. Эти планы в то время казались вполне возможными и естественными. Всем было известно, что Германия, истощенная 4-летней войной, крайне нуждается в продовольственных запасах. Волга, с ее невычерпанными еще складами хлеба, представлялась для немцев весьма крупной ценностью. Таким образом, продвижение немцев к Волге приобретало в наших глазах вероятность.

С другой стороны, нам было ясно, что большевики не будут признаны союзниками, как в силу их внешней политики, так и внутренней. Германия же, заключившая с большевиками удачный договор и тем выведшая Россию из боя, постарается во что бы то ни стало поддер-

жать их, хотя бы только на время войны с союзниками. Создавался, таким образом, неизбежный союз. Поэтому распространяемые слухи о продвижении немцев к Волге, как для собирания хлебных запасов, так и для возможного оказания вооруженной поддержки большевикам, казались естественными и правдивыми. Этим, как мне думается, и объясняется то напряженное отношение к немцам, какое мы видим в среде всех слоев русского населения, и то, что, ставя своей целью борьбу с большевиками, Комуч одновременно считает неизбежным и переход на военное положение в отношении Германии.

2. ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ КОМУЧА

Итак, в предыдущей главе мы указали, что главнейшей задачей борьбы на Волге являлась борьба с большевиками, как с внутренним врагом, и восстановление борьбы с Германией, как с врагом внешним. Но, борясь с этими врагами, внутренним и внешним, что же Комуч противопоставил во внутренней политике демагогии большевиков; как себе мыслил Комуч всю свою остальную деятельность, свое государственное творчество?

Постараемся ответить на этот вопрос при помощи официальных данных, кои в настоящее время имеются в нашем распоряжении.

Прежде всего, необходимо сделать одну оговорку, весьма существенную и весьма много нам объясняющую.

«Комуч», взяв на себя тяжесть организации противобольшевицкой борьбы, за все время своего существования, как в первый период, так и во второй, считал себя властью временной, не призванной разрешать основных проблем государственной жизни России. Хозяином земли русской, призванным разрешать все эти проблемы, поставленные историей России, должно явиться, по его мнению, Учредительное Собрание. Ему, и только ему одному, принадлежит это право. Все правительства, где бы они ни были, как бы они ни были созданы, имеют право лишь на временное разрешение тех или других вопросов, хотя

бы по существу и весьма важных и крупных для России. Этим и объясняется то, что Комитет во всех своих приказах и декларациях всегда подчеркивал, что «впредь до Учредительного Собрания», «впредь до разрешения вопроса будущими государственными органами» постановляется то-то и то-то. Этим объясняется и то обстоятельство, что Комитет вместо законов издавал приказы, вместо министерств создал ведомства и вместо министров — управляющих ведомствами.

Всем этим Комитет хотел подчеркнуть, что он считает как себя, так и все свои деяния лишь временными, преходящими. Как на свидетельство, доказывающее правдивость моих утверждений, можем сослаться на автора далеко не сочувствующего Комучу, как организации эсэровской, с его точки зрения, а именно на Майского. В своей книге «Демократическая контр-революция», изданной в Москве, после его перехода к большевикам, он также пишет: «Комитет с самого начала рассматривал себя, как временное, в первую неделю существования — даже, как на очень кратковременное учреждение».

Такое положение, само собой понятно, не располагало к созданию вполне продуманной и законченной программы. Этим также, мне думается, объясняется и то обстоятельство, что Комитет разрешает вопросы не в той их последовательности, в какой следовало бы это сделать при других обстоятельствах, выдвигая иногда на первый план вопросы, менее значившие для жизни государства, чем другие, и отодвигая назад такие вопросы, кои, казалось бы, заслуживали наибольшего внимания и наискорейшего разрешения. Также, как мы это видим по датам приказов, вопросы разрешаются с большими перерывами, в некоторой безсистемности, как бы от случая к случаю.

Это с одной стороны. С другой стороны, Комуч работал в обстановке военных боев. С полным основанием и в буквальном значении этих слов, можно сказать, что Комуч работал на передовых позициях, ибо вся территория Комуча в первые несколько недель определялась городом Самарой и его ближайшими окрестностями, радиу-

сом в 20-30 верст. Изо дня в день приходилось ждать натиска врага, готовиться к отходу и, быть может, к бегству, и, понятно при такой неуверенности в завтрашнем дне не создавалось благоприятных условий и импульсов для постановки в программу дня большой, законченной платформы государственной деятельности.

Кроме того, в первые два месяца, наиболее значимые и интенсивные во всех отношениях, работало в Комуче, по существу, всего лишь 2½ человека, что, конечно, не могло не отразиться, как на качестве работы его, так и на количестве.

Поясним это несколько детальнее. Как известно нам из предыдущей статьи, первоначальный состав Комуча состоял из пяти человек: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров, Фортунатов. Из них Фортунатов все время, дни и ночи, проводил на фронте, появляясь в Самаре лишь изредка, на два-три часа, для разрешения опять-таки некоторых вопросов, выдвигаемых фронтом. И. П. Нестеров с первых же дней волжской борьбы занялся казачьими делами и так же все время был в отъезде — то в поезде в Уральск, то в поезде в Оренбург; И. М. Брушвит, в качестве нашего присяжного дипломата, большую часть времени в первые дни проводил в разъездах и переговорах то с чехословаками, то с сибиряками, то с местными общественными и финансовыми кругами, отдаваясь внутренней работе Комуча лишь на половину.

Таким образом, вся внутренняя работа Комуча — законодательная, организационная, политическая и даже техническая — легла в первый момент всею своею тяжестью, по преимуществу, на плечи двух членов Комуча — на В. С. Вольского и П. Д. Климушкина. Как бы ни были талантливы и энергичны названные лица, все же справиться им со всею работой было чрезвычайно трудно. Это обстоятельство, как я сказал уже выше, также отразилось на продуктивности и систематичности в работе Комуча.

С другой стороны, сама жизнь выдвигала иногда такие вопросы, кои необходимо было во что бы то ни ста-

ло, если не разрешить, то так или иначе на них ответить. Так, например, не разрешив аграрного вопроса, нельзя было расчитывать на какое бы то ни было участие крестьянских масс. Комитет в своей деятельности, опирающейся по преимуществу на крестьянство, или, во всяком случае, желающий на него опираться, должен был подойти к разрешению этого вопроса. Вопрос об отношении к советам рабочих и крестьянских депутатов также был выдвинут самой жизнью, и на этот вопрос Комуч должен дать также свой ответ. И таких вопросов, требующих разрешения, было не мало.

Наконец, еще одна необходимая оговорка. В мемуарах некоторых правых авторов указывалось, что Комуч в своей деятельности руководствовался исключительно интересами партии большинства и все вопросы разрешал в зависимости от того, как они были предрешены партийными постановлениями, ни на иоту не желая поступиться программными решениями партии во имя интересов государства.

Это утверждение также не соответствует действительности. Конечно, программу Комуча в значительной степени предрешала вся предшествующая деятельность как Учредительного Собрания, так и Временного Правительства, и многие постановления партии, но вместе с тем Комуч, при решении целого ряда вопросов исходил не из того, что постановила партия, а из того, что в данный момент диктовалось ему государственной необходимостью, требованиями момента и обстановкой. Как один из участников и руководителей этого движения, категорически утверждаю, что ни в одном из своих решений, ни в одном из своих заседаний, Комитет, ни отдельные члены его, никогда не мотивировали свои решения решениями съездов или ЦК партии; наоборот, в чрезвычайно многих заседаниях и совещаниях неофициального характера, члены Комитета с полной откровенностью шли иногда на конфликт с постановлениями партии. Мы понимали, что теоретические постановления партии не всегда могут согласоваться с запросами жизни и что обязанность

политического деятеля не заключается в том, чтобы рабски копировать или детально проводить в жизнь постановления партии, а, беря их за основу, корректировать в соответствии с требованиями жизни. Если и не было в наших постановлениях принципиальных отклонений от позиции партии, то именно потому, что Комуч считал необходимым разрешить вопрос именно так в силу сознания, что это вызывается интересами государства, а не партии.

Сделав эти оговорки, мы можем перейти к выяснению программы Комуча.

Основные пункты программы были выявлены Комитетом в первых же его приказах и воззваниях. Так, в цитируемом нами воззвании Комуча к гражданам Самары говорится, что «переворот совершен во имя великого принципа народовластия и независимости России». Далее, в приказе № 1 — о принятии власти Комучем — уже устанавливается целая программа Комитета: «Во всей полноте своих прав — говорится в нем — восстанавливаются, распущенные советской властью, органы местного самоуправления; все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются, и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов. Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинным народно-демократическим принципам, упраздняется, и восстанавливается народный окружный суд. Единая, независимая, свободная Россия! Вся власть Учредительному Собранию! Вот лозунги и цели новой революционной власти».

Итак: Учредительное Собрание, восстановление органов самоуправления, непризнание Брестского мира и борьба с Германией, воссоздание армии и воссоздание России — таковы, по существу, основные цели Комуча, воодушевившие его и зажегшие на столь ответственное перед страной дело.

Иначе говоря, диктатуре слева и справа была противопоставлена «демократия».

Эти несколько строк отчетливо и ясно говорят нам

о характере новой власти и о том направлении, по какому она пойдет в своей деятельности. Вкратце, эту программу можно охарактеризовать, как революционную программу демократии, как отрицание тех принципов, кои были выдвинуты большевицкой программой. Не случайно Комуч, в первый же день своей власти, выбросил над своим зданием красный флаг. Большинство населения отнеслось к этому акту его с недоумением, обвиняя Комуч в большевизме и в тому подобных грехах. Некоторые даже встретили появление красного флага очень грубыми выкриками, вроде: «Долой эту красную тряпку!»

Но Комитет и в этом вопросе проявил большую настойчивость. Комуч полагал, что то, что делали большевики, разогнав Учредительное Собрание, отбросив свободные выборы, подавив свободу слова и печати, есть, по существу, контр-революция. Борьба Комуча есть борьба за возвращение народу его свобод и, следовательно, есть по существу борьба революционная. Символ революции — красное знамя. Вот почему именно красное знамя мы выбросили на своих зданиях. Этим фактом мы хотели подчеркнуть как перед своими друзьями по идее, так и перед своими врагами, характер нашей власти и нашей деятельности и характер всей дальнейшей нашей революции.

Начиная борьбу с большевиками, на какие же силы мы делали ставку? Вот вопрос, на который необходимо ответить, прежде, чем приступить к детальному выяснению программы Комуча.

Мы отлично понимали, что от установления этого основного положения зависит весь дальнейший характер нашей работы.

Совершенный нами переворот не был поддержан активно рабочими, исключая, конечно, те немногочисленные группы, которые шли вместе с Комучем. Значительная часть рабочих осталась вне сферы нашего влияния, не оказывая нам ни активного сопротивления, ни активной поддержки. Даже та часть рабочих, которая находилась под влиянием, в то время нам весьма сочувствовавшей, партии социал-демократов меньшевиков, относясь к

нашему начинанию сочувственно, все-же держала, как в то время считалось выражаться весьма модным, нейтралитет. Ясно из сего, делать ставку на рабочих мы не могли, ибо рабочие не тот авангард, не те силы, которые могли быть брошены нами в бой против большевицкой диктатуры; с другой стороны, рабочие все же та сила, с которой приходилось считаться и каковую небезопасно было иметь своим противником. Необходимо было, выражаясь военным языком, обезопасить свой тыл, т. е. от возможности активного выступления рабочих против новой власти. Говоря проще, необходимо было, считаясь с рабочими, как с силой, сделать все возможное, чтобы из нейтральных друзей не сделать активных врагов. При создании своей рабочей программы мы должны были с этим считаться, учитывать это, и соответствующим образом разработать свою рабочую программу, расчитанную, если не на вовлечение их в активную борьбу, то, во всяком случае, на нейтрализацию их.

Вторая сила — крестьянство. В начале, бесспорно, крестьянство встретило самарский переворот с большим сочувствием и даже воодушевлением, выявив это во многих местах активно. Оно было настроено анти-большевицки и готово было оказать нам всяческую помощь, включительно до вооруженной борьбы. Весь Заволжский район был охвачен крестьянскими безпорядками, направленными против советской власти. Казачество, — по существу, то же крестьянство, — вело уже эту активную борьбу; так что у нас имелись в то время все основания утверждать, что крестьянство, при создании некоторых благоприятных условий, могло бы принять активное участие в анти-большевицкой борьбе. Считая крестьянство основной базой, основной силой в борьбе с большевизмом, мы должны были уделить все свое внимание этой силе и разработать крестьянскую программу так, чтобы она, не противореча общегосударственным интересам, отвечала основным насущным запросам деревни. Этим и объясняется, что земельный вопрос был разрешен одним из первых и разрешен самым радикальным способом, на какой, мо-

жет быть, Комуч, как власть временная, и не имел формальных прав.

Наконец, третья сила — военные круги и интеллигенция. Не вдаваясь в анализ ни значения, ни весомости, ни численного количества этой группы русского населения, я формулирую лишь вкратце наше тогдашнее отношение к этой группе. Мы полагали, что эта организующая сила, этот командный кадр, имеет значение постольку, поскольку он отражает и возглавляет движение, поддерживаемое широкими массами. Сам по себе этот командный состав, с нашей точки зрения, не может иметь большого значения. Поэтому на военные круги и интеллигенцию мы смотрели, как на подсобный материал, как на кадры, кои могут лишь возглавить движение, руководить им, но отнюдь не составлять его основную силу, массу, способную противостоять большевицким массам. Роль интеллигенции и военных кругов должна быть служебная, подсобная, если так позволительно выразиться. Не выявляя своих групповых интересов в разрешении государственных вопросов, эти кадры должны идти с массами, поскольку требования этих масс совпадают с интересами государства в целом. Требования, выставленные русским крестьянством и частью трудовой интеллигенции, нам думалось, находятся в полном соответствии с интересами государства. Что касается специальных военных кругов, то, придавая большое значение офицерским группам и считаясь с ними, как с активной и весьма весомой группой, мы, вполне естественно, как социалисты и как государственники, ставившие на первое место интересы государства, а не группы, конечно, делать ставку на эту группу, как бы ни была она активна и как бы в данный переходный момент ни была весома; все же подчинить интересы масс, в данном случае основного пласта — крестьянства — мы, конечно, не могли. Но и здесь, и в этом, несомненно, наша ошибка, мы старались найти, как это увидим впоследствии, при обозрении деятельности Комуча, такой компромисс, который давал бы возможность сотрудничества с ними.

Таким образом, наше горячее устремление было направлено к тому, чтобы в этой борьбе с единым и общим врагом, большевизмом, были объединены все группы русского населения. Мы отлично понимали, что большевизм можно преодолеть лишь общим объединенным фронтом. Борьба будет выиграна только тогда, когда в войне будут участвовать все классы и все группы русского населения, нейтрализуя тыл, т. е. те группы, кои не могли участвовать на фронте. Мы старались, иногда идя даже на компромиссы, бросить на фронт все живое, все способное к активной борьбе с большевиками. Сложение сил — вот наш лозунг в практической работе по созданию антибольшевицкого фронта.

Исходя из вышеизложенных основных своих предпосылок, Комитет в первые же дни своей работы употребил все усилия к тому, чтобы вовлечь в процесс жизни и в создание разрушенных большевиками учреждений широкие массы русского населения. Как метод этого вовлечения, он избрал те же съезды, рабочие конференции и тому подобные организации, существовавшие до большевицкого переворота. Так, например, распустив советы рабочих и солдатских депутатов, созданные большевиками, он в тот же день спешит заявить, что в ближайшее же время будет созвана рабочая конференция для организации и избрания нового совета рабочих депутатов. Считая советы принципиально, как пережиток первых революционных дней, утратившими реальное значение, тем не менее Комуч считал необходимым этот «пережиток» сохранить и на дальнейшее время. Не для защиты, конечно, политических прав рабочих, ибо для этого имелись более сильные организации, а именно политические партии, и не для защиты профессиональных интересов, ибо для этого также существовали соответствующие организации — профессиональные союзы, но именно, как рабочую трибуну, где широкие массы, не имея возможности непосредственно участвовать в управлении государством, могут участвовать в творческой работе уже тем, что, критикуя власть и ее деяния, они тем самым становятся соучастни-

ками деятельности этой власти. Критикуя и исправляя деяния этой власти, они неизбежно вовлекутся и в самый процесс творчества и ответственности. В действительности это и было на Волге. Собираясь в начале на съезды или конференции, рабочие и крестьяне начинали с резкой оппозиции к тем или другим деяниям власти, а потом, постепенно втягивались в обсуждение интересов текущей жизни. Мы не только не боялись этой открытой трибуны, но сами, сознательно, с полной искренностью шли на организацию таких съездов и конференций. В каждом городе, освобожденном от большевиков, немедленно же, по нашей инициативе, или по инициативе идейно-близких нам организаций, созывались в первую очередь крестьянские съезды и рабочие конференции. На этой почве нам пришлось выдержать борьбу как с правыми организациями, так и с военными кругами, в особенности с последними. Этот метод наш вовлечения широких масс в процесс жизни и тем самым в борьбу с большевиками они называли «керенщиной» и «совдепщиной». Представители военных кругов и, в частности, нашего военного ведомства, не раз заявляли, что они не могут смотреть спокойно на эту совдепщину, опять начинаемую нами сызнова по примеру 1917-го года. «Пора кончить с этим. Довольно этой болтовни». Повторяем, мы и сами понимали, что эта, так называемая «болтовня», не может, конечно, помочь в деловой части практической работы, каковой особенно большое значение придавали, как буржуазные, так и военные круги (а мы созывали и устраивали крестьянские съезды и рабочие конференции). Но именно она, так называемая «совдепщина», и только она, может успокоить широкие народные массы в их отношении к новой власти. Так называемая Самарская рабочая конференция началась с горячих оппозиционных речей, а после целого ряда наших выступлений и разъяснений, кончилась вынесением резолюции о поддержке и доверии к Комучу. И для того времени — времени подозрений ко всякой новой власти, еще неизвестной им, оперировать так было неизбежно. В период широкого недоверия, в особенности крестьян-

ских масс, ко всяким политическим акциям, после большевицкого «пуча», после такого грубого разгона Учредительного Собрания, нужно было быть особенно внимательным и осторожным к настроениям этих масс. Народные массы вправе были с недоверием следить за всякими новыми политическими акциями, и чтобы успокоить и устранить это недоверие мы не видели никакого иного метода, как только предоставить этим массам широкое участие в обсуждении политических событий и деяний власти. С своей стороны, идя всячески навстречу народным массам, мы старались дать самую подробную информацию, как о своей прошлой, предшествующей выступлению, работе, так и о своей текущей деятельности и о будущих планах. Мне думается, именно благодаря этому мы в самый незначительный срок сумели преодолеть скептицизм широких масс и внушить к себе большое доверие и готовность поддержать нас. Как увидим из дальнейшего, все съезды, и крестьянские и других групп, кончались тем, что выносили резолюцию, приветствовавшую новую власть и благословляющую ее на дальнейшую борьбу с большевизмом. Таким образом, вовлекая народные массы в политическую жизнь, нам удалось сделать то, что мы считали необходимым для успешности борьбы с большевиками, а именно: заручиться положительными и неоспоримыми симпатиями крестьянства и обеспечить себе благожелательный нейтралитет в среде рабочих.

3. КОНСТРУКЦИЯ ВЛАСТИ

Еще приступая к организации восстания, мы, группа инициаторов волжского движения, неоднократно задавали себе вопрос: как сконструировать власть после свержения большевиков? Кто эту власть имеет право организовать и от чьего имени она должна действовать?

Нам казалось, что, несмотря на факт разгона Учредительного Собрания мы можем действовать только от имени этого Учредительного Собрания. Неважно, что нас немного, но авторитет Учредительного Собрания с нами

и только члены этого разогнанного Учредительного Собрания, нормального господина земли русской, могут представлять в данное время на каждом клочке русской земли законную власть. Считая вопрос с созывом Учредительного Собрания для себя ясным и бесспорным, считая также неоспоримыми и права членов Учредительного Собрания на руководство противобольшевицким движением во имя восстановления Учредительного Собрания, мы в то же время полагали, что Учредительное Собрание первого состава, треть членов коего вышла из состава его, не может претендовать на полноту власти. Его роль должна заключаться в том, что оно, доведя борьбу до конца, назначает новые выборы и расходится.

Но так как нет ни органа, ни учреждения, которые были бы в праве распустить Учредительное Собрание, то мы считали, что только само Учредительное Собрание может и правомочно это проделать. Посему Учредительное Собрание первого состава, по нашему мнению, должно было быть созвано. Оно издает избирательный закон, назначает новые выборы, и с этим распускается.

В этом желании во что бы то ни стало созвать Учредительное Собрание первого состава многие наши политические противники видели какой-то ловкий маневр, — чуть ли не шантаж. Дескать, вот, созовут Учредительное Собрание, захватят власть в свои руки, назначат своих министров, а потом и не разойдутся, а как большевики, объявят себя полновластным хозяином земли русской и будут продолжать управлять страной. Тогда и борись с ними!..

Конечно, в той нездоровой обстановке, в которой нам приходилось в то время работать, возможны и, пожалуй, законны, были такие подозрения. Всякие уверения и клятвы в противоположном казались тогда ловкой игрой, ни к чему никого не обязывающей. Так было тогда, но теперь, когда эти страсти улеглись, когда борьба закончена и клочек русской истории, именуемый гражданской войной, канул в вечность, можно говорить с полной объективностью и искренностью, не боясь, что тебя за-

подозрят во лжи или в политической игре. Посему позволительно на этот вопрос, игравший чрезвычайно большую роль в политической жизни Поволжья и Сибири, ответить со всей искренностью и правдивостью. Я, как один из самых активных участников волжского движения, бывший в курсе всех переговоров и намерений, со всей категоричностью заявляю, что ни у кого из членов Комуча, ни из членов ЦК партии, таких маккиавелиевских настроений и планов не было. Все мы, как члены Учредительного Собрания, так и члены ЦК партии, были искренно убеждены, что Учредительное Собрание первого состава не может претендовать на доверие всего русского народа, и посему, во имя интересов государства, должно быть распущено и, если мы не соглашались на объявление этой ликвидации немедленно, то не потому, как многие думают, что мы хотели кого-то обойти, кого-то обставить, а потому, что на такой роспуск, теперь же, немедленно, без согласия самого Учредительного Собрания, никто не имел права. Роспуск власти, избранной всем народом, даже совершенно авторитетными группами и партиями, убил бы в народных массах всякое доверие к Учредительному Собранию и всякое уважение к юридическим нормам.

Таким образом, наша позиция в вопросе о конструкции власти формулировалась весьма ясно: в будущем — созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В данное время верховную власть представляет Учредительное Собрание данного состава, в лице Комитета членов Учредительного Собрания. Правительство, как деловой аппарат, может быть создано только по соглашению с ним. Этой точки зрения держались не только мы, но и большинство других демократических партий и городских и земских самоуправлений. Так, например, чрезвычайный съезд земств и городов в Самаре, в резолюции по текущему моменту, говорит: «В виду невозможности созыва нового Всероссийского Учредительного Собрания должно быть создано единое всероссийское правитель-

ство по соглашению Комуча с областными правительствами».

Нас упрекали и упрекают еще до сих пор в том, что мы, захватившие власть в свои руки на Волге, не хотели будто бы поделиться ею ни с кем из других политических партий, занимая все ответственные места членами Учредительного Собрания и членами партии социалистов-революционеров.

Это утверждение не соответствует действительности. Оставаясь верными своему основному принципу вовлечения широких масс русского населения и стремясь к собиранию сил, Комуч в первые же дни своей власти обратился с предложением ко всем существовавшим в Самаре партиям принять участие в создаваемом им правительстве. Эти переговоры об участии во власти были поручены пишущему эти строки, как руководителю, выражаясь политическим языком, ответственному за внутреннюю политику Комуча. В первую же очередь, я опять начал переговоры с социал-демократами, с которыми, как мне казалось, мы можем скорее всего договориться. Развив им вкратце нашу программу деятельности, наши основные тактические и политические принципы, я спросил, могут ли они теперь, когда борьба вооруженная с большевиками началась, принять активное участие в деятельности Комуча и на каких условиях и когда? От социал-демократов вели со мной разговор председатель губернского комитета Лепский и Кабцан. Оба они, примерно, ответили то же, что ответили при первых переговорах, когда я приглашал их к организации борьбы с большевизмом, а именно: оставаясь на тех же позициях, т. е. признания неизбежности вооруженной борьбы с большевиками, они, однако, за свой страх не могут разрешить этого вопроса, до тех пор, пока не получат инструкции от центра или же от высшей местной инстанции, от областного комитета. В ближайшем будущем, заявили они, состоится областной съезд партии, и этот вопрос будет подвергнут там обсуждению. В зависимости от постановления этого съезда, они и будут действовать в данном конкретном случае.

Областной съезд или областная конференция социал-демократов состоялась 16-го августа, в городе Самаре, и на нем была вынесена следующая резолюция: 1) Принимая во внимание, что в настоящий момент перед революционной демократией стоит задача спасения страны и воссоздания единой демократической России, настоятельно требующая максимального сплочения ее сил под знаменем Учредительного Собрания, 2) что эта цель легче и полнее может быть достигнута на почве положительной работы по восстановлению нормальной экономической жизни страны, 3) что один из важнейших моментов подобного восстановления является урегулирование отношений между трудом и капиталом, чтобы, при гарантии свободного развития производительных сил, интересы трудящихся были всемерно охранены методом широких социальных реформ, осуществимых в рамках капиталистического строя, 4) что политика Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания до сих пор, в общем, соответствовала указанным выше заданиям — спасению революции и воссозданию единой демократической России и задания, по заявлению его ответственных представителей, обещают остаться таковыми и в дальнейшем, 5) что при таких условиях долг и обязанность социал-демократов оказать всемерную поддержку Комитету членов Всероссийского Учредительного Собрания в стоящей перед ним грандиозной творческой государственной работе, — Областной Комитет РСДРП территории Всероссийского Учредительного Собрания постановляет санкционировать занятие тов. Майским предложенного ему Комучем поста управляющего ведомством труда»...

Таким образом, как мы видим, социал-демократы в конце концов формально приняли участие в гражданской борьбе, санкционировав участие в министерстве Комуча их товарища Майского. Они тем самым идейно разрешили всем членам своей партии участвовать в борьбе против большевиков. Нет сомнения, что эта резолюция с.-д. имела для нас большое значение, не только в области

моральной, но и практически-деловой. С принятием ее социал-демократы становились окончательно на путь активной поддержки антибольшевицкого движения. До ее принятия очень многие, весьма ценные социал-демократические работники отказывались идти на работу к Комучу, многие союзы отказывались давать добровольцев в Народную армию и содействовать в перевозке военных материалов; газеты занимали какую-то неопределенную позицию и т. д., и т. д. Теперь произошла значительная перемена. Среди партийных работников, к которым мы обратились с предложением принять участие в активной работе, мы нашли полный отклик, а голос с.-д. печати стал чище и определеннее. Но в общем, нужно все-таки отметить, что несмотря на принятие вышеприведенной резолюции, в поведении самарских с.-д. в отношении Комуча замечалась какая-то двойственность или, вернее сказать, невыдержанность. Одна часть работников, использовав формальное разрешение, немедленно же вступила в сотрудничество с Комучем (Преображенский, Майский, Кунин, Белов и др.), другая часть, несмотря на это формальное разрешение, все же продолжала оставаться в стороне от политической жизни и от борьбы с большевиками. Мне думается, что это обстоятельство объясняется тем, что в среде с.-д., очевидно, не было единства во взгляде на гражданскую борьбу и на отношение к большевикам. Очевидно, часть с.-д. до последнего времени продолжала еще занимать позицию, согласованную с ЦК партии, т. е. отказа от гражданской войны и изживания большевизма мирным, эволюционным путем. Не преувеличу, если скажу, что значительная часть самарских с.-д., высказывая принципиальные симпатии волжскому движению, тем не менее как то старались держаться в стороне от активного участия в повседневной жизни, как бы считая это дело для них чужим и неподходящим. Что касается рабочих социал-демократов, то они и после вынесения резолюции областной конференции остались при прежних своих воззрениях и настроениях; сочувствуя вооруженной борьбе, они все же сами не принимали в ней ак-

тивного участия. Активное содействие было оказано Комучу лишь верхами с.-д. организации, по преимуществу интеллигенцией. Из видных работников приняли участие в работах Комуча лишь 5-6 человек, а именно: Майский, Преображенский, Белов и Кунин. Остальные работники, как Кабцан, Лепский и целый ряд иных видных руководителей с.-д. организации, остались в стороне, оказывая содействие лишь идейное, пассивное, а не активное.

Одновременно с переговорами с социал-демократами, я вступил в переговоры также с представителями к.-д. От них, как и в первый раз, вел переговоры председатель губернского комитета, присяжный поверенный Подбельский. Получив от меня всю нужную информацию, он сейчас же поставил этот вопрос на обсуждение губернского комитета и, явившись через три дня, заявил, что их комитет согласится вступить в переговоры об участии их в правительстве только при одном условии, если Комуч немедленно же откажется от своей позиции в земельном вопросе, т. е. немедленно же издаст приказ, приостанавливающий действие прежде изданных приказов о переходе земли к крестьянам.

Я обращаю внимание читателя на то, что речь шла не об условиях вступления в правительство, а об условиях, при которых могут быть начаты лишь переговоры об этом вступлении. Это обстоятельство Подбельский подчеркнул несколько раз с особенной силой, и добавил, что до тех пор, пока не будет издан таковой приказ, приостанавливающий действие земельных наших распоряжений, не может быть никаких разговоров об условиях совместной работы с Комучем.

Выслушав такое заявление, я спросил его: «А как же быть с землей, которая фактически уже находится в руках крестьян? Отбирать ее у них, или оставить в их владении, и вообще, какой позиции в этом вопросе должен был бы держаться тогда Комуч? Значит, землю необходимо отбирать обратно»? — спросил я.

«Зачем? — ответил Подбельский, — нет в этом никакой необходимости. Пусть остается все в том положении,

в каком оно есть в настоящее время. Мы не требуем, чтобы вы немедленно же начали отбирать у крестьян обратно землю, и проводить какую то иную политику, мы только настаиваем на том, чтобы этот фактический переход земли во владение крестьян не был вами узаконен и предрешен. Пусть вопрос остается открытым впредь до созыва Учредительного Собрания. Как разрешит его Учредительное Собрание, так тому и быть. Но до того момента, с нашей точки зрения, никакая власть не правомочна его решать. Что касается вашей ссылки на принятие закона в первом заседании Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го года, то мы ее считаем несущественной, ибо самое это постановление, принятое на-спех, при ненормальных условиях, под давлением вооруженных солдат, мы не считаем закономерным. Но мы не можем не только участвовать, но и вести переговоры с правительством, которое санкционирует этот анархический захват»...

Само собой понятно, что после такого ответа представителя к.д. не могло быть и речи о дальнейших переговорах об участии к.-д. в правительстве. То, что для них казалось неправомерным захватом, и то, что им казалось, как закон, принятый Учредительным Собранием, незаконным постановлением, — нами считалось основой всей нашей социально-экономической политики. Я уже сказал выше, что основной базой, из которой мы надеялись черпать все наши силы для вооруженной борьбы с большевиками, считалось крестьянство и, чтобы привлечь крестьянство к активному участию, необходимо было гарантировать ему немедленный переход земли в его владение, и теперь, принявши закон Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го года, как основу нашей земельной политики, вдруг отказаться от этого закона и идти на путь урезывания завоеваний деревни — значило бы немедленно же восстановить против себя всю деревню и толкнуть ее, наверняка, в объятия большевиков. Но, помимо этих чисто тактических соображений, мы не могли принять предложения к.-д. и по причинам принципиального значения. Переход земли в руки крестьянства — это одно из

самых основных требований нашей программы, каковое выставлялось нами, как членами партии с.-р., в течение долгих лет. Отказаться от него, это значило бы отказаться от самих себя и повторить ошибку Временного Правительства, медлившего с разрешением этого вопроса.

Словом, предложение к.-д. настолько было неприемлемо для нас, что в дальнейшем мы не делали уже никаких попыток, чтобы сговориться с ними о совместной работе. Точно также и к.-д., очевидно, расхождение между нами считали настолько серьезным и глубоким, что также не делали ни одной попытки, чтобы на чем то договориться, как то вклиниться в происходящие события и принять активное участие в повседневной государственной работе.

Больше того, начиная с первых же дней к.-д. занимают определенно оппозиционное положение в отношении Комуча. Их орган «Волжский день» начинает вести ожесточенную критику не только по отношению к отдельным лицам Комуча, к отдельным его деяниям, но и против самого принципа власти, отрицая за Комучем какие бы то ни было юридические права на создание всероссийского правительства. Расхождение, как видим, получилось и в этом вопросе коренное. Вначале их критика велась в довольно мирных и терпимых тонах, но чем дальше, чем успешнее развивалась борьба на Волге, тем критика становилась ожесточеннее, непримиримее и страстнее. В конце концов, она вылилась в такие формы, что на нее обратили внимание даже на фронте, и управляющий ведомством охраны счел необходимым вызвать редактора «Волжских Дней» и просить или о прекращении такой ожесточенной критики, или о ведении ее в нормах, приличествующих русской прессе. Дальше стало известным, что часть членов губернского комитета к.-д., во главе с Соловейчиком, секретарем комитета, Богоявленской и Коробовым, организовали комитет по отправке офицеров с Волги в Сибирь. Мне лично было также известно еще и то, что местные кадеты ведут интенсивные переговоры с кадетами сибирскими, но сущности этих разговоров нам

не удалось узнать. Кадеты, сочувствуя идейно антибольшевицкой борьбе, в действительности от этой борьбы не только уклонялись, но и сделали все зависящее от них, чтобы подорвать это движение и обессилить его. Насколько эта тактика были верна и соответствовала их планам, не берусь судить, ибо это не входит ни в мои задачи, ни в мои планы. В дальнейшем, как нам всем хорошо известно, к.-д. стали партией государственного переворота и оправдали идеологически, как арест Директории, так и все белое сибирское движение, называемое колчаковским.

Чрезвычайно характерна была позиция в отношении Комуча самарских промышленных кругов. Эту позицию лучше всего выявил Г. Неклютин, председатель самарского союза промышленников. Разговоры с ним велись при случайной встрече, полушутя, полусерьезно, но тем не менее и Неклютин и мы понимали, что они имеют большое принципиальное и для него и для нас значение и являются до некоторой степени обязывающими. Встречались мы с Неклютиным в купальне Яхт-клуба, где бывали и он и мы (я и Вольский) почти каждый день. Полушутя, полусерьезно, мы ему сказали, что почему это промышленные круги так слабо нас поддерживают и финансами и участием в работе наших государственных учреждений.

«Неужели вы не понимаете, — говорили мы, — что с провалом волжского фронта восторжествует снова большевизм, и тогда уж большевики будут действовать более решительно, чем они действовали до сего времени. Расчитывать на сожительство частного капитала с государственным во время власти большевиков не приходится. Нам думается, промышленники это и сами сознают; с другой стороны, большевиков могут победить только социалисты, и с падением власти большевиков, власть может быть только социалистической и никакой иной. Отсюда ясно, что промышленники должны выбирать из двух зол меньшее. Наши позиции вы знаете. Являясь социалистами, мы все же в данное время сохранение частной

промышленности считаем в интересах самого же социализма и в интересах государства необходимым»...

На это Неклютин, чрезвычайно умный и образованный человек, впоследствии бывший министром торговли и промышленности в правительстве Колчака, так же, как бы полушутя, полусерьезно, отвечал:

«Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не успокаивает. Лучше умереть совсем, чем ходить недорезанным. Кроме того, мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции; вы, как мне кажется, подрубаете дерево и под собой. Долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покатившись назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы будем до поры до времени вас немного поддерживать, немного вас подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму. Словом, нам невыгодно с вами связываться. Работайте уж вы одни, мы вам мешать не будем, но обессиливать себя, участвуя в вашей борьбе, нам тоже не резон»...

Несмотря на то, что эти разговоры велись в шуточных тонах, с взаимным смехом, тем не менее мы понимали, что в них кроется настоящая психология промышленного класса. Промышленники, — не говорю о всех российских, а о поволжских, — искренно были убеждены в чем я убедился потом из разговоров с другими лицами и целыми группами, что начавшееся обратное движение, как они говорили — контр-революционное, — не задержится на социалистах, а покатится дальше, если не к монархистам, то, во всяком случае, к представителям священной собственности и твердой власти. Они были глубоко уверены, что устранившись от происходящей борьбы между социалистами и коммунистами, они делают весьма умное, даже гениальное дело. Это положение они характеризовали весьма грубой, но меткой, русской поговоркой: «Две

собаки дерутся, третья не приставай», а кость то, говорили они, достанется нам. Мы знали эту их упрощенную позицию, насколько это можно было, пытались ее разбить, но большого значения участию промышленных групп в гражданской войне мы не придавали, на помощь их сил мы не расчитывали, и поэтому не только серьезных, но и вообще формальных разговоров никогда не вели с ними. Не вели еще и потому, что были уверены в безнадежности этих переговоров, ибо слишком уж велико было противоречие между ними и нами, и согласовать их не представлялось никакой возможности. Если я и позволил себе привести частные разговоры с Неклютиным, то лишь для характеристики той позиции, какую занимали в отношении Комуча ответственные круги промышленников.

Конструкция власти была проста. В центре Комуч, т. е. Комитет членов Учредительного Собрания, как верховный орган управления всей территорией и как законодательная власть. Для управления делами и ведения практической политики был создан совет управляющих ведомствами или совет министров. На периферии — губернские уполномоченные и уездные.

Личный состав правительства был весьма однороден. Из 13-ти управляющих ведомствами было только 3 человека, не принадлежавших к партии социалистов-революционеров. В свое время правая печать видела в этом какое-то преступление с нашей стороны и упрекала в том, что мы сознательно не допускали к участию в правительстве никого из других партий, стараясь всюду и везде ставить своих однопартийцев.

Это было не совсем так. Значительная часть ответственных мест были, действительно, заняты членами партии с.-р., но вины в этом Комуча не было никакой. Из предыдущего мы видели, что только одна партия с.-р. пошла на активную борьбу с большевиками безо всяких оговорок, предоставив в распоряжение Комуча все свои наличные силы. Остальные крупные партии или совсем устранились от борьбы и участия в работе, как, например,

партия к.-д., или принимали участие наполовину, как с.-д., или, сочувствуя в принципе, старались устраниться от активной работы в учреждениях Комуча, как это делали представители промышленников и вообще буржуазных кругов. Из кого же, из каких кругов должен был выбирать Комуч своих сотрудников на ответственные места, включая до постов министров? Кого же было назначать, кроме с.-р., да частично с.-д.? Ведь, не назначать же было кадетов, кои не только не разделяли позиции Комуча, но всеми средствами старались дискредитировать его политику? Неужели можно винить правительство только за то, что оно не назначало на ответственные посты для проведения **своей политики** лиц, не сочувствовавших ему по существу? Мы и стремились занять все посты представителями тех партий, кои, разделяя основные наши политические положения, готовы были вести борьбу с большевиками во имя тех принципов, ради которых мы сами начали движение. Когда, например, с.-д. согласились принять участие в названном движении, то из их среды немедленно же были привлечены в учреждения Комуча целый ряд лиц, на самые ответственные посты, включительно до постов министров. Народные социалисты были также привлечены к работе и занимали у нас довольно крупные места. Социал-демократическая организация «Единство», в Самаре весьма слабо представленная, также была привлечена к участию в борьбе. Если и можно нас упрекать, то как раз в обратном, в том, что мы, взяв всю ответственность на себя за волжское движение и возглавив его в центре, не постарались о том, чтобы и на местах, вплоть до самых низших служащих, были люди, преданные нам и разделяющие наши позиции. К сожалению, весьма многие учреждения, многие должностные места, в практической жизни много значащие, как, например, места начальников полиции, комендантов городов, были заняты людьми, нам враждебными, так, например, начальником города Уфы был поручик, все время себя называвший беспартийным, в действительности же оказавшимся

весьма правых настроений, и после переворота Колчака самым ярым нашим угнетателем.

Падение Временного Правительства, разгон Всероссийского Учредительного Собрания, объяснялись широкими кругами слабостью, безволием и отсутствием твердости в проявлениях партий, ответственных за деяния этих органов. Успех большевицкой палки, успех большевицкого метода действий, вызвали в массах жажду во что бы то ни стало твердой власти. В твердой власти видели **все** без исключения спасение от всех бед, постигших несчастную Россию. В ней одной, и только в ней, видели ключ к избавлению от большевиков и от анархии. О твердой власти мечтали, вкладывая, конечно, различные понимания, **все** круги, как буржуазные, так и социалистические.

Комуч, в лице его первого состава, неоднократно уже упоминаемой мною, пятерки — также поставил себе задачу — создание **«твердой власти».** Об этом говорилось и на собрании офицеров, созванном на второй же день после падения Самары, и на собрании квартирных советов, и т. д. «Наша первая задача, — говорил, между прочим, на указанном собрании квартирных советов, Иван Михайлович Брушвит, — будет создание твердой власти, не останавливающейся ни перед чем в достижении своих целей. Уроки прошлого нас обязывают».

«Власть должна быть твердой, железной, — говорил член Учредительного Собрания Фортунатов на собрании офицеров, — действующей со всей доступной ей решимостью».

Как на первом, так и на втором собрании, это заявление о твердой власти было встречено громом аплодисментов.

О твердой власти говорил Комитет и в своем обращении к союзникам, хотя не в таких решительных выражениях, как на митингах: «Для достижения своих целей Комитет будет действовать со всей, доступной для него, энергией, — говорится в этом обращении, — решитель-

но, не останавливаясь ни перед какими мерами, вызываемыми требованиями текущего момента».

Стремление к созданию твердой власти чувствуется и в ряде приказов, изданных Комучем. Так, в приказе № 1, не раз уже нами цитировавшемся, между прочим, говорится: «Охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия».

Особенное тяготение к твердой власти было в военных кругах. Твердая власть для большинства из них была каким то кумиром, которому они готовы были служить всеми своими помыслами, всей своей жизнью. Кроме твердой власти, «железной власти», как говорили они, военные люди ничего не хотели знать и видеть, и ради создания ее они готовы были выбросить из общественной жизни все завоевания революции, все гражданские и личные свободы, причем, как увидим ниже, твердость власти понималась ими весьма своеобразно, не так, как нами. На этой почве, о чем будет сказано ниже подробнее, возникало между Комучем и военными кругами много недоразумений и столкновений.

Твердая власть военными кругами понималась весьма упрощенно. Твердая власть, с их точки зрения, должна немедленно упразднить все свободы, запретить все собрания и митинги, не допускать никакой критики действий власти, большевиков расстреливать без суда и следствия, действовать огнем и мечем, расстреливать и вешать направо и налево. Если власть к этим методам не прибегала, тем более, если она допускала собрания и митинги, да еще свободное обсуждение своих действий, то это уже не твердая власть, а «керенщина».

Наше понимание твердой власти было другое. Твердость власти для нас, прежде всего, заключалась в том, чтобы, поставив себе какие-либо цели, идти к достижению их, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, применяя при проведении их все имеющиеся в ее распоряжении средства. Поставив, например, своей задачей немедленный переход всей земли в руки крестьянства, мы

шли к этой цели всеми доступными нам путями, не останавливаясь перед тем, что проведение этого закона вызовет недовольство в среде некоторых кругов русского населения и оттолкнет их от нас. Поставив своей задачей создание армии, мы в проведении этого постановления не останавливались и перед тем, чтобы уклоняющихся от этой мобилизации заставить силой оружия идти на выполнение нашего распоряжения. В случае необходимости, мы не останавливались и перед применением вооруженной силы, не боясь в этом отношении ни нареканий масс, ни посрамления чистоты своих социалистических перчаток. Объявив, например, в первые же дни восстановление свобод, мы отлично понимали, что проведение этого принципа во всей его широте в обстановке гражданской войны было бы просто наивностью или глупостью. Поэтому, мы не могли допустить свободы большевицкой печати, свободных собраний коммунистических организаций и т.д. В этом отношении упрек г-на Майского, автора книги «Демократическая контр-революция», совершенно справедлив.

В период гражданской войны мы не задавались целью установить абсолютную свободу и абсолютное равноправие. Такие устремления при тех условиях, при которых мы вели борьбу, были бы излишни и нелепы. Власть Комуча по своему происхождению — власть народная, власть, в полном смысле этого слова, демократическая, в тот период действовала методами, по условиям военного времени, кои в корне отрицают принципы демократии, т. е. прибегала и к лишению свободы слова, печати, к внесудебным арестам, к расстрелам и вооруженным экзекуциям и т. д., и т. д.

Итак, в заключение мы можем сказать, что Комитет действительно стремился создать твердую власть, понимая, однако, эту твердую власть по своему, по демократически, как особый метод управления страной, как особую систему практической политики, но не как метод своеволия и репрессии. Удалось ли ему создать эту твердую власть — об этом скажем особо.

4. ОТНОШЕНИЕ К ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Поставив своей задачей собирание сил, Комуч не мог, конечно, не уделить значительного внимания в первую очередь органам местного самоуправления. Наше отношение к органам местного самоуправления было ясно: мы считали, что в данное время власть сможет быть сильной только при том условии, если она опирается на все население и, в первую очередь, на органы местного самоуправления. Не имея на местах своего аппарата, Комитет, естественно, стремился значительную часть государственной работы переложить с своих агентов на органы самоуправления. Это делалось не только по соображениям практической необходимости, не только в силу того, что административный аппарат губернской власти был дезорганизован и разрушен, а потому, что принципиально мы считали органы местного самоуправления органами и государственной власти. Задачей власти было скорейшее восстановление всех отраслей хозяйственной, политической и местной жизни. Чем скорее власть это сделает, тем большие симпатии она завоюет у местного населения; чем скорее будет восстановлен порядок во взаимоотношениях, тем прочнее будет власть, содействовавшая этому восстановлению порядка в стране. Сознавая это, мы все усилия употребляли на то, чтобы как можно скорее восстановить органы местного самоуправления. Посему уже в приказе № 1 Комуч говорит: «Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления». В своем обращении к органам местного самоуправления, от 17-го августа, Комуч еще яснее определяет свое отношение к местному самоуправлению: «Восстановление самоуправления на территории освобожденной России и скорейшее восстановление их работы в полном объеме представляет одну из важнейших задач текущего момента». Комуч смотрел на органы местного самоуправления не только, как на органы хозяйственной жизни, но и как на органы, составля-

ющие основу демократической республики, как на органы, выявляющие волю самого народа и, следовательно, действующие его именем. П. Д. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел, в своей речи, произнесенной им при открытии собрания Самарской городской Думы, говорил: «В недалеком будущем на органы самоуправления будет возложена широкая государственная работа. Прошло время, когда эти органы были в загоне, когда они противоставлялись центральной власти. Органы местного самоуправления должны быть и органами государственной власти. Нами уже сейчас передано в руки самоуправления много функций государственного характера».

О том, что Комитет придавал чрезвычайно большое значение органам самоуправления, свидетельствует и автор уже цитированной нами книги «Демократическая контр-революция» г-н Майский. «Чрезвычайно крупное значение, — говорит он на стр. 20, — Комитет придавал местному самоуправлению, которое он считал основой демократической республики».

Подходя к органам местного самоуправления, как к органам государственной власти, Комитет с первых же дней своего управления начинает принимать меры к тому, чтобы из этих органов сделать действительно органы государственной власти не по форме, а по существу, стремясь всеми силами восстановить в них нормальную работу и поддержать финансами. Во все время своей деятельности Комуч стремится вступить в самый теснейший контакт с ними и, как мы видели из первого приказа, вначале даже предполагалось ввести в состав Комуча и представителей от органов самоуправления. Не дожидаясь создания центральной власти и коренного изменения в системе политического управления страной, Комитет своей властью начинает часть своих функций передавать органам местного самоуправления. Так, в ведение органов самоуправления было передано дело социального обеспечения, продовольственное дело и земельное дело. Была совершенно исключена на время из ведения органов са-

моуправления одна лишь функция, чисто административная и охранительная. Делая это, Комитет исходил из того соображения, что в период гражданской войны, когда органы власти должны быть чрезвычайно подвижными и быстро действующими и быстро выполняющими предначертания свыше, органы местного самоуправления не смогли бы выполнить этих функций. Для таких функций, казалось нам, они слишком неподвижны и громоздки.

Поставив своей задачей скорое восстановление органов самоуправления, Комитет предпринимал в этом отношении и некоторые практические шаги. Комитет, нуждаясь сам в средствах, и подчас, отказывая своим учреждениям, оказывал большую материальную поддержку органам самоуправления, выдавая им ссуды на самых льготных условиях. Так, за 3-4 месяца после падения Самары, Комитет выдал ссуды только по двум губерниям, Самарской и Уфимской, и частично Симбирской, свыше 10-ти миллионов рублей. Для того времени и для той территории, которую занимал Комуч, это очень большая сумма.

Словом, с полным основанием можно охарактеризовать отношение Комуча к органам местного самоуправления, как отношение действительно демократической власти, рассматривающей органы самоуправления, как часть государственного аппарата, как основу республиканской системы.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ АРМИИ

Для чего создавалась Народная армия? Этот вопрос необходимо выяснить, ибо, к сожалению, до сих пор еще существуют некоторые разногласия, даже среди самих участников волжского движения. Некоторые из них до схи пор утверждают, что Народная армия создавалась исключительно для борьбы с внешним врагом, т. е. с Германией, а не для борьбы с внутренним врагом, т. е. с большевиками. Для борьбы, де, с большевиками организовывались особые отряды, так называемые, добровольческие части. Утверждают, будто бы, Комуч, объявляя призыв за

два года, так и заявлял об этом. Другие утверждают, что Народная армия создавалась для борьбы с большевиками и только, и ни о какой борьбе с немцами тогда не приходилось думать.

В действительности, дело обстояло так. В начале своей статьи, говоря о целях волжского движения, я уже сказал, что Комуч, начиная борьбу на Волге, поставил перед собой две основных задачи или, вернее сказать, — единую цель: борьбу с большевиками и восстановление единства России. Борясь с большевиками, мы неизбежно вступаем в конфликт с Германией, в то время большевиков весьма поддерживавшей, и, желая бороться с Германией, мы в первую очередь должны, конечно, устранить свое внутреннее зло, препятствовавшее этому движению, т. е. большевиков. Таким образом, эти две задачи являлись нераздельными. Народная армия и создалась в первую очередь для борьбы с большевиками, а затем для борьбы с Германией. Об этом Комуч, в приказе № 64 от 30-го июня, говорит определенно:

«Именем народа и именем Учредительного Собрания, для борьбы с предателями России, свободы и революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности, объявляем, диктуемый государственной необходимостью, призыв в ряды Народной армии».

Как видим из этого приказа, ни слова не говорится в нем о том, что призыв объявляется для борьбы с Германией, но ясно и определенно говорится, что «для борьбы с предателями России и революции». В постановлении о георгиевских ленточках вместо кокард, Комуч заявляет: «Воины-добровольцы, принявшие на себя обязательство защищать свободу и родину от насилия, являются выразителями идеи беззаветного мужества». Таким образом, говорится опять-таки о защите свободы и родины от насилия. Словом, нет никаких оснований заявлять, что Народная армия организовывалась исключительно для борьбы с Германией, но все основания есть к тому, чтобы утверждать, что Народная армия организовывалась для борьбы, в первую очередь, с большевиками. Но, по-

мимо этих оффициальных документов, можно сослаться и на настроения большинства Комуча, стремившегося организовать Народную армию в первую очередь для борьбы со своим внутренним врагом.

Во время организации Народной армии мы все без исключения, члены пятерки, находились под большим впечатлением от чешской армии. Чешская армия с ее демократическим укладом управления, с ее братскими взаимоотношениями между солдатами и офицерами, являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чешской армии, но видели ее стройность, ее демократичность, и в то же время, ее дисциплинированность, ее подвижность, и восторгались ею. Под этим впечатлением очарования и восторга перед чешской армией мы и приступили к созданию русской Народной армии. Мы полагали, что в основу создания Народной армии должны быть положены совсем иные принципы, нежели при создании до-революционной армии. Переживаемый нами период гражданской смуты, взаимного недоверия, повелительно диктовал нам применение других методов и управления и построения армии. «В период строительства Народной армии, — писал в «Вестнике Комуча» полковник N., — особенно необходимо, чтобы все, кто призывается в ряды в качестве руководителей, были проникнуты единодушным, непоколебимым стремлением вступить в армию, крепко спаянную в одно прочное целое правильным пониманием назначения армии и тех великих задач, которые возложены на нее. Необходимо, чтобы каждый, вливающийся в ряды армии не только добровольцем, но и по призыву правительства, не только знал, но и веровал в лозунги, долженствующие стать светочем всех наших помыслов, всех наших стремлений».

Построить армию по принципу старой царской армии нам казалось невозможным и нецелесообразным. Армия гражданской войны, ставящая своей задачей совсем иные цели, чем общегосударственные, должна быть построена, по нашему мнению, по принципу некоторого от-

бора. Прежде всего, из нее должны быть исключены все те элементы, кои являются определенными противниками поставленных нами целей. Помимо того, каждый солдат, или, по крайней мере, большинство солдат должны отчетливо знать, для каких задач и целей они призываются, за что они борются, и для этого с солдатами должна быть проделана подготовительная работа по их политическому воспитанию. Больше того, солдат, призванный в армию, должен чувствовать себя частью того народа, за интересы которого он борется, и еще больше — он должен сознавать, что ведя борьбу с внутренним врагом, он борется за свои интересы и за интересы своих близких. Если у него этого сознания нет, то не поможет никакая дисциплина, никакая палка. При первом же случае таковой солдат убежит из полка и, может быть, сделается даже вашим врагом.

Исходя из этих положений, Комуч стремился построить армию так, чтобы в ней солдат не чувствовал себя ничего незначущей пешкой, коей распоряжаются другие, вопреки его желаниям, чтобы он чувствовал себя гражданином всего народа, ведущего общими усилиями единую борьбу с единым врагом. Отсюда и требования Комуча к офицерству были совсем иные, чем в царской армии в до-революционное время. Нам казалось, что офицеры должны были в отношении солдат быть их старшими братьями, их руководителями и воспитателями, в политической жизни равными им. Солдат только до тех пор является солдатом, пока он в казармах. Вне казармы — он гражданин.

Но, с другой стороны, необходимо создать армию дисциплинированную, хорошо обученную и, вместе с тем, знающую, куда она идет и к чему стремится.

В основание организации Народной армии были положены следующие принципы:

§ 3. Основной принцип строения армии:

Армия должна служить всему народу, нации, и потому совершенно беспартийна. (Беспартийность армии заключается в том, что армия служит не отдельным парти-

ям, а всему народу). Вхождение военнослужащих в политические партии совершенно недопустимо.

§ 4. Народная армия как бы олицетворяет весь народ, а потому ее организация должна содействовать общему культурному уровню народа, степени его гражданской зрелости и национального самосознания.

§ 6. Необходимость дисциплинированной армии побудила ввести дисциплинарные взыскания...

§ 7. Военно-служащие Народной Армии разделяются лишь на начальников и подчиненных... Вне службы — они равноправные граждане...

§ 8. Распорядок внутренней жизни Народной Армии направлен к тому, чтобы сблизить между собою офицеров и солдат. Для достижения этой цели офицеры должны жить в казармах.

§ 11. Вооруженная защита нации может быть создана, если будет влит в народную толщу и солдатские массы энтузиазм и национальное воодушевление... К достижению этого должны быть направлены все наши усилия».

К сожалению, создать армию по типу, представляемому нами, нам не удалось. В этом надо признаться без всяких оговорок. На самом деле, как теперь мне кажется, мы поставили себе невозможную задачу. Хотели влить в старые меха новое вино. Призвав к организации армии старый, до-революционный офицерский аппарат, мы возложили на него задачу, которая по самому существу своему в корне противоречила всем тем навыкам, всем тем пониманиям, какими они жили и руководствовались десятки лет. Офицерство, воспитанное в школе до-революционной, царской, мы призвали к созданию новой, народной, демократической армии. В своей массе офицерство, конечно, осталось чуждым нашим заданиям и нашим принципам построения Народной армии. Армия начала организовываться по старому принципу, на тех же основах, как и царская, до-революционная. Так же была введена дисциплина, титулование. Порядки, введенные в Нар. армии, в общем, ничем не отличались от порядков, суще-

ствовавших в царской армии. Исключением являлись лишь некоторые добровольческие части, где взаимоотношения между офицерством и солдатами были совсем иные. Офицерство, видевшее в нашей затее большевизм на изнанку, всеми силами саботировало создание армии по нашему типу. Галкин, управляющий военным ведомством, проявляя внешне в отношении Комуча лойяльность и обещая употребить все усилия на создание народной демократической армии, в действительности, как выяснилось потом, не сделал в этом отношении ровно ничего, чтобы демократизировать офицерский состав, призванный к организации Народной армии. Наша ошибка заключалась в том, что мы в деле создания Народной армии положились исключительно на военные круги, предоставив им в этом полную свободу действий. Если и можно упрекать в чем-то Комитет, то именно в том, что он слишком мало, не только мало, а совсем не вмешивался в дела военные. К такому заключению приходил и не раз уже цитируемый нами большевицкий автор о волжском движении, г-н Майский. На стр. 153-ей он пишет: «Организация офицеров была «беспартийной», на самом деле она была переполнена черносотенцами и монархистами... Эта организация сыграла роль кадра при формировании «Народной Армии»... Все командные места в частях Народной армии он (Галкин) заполнял офицерами старого закала, отливавшимися всеми цветами монархической окраски. Наиболее ответственные места были даны махровым черносотенцам, не перестававшим мечтать о возвращении царских времен»...

На стр. 163: «Они отдали без боя эту огромную силу в руки монархистов и тем самым подготовили свою собственную гибель»...

Таким образом, все дело организации Народной армии было сосредоточено в руках до-революционного офицерства, по своей психологии и навыкам чуждому демократизму вообще и, в особенности, в делах военных. Точка зрения военных специалистов на организацию армию была проста: дисциплина, дисциплина и дисциплина! Сол-

дат должен, как машина, безоговорочно, без рассуждений выполнять приказания своего начальства, а чтобы заставить выполнять приказания начальства, необходимы репрессии, репрессии и репрессии. Этим исчерпывалась вся мудрость наших специалистов в военном деле. Ни крах войны с Германией, ни уроки гражданской войны, ничто не изменило их подхода к созданию армии в данной гражданской войне. Сколько мы ни пытались доказать им, что солдат гражданской войны это нечто иное, нежели солдат войны с внешним врагом, убедить их в этом нам так и не удалось.

Словом, в этом вопросе наши стремления находились в коренном противоречии с стремлениями тех, кто был призван к фактическому созданию Народной армии.

6. СОСТАВ НАРОДНОЙ АРМИИ

Народная армия, организованная на Волге, по праву и в полном смысле этого слова, может называться «народной», в отличие от Южной и Сибирской, состоявших по преимуществу из офицерства и учащейся молодежи. Это название дано ей не случайно, не из моды и не из пристрастия к некоторым демократическим названиям, а вполне обдуманно, после довольно продолжительного и всестороннего обсуждения. Этим названием мы хотели подчеркнуть не только демократический ее состав и происхождение, но и ее назначение — служение народу, не одному какому либо классу или группе, как бы ни была мощна и значима эта группа или класс, а всему народу, в целом и в русском понимании этого слова, т. е. низам, — **трудовому народу.**

Народная армия начала создаваться снизу, если так позволительно выразиться, стихийно, на поле битвы — в селах, в деревнях, уездных городках. И главными организаторами ее были сами большевики. Для иллюстрации моей мысли возьмем первый период волжского движения и проследим его в этой плоскости.

Еще задолго до выступления чехов, на Волге, в том

районе, о котором я пишу, то там, то здесь происходили крестьянские выступления, достигавшие иногда довольно значительного размаха. Эти выступления, однако, не имея ни поддержки, ни единого командования, ни руководителей, быстро большевиками ликвидировались. С выступлением чехословаков эта волна революционного движения снова оживает. Например, сызранцы, по преимуществу рабочие и железнодорожные служащие, узнав о продвижении чехословаков, вооружились, свергли большевицкую власть и организовали демократическую. В критические моменты для города, они вооружались и защищали город наравне с частями армии. То же повторилось и в Иванщикове и в ряде других пунктов. Когда эти пункты оставлялись Народной армией, то такие добровольцы присоединялись к армии и, следуя с нею, составляли уже ее часть. Такие добровольческие отряды особенно сильны и многочисленны были в районе по линии Самара — Балаков — Хвалынск — Вольск. Одно время отряд, оперировавший на этом фронте под командой полковника Махина, насчитывал свыше 3.000 человек, состоя по преимуществу из крестьянской добровольческой молодежи. Из этих добровольческих частей и создались потом, по оставлении Самары, батальон Учредительного Собрания, насчитывавший одно время до 1.500 человек, конный отряд Фортунатова и чешско-русские баталионы.

Довольно большое количество таких добровольческих крестьянских отрядов, по нашим подсчетам, не менее 3.000 человек, оперировало в Новоузенском уезде Самарской губернии, — в области, очень удаленной от центра, т. е. Самары, но эти отряды, благодаря дальности расстояния и плохому сообщению, так и не удалось присоединить к Народной армии и вообще связаться с ними.

Весьма интересное явление происходило на Ижевских и Воткинских заводах Екатеринбургской губернии.

Ижевские и Воткинские заводы — большие промышленные центры. Рабочие эти заводов представляют весьма любопытный тип полурабочего, полукрестьянина. Ра-

ботая на заводе, они в то же время продолжают вести еще свое крестьянское хозяйство в деревне: или же один член семейства работает на заводе, а остальные работают на земле. Естественно, и в том, и в другом случае, такая семья чувствует свою непосредственную связь с землей и дорожит этой связью.

Когда началось движение на Волге, то и в Ижевских заводах настроение стало подниматься и, в конце концов, вылилось в форменное восстание, возглавленное «Комитетом членов Учредительного Собрания Прикамского района». Большевики, конечно, не могли оставить без ответа выступление ижевцев, началась борьба, продолжавшаяся почти пять месяцев, пока не подошли к ним чешские и сибирские части. В «мирное время», т. е. когда большевики были далеко от заводов и не беспокоили населения — воткинцы и ижевцы работали на заводах, выполняя всю ту работу, которую они выполняли и в обычное время, но, как только большевики приближались к заводам и начинали угрожать их спокойствию, так рабочие, по первому же тревожному гудку завода, бросали свою работу и шли «в армию», достигавшую иногда до 60.000 человек: в Ижевских заводах до 40.000 человек и в Воткинских до 20.000 человек. Во главе армии стояли главнокомандующий со штабом, во главе полков — командиры полков и т. д., словом, как полагается в каждой хорошей армии. Это была, поистине, народная армия, вышедшая из самых недр народных и созданная самим населением.

Когда затем была арестована Директория, то ижевцы борьбу прекратили, и часть из них разошлась по деревням, часть ушла к большевикам, часть, около 15.000 человек, ушла в тыл, в Сибирь, и впоследствии составила основу так называемой каппелевской армии, совершившей знаменитый ледовый поход через Сибирь.

Так начала создаваться Народная армия Комуча. Но такая армия, несмотря на многие ее достоинства, не могла удовлетворять Комуча. Несмотря на свою многочисленность, беззаветную храбрость и преданность делу, на

стойкость и упорство в борьбе, все же строить свою борьбу на таких добровольческих отрядах было невозможно. Для нас слишком очевидны были недостатки этих отрядов: недисциплинированность и неустойчивость и, в связи с этим, невозможность подчинить их выполнению определенных военных заданий. Попробуйте, например, один из таких отрядов перебросить в другой район, и вы увидите, что из этого получится: отряд или откажется выполнить ваше распоряжение, или же разбежится, чему примеров было не мало.

Словом, для нас, членов Учредительного Собрания и руководителей военного ведомства было ясно с самого начала, что без мобилизации или призыва, правильной, дисциплинированной армии не создать. Вопрос заключался не в том, нужно ли производить мобилизацию или не нужно, а в том, когда и как удобнее это сделать. Мы сочли необходимым сделать это немедленно же, в первый день своего управления. «В срочном порядке, — говорится в приказе Комуча № 2, от 8-го-го июня, т. е. в первый же день по свержении большевиков, — приступить к формированию дисциплинированной и сильной армии». 30-го июня, приказом № 64 объявляется и самый призыв родившихся в 1897-м и 1898-м годах.

Необходимо отметить, что объявлен был призыв, а не мобилизация уже служивших в армии. С первого момента это действие кажется непонятным; на самом деле, почему это призывались новички, еще совсем не бывшие в армии, не умеющие и ружья взять в руки, а не молодые солдаты, уже побывавшие в армии, коих не надо было ни обучать владеть ружьем, ни муштровать, а можно было бы сейчас же бросить на фронт.

Основания к тому у нас были такие. Кого мобилизовать? Старые годы не пойдут, запротестуют и скажут, почему не мобилизуете более молодые годы, а мобилизовать молодые годы — не надежно, это тот самый элемент, который больше всего дебоширил и большевизанил в армии; мобилизуйте, и на следующий же день будете иметь «второй октябрь».

Оставалось одно — произвести очередной, традиционный призыв новобранцев, еще не захваченных большевизмом. При этой комбинации возникала одна угроза, а именно: пока мы мобилизуем новобранцев и обучаем их, на что потребуется не менее 2-3 месяцев, большевики могли оправиться, собрать свои силы и уничтожить нас.

Эту возможность мы предвидели, но мы знали наверное, что этого в течение 2-3 месяцев не может случиться. Разбитые и физически и морально, большевики в течение этого времени не смогут оправиться настолько, чтобы угрожать нам серьезно, для отпора же их очередных и обычных набегов у нас имеются добровольческие отряды, представлявшие в то время довольно серьезную силу. Кроме того, мы учитывали еще и то, что чехи, при всем их искреннем желании поскорее пробраться на восток, все же в течение 2-3 месяцев не смогут уйти с Волги, а пока они на Волге, их действия неизбежно должны сливаться с действиями Народной армии. Все это и давало нам основание создавать Народную армию не на основах мобилизации, а на основах призыва новобранцев. И наши расчеты, необходимо сейчас же отметить, оказались, как увидим дальше, правильными как в отношении большевиков, так и в отношении чехов.

Набор новобранцев, начатый в первую очередь в Самарской губернии, наиболее освобожденной от большевиков, прошел, пожалуй, неудовлетворительно. Я не могу дать точных цифровых данных, определяющих успех или неуспех этого начинания, но могу привести, с ручательством за точность каждой фразы, доклад начальника Воинского Присутствия, старого и опытного в этом деле человека, служившего по этому же отделу лет двадцать при царском правительстве. Его доклад сводился, примерно, к следующему:

Набор прошел не везде одинаково, но, в общем, удовлетворительно, по его мнению, для данного момента; явилось на призывные участки 65-70% призываемых, т. е. лишь на 20-15% меньше мирного времени. Даже в цар-

ские времена, говорил он, никогда не являлись все 100%, а нормально — 85-90%.

Крестьянство отнеслось к призыву, в большинстве своем, сдержанно, не проявляя ни большого энтузиазма, ни враждебности: на призывные участки шли, скорее, по инерции и по привычке выполнять распоряжения начальства, нежели по идейным побуждениям. Высота процента явившихся стояла в прямой зависимости от расстояния данного пункта от центра и от фронта. т. е. Самары, и чем он ближе к фронту, тем меньшее количество являлось на призывной фронт, и обратно.

Этот его доклад, представленный мне тотчас же по окончании всех призывных операций, т. е. еще в 1918-м году, совпадает и с моими теперешними выводами, сделанными мною, как на основании моих личных наблюдений, так и на основании изучения имевшегося в моем распоряжении материала (за исключением оценки его «удовлетворительно», в то время, как, по моему, неудовлетворительно).

В своей докладной записке Управляющему Ведомством Внутренних Дел, т. е. пишущему эти строки, чиновник для особых поручений г. Петровский, объехав, по моему поручению, все уезды территории Комуча, пишет по сему вопросу:

«Самарский уезд. — Мобилизация проходила не совсем благополучно. Из 47 волостей 5 волостей упорно отказывались высылать призванных. Для психологического воздействия создавалась необходимость посылки отряда.

Теперь есть основание полагать, что призыв по Самарскому уезду окончится хорошо (из 11.000 призванных по 20-ое августа явилось 8.911 человек, из них принято 7.824 человека, оказалось негодными 1.087 человек).»

«Николаевский уезд. — Отношение населения к призыву враждебное».

Нужно отметить, что в самом центре Николаевскаго уезда все время шли бои, фронт тянулся почти через весь уезд, и г. Николаевск все время находился в руках большевиков.

«Бугурусланский уезд. — Общее политическое положение в уезде продолжает оставаться неопределенным, если нет, с одной стороны, особенно активных выступлений против власти Учредительного Собрания, то одновременно с этим нет и активных защитников этой власти.

После объявления мобилизации целый ряд сел и деревень вынес определенные постановления: в армию солдат не давать, мотивируя это нежеланием принимать участие в братской войне... Из 12.310 человек, подлежащих призыву к Воинскому Начальнику по 6-ое августа явилось только 6.335 человек».

«Страврольский уезд, — Мобилизация в уезде прошла нормально, за исключением немногих случаев пассивного характера».

«Бугульминский уезд. — Мобилизация родившихся в 1897-м и 1898-м г.г. протекает нормально».

«Бузулукский уезд. — И для создания Народной Армии и обязательный призыв вызвали у населения явно враждебное настроение.

До 2-го августа из общего числа призванных в 14.441 человек, явилось 1.564 человека. Волости Вознесенская и Лобазинская не только не давали своих призванных, но и убеждали возвратиться домой приходивших новобранцев других волостей».

«Уфимская губерния. — Подавляющее большинство населения, в лице русских, башкир и татар и др. инородцев, измученное насилиями большевиков, радостно встретило известие о падении большевицкой власти. Войска Народной Армии встречаются ими радушно и предупредительно»...

Но через одну страницу пишет:

«Мобилизация прошла различно. Интеллигентный класс откликнулся охотно, крестьяне наоборот»...

«Симбирская губерния. — Сызраньский уезд. Мобилизация прошла пестро. В одних местах явилось 100%, в других 10%, в среднем 54,0%. Должно было явиться 4.514 человек, явилось 2.472 человека. Волости, непосредственно прилегающие к Сызрани, не менее 89%, на запад

(т. е. ближе к фронту. П. К.) процент стремительно падает»...

Вот свидетельство еще одного лица, также близко стоявшего к крестьянским массам и знавшего его настроение великолепно, — члена совета крестьянских депутатов, с.-р. Полякова. В своем докладе «Деревня, как она есть», сделанного им после его поездки по Самарскому уезду, он говорит (записано стенографически):

«В Старо-Буяновской волости относятся к Комучу с большим доверием, но активной поддержки ожидать пока не приходится.

В Елховской волости относится большинство населения к власти безразлично, но сельский сход решил не давать призванных солдат.

В остальных волостях население относится к настоящему сочувственно, но в большинстве случаев вы увидите там обывателя в полной неосведомленности о том, что происходит; там царит невежество, темнота, трусливость, жажда порядка, тишины и спокойствия, и кто бы у власти ни был — для них безразлично»...

Чрезвычайно показательным является и настроение крестьянских депутатов на губернском съезде, созванном в Самаре в начале сентября 1918-го года. Когда речь зашла о мобилизации и гражданской войне, то с мест, да и с трибун, раздались определенные и отчетливые выкрики, вроде: долой мобилизацию, долой гражданскую войну, довольно братской крови...

Устроители съезда прибежали ко мне встревоженные, с упавшим настроением, умоляя меня поскорее явиться на съезд и «спасти положение», как они уверяли. Мое выступление встречено было очень сдержанно и даже настороженно. Было ясно, что деревня приехала с какими-то новыми настроениями, с новыми решениями по волнующим нас вопросам. Моя речь произвела, повидимому, некоторое впечатление, и в результате нам удалось добиться принятия благоприятной для нас резолюции, выражающей и доверие Комучу, и одобрение призыва, и т.д. и т. д., но было ясно, что эта резолюция принята, скорее,

по инерции, чем по воодушевлению, больше по привычке слушаться своих вождей, чем по сознанию необходимости принимаемого.

Итак, я прихожу к следующим выводам относительно устроенного Комитетом призыва новобранцев.

1) Призыв, конечно, не удался и прошел не с тем успехом, на какой мы расчитывали, судя по энтузиазму, каким было встречено падение большевиков. Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах, как это мы видели из доклада Петровского, даже враждебно. Из семи уездов Самарской губернии пять встретили призыв, как мы видели из того же доклада, сухо, неприязненно. Это уже прямой неуспех.

2) Если все же и явилось на призывные пункты до 65% всех подлежащих призыву, то, как я уже сказал выше, не из энтузиазма, не из сознания необходимости борьбы с большевиками, а по инерции, подчиняясь распоряжению начальства, т. е. из боязни репрессий.

3) Это настроение деревни — нежелание участвовать в гражданской войне — новобранцы принесли и в полки, на что я обращаю особенно внимание читателя, и с ним жили все время своего пребывания там.

Падение большевицкой власти, как уже было сказано, было встречено крестьянством с большим энтузиазмом и радостью: и первые добровольческие отряды составились из крестьянской молодежи; все Поволжье было полно восставшими крестьянскими отрядами и т. д., и т. д. Но... протекло три месяца, и мобилизация в армию этим же самым крестьянством, встретившим отряды Народной армии с хлебом-солью, была встречена холодно и даже, в некоторых местах, враждебно. То самое крестьянство, которое первое подняло знамя восстания против большевиков, вдруг первое же заговорило и о прекращении братской войны, о мире... В чем тут дело? Что же за эти два-три месяца случилось?

На эти вопросы я отвечу дальше, в особой главе, когда буду говорить о причинах краха волжского дви-

жения, а сейчас, не вдаваясь в анализ причин крестьянского настроения, отмечаю — и первое мое утверждение об энтузиазме крестьян при известии о падении большевицкой власти, и второе — о неудаче мобилизации тоже верно. В причинах этой эволюции разберемся впоследствии...

Наряду с призывом новобранцев, все время продолжался прием добровольцев, затем была объявлена мобилизация офицерства и унтер-офицерства.

Таким образом, Народная армия состояла из таких составных своих частей:

1) Из добровольческих отрядов, которые в свою очередь, делились на два типа: крестьянско-рабочие и офицерско-студенческие. Первый тип — крестьянско-рабочих — отрядов составлялся, по преимуществу, в деревнях и в мелких городках; второй тип — офицерско-студенческий — в губернских и уездных городах. Всего в этих отрядах насчитывалось одно время, по взятии Казани, до 10.000 человек;

2) из казачьих частей Оренбургской и Уральской областей;

3) из мобилизованных частей из новобранцев 1897 и 1898 годов.

Всего в Народной армии, включая и мобилизованные и добровольческие части, включая, кажется, и казачьи части, но этого утверждать не могу, согласно докладов военного штаба, на 1-ое сентября 1918-го года значилось 121.000 человек. (Сюда, конечно, не входили армии Ижевских и Воткинских заводов, находящиеся долгое время вне нашего влияния). — Армия, даже для России, не малая, с коей можно было взять не только Казань, но и Москву.

7. СОСТОЯНИЕ НАРОДНОЙ АРМИИ

Этот вопрос — один из самых кардинальных и спорных в истории волжского движения и требует особого

исследования и особой разработки. К сожалению, я не располагаю ни временем, ни соответствующими материалами, чтобы заняться таковой разработкой. Я беру на себя задачу более скромную, — восстановить для истории те сообщения и доклады, кои делались Комучу руководителями Военного Ведомства по этому вопросу, и на основании этих докладов осветить хотя бы до некоторой степени состояние Народной армии.

Выше мы уже сказали, что, согласно доклада Военного Ведомства, в Народной армии на 1-ое сентября 1918 года числилось 121.000 человек. Армия не малая, если бы удалось привести ее в боевое состояние. Однако, из этого количества вооруженных было до взятия Казани около 8.000 человек, после взятия Казани до 15.000 человек.

Обучение новобранцев производилось с палками. Это обстоятельство вызывало среди них явное недовольство. «Зачем же нас созвали, — говорили они, — если нет винтовок. Что мы будем делать, если на нас нападут большевики; не палками же отбиваться от них»?

Помимо этого, в некоторых уездных городах не оказалось ни обмундирования, ни инструкторского состава для обучения новобранцев. Стянув призывных в уездные пункты, Воинские Начальники в некоторых уездах буквально не знали, что с ними делать — не было ни помещения (большевики все уничтожили), ни обмундирования, ни офицерского состава. Продержав новобранцев в городе иногда два-три дня, Военное Ведомство снова распускало их по домам... Наш военный штаб оказался в этом отношении ниже всякой критики. С первого же дня между офицерством и солдатами началось взаимное непонимание и недовольство; солдаты, боясь всего старого, не доверяли офицерам, а офицеры — солдатам. С первых же дней размещения солдат по казармам, в Комуч стали поступать сведения, что в казармах «не все благополучно», солдаты, недовольные введением в армию старых «царских» порядков, титулования, молитв, начинают проявлять большое беспокойство. Мое предложение — назначить особую комиссию для обследования по-

ложения в армии, встретило почему-то такой отпор со стороны Галкина и вообще Военного Штаба, что Комуч счел за лучшее этого вопроса даже не ставить. Наши благие пожелания, наши задания — создание новой демократической армии, построенной на взаимном уважении и понимании солдата и офицера, так и остались благими пожеланиями.

В конечном итоге, как следствие всех вышеуказанных причин, в армии началось дезертирство, настолько сильное, что Комуч, по докладу Управляющего Военным Ведомством, вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь.

Дезертирство усилилось, когда большевики подступили к Самаре. Новобранцы, набранные по волостям Самарской губернии, использовали это, и стали массами уходить в свои деревни под прикрытием красной армии. Особенно сильно повлиял на дезертирство отказ двух офицерских баталионов выйти на фронт и самовольный уход их из Самары в Сибирь.

Необходимо несколько подробнее остановиться на положении офицерства и его отношении к Комучу.

Положение офицерства, несомненно, было тяжелое. С одной стороны, новое начальство, в лице Комуча, требует от него создания какой-то новой, неизвестной и чуждой ему армии, типа и духа коей оно и не может себе представить, а с другой — его навыки, его прошлое, его окружение повелительно диктуют ему другое. В третьих, и солдат то появился какой то новый, беспокойный, самовольный, с новыми запросами и с новыми претензиями, также ему неизвестными. Как тут подступить к делу? Если бы это было в другое время, в более мирное, а не такое горячее, как пережитое время на Волге, то, может быть, офицерство и справилось бы с своей задачей и создало бы то, что требовалось от него велениями Комуча, а то время то было очень уж горячее, некогда было долго размышлять над затеями начальства, а надо делать...

И стал офицер делать армию знакомыми и близкими ему методами. Материальное положение офицерства было чрезвычайно тяжелое, можно сказать, прямо ужасное. Офицер рядовой получал 5 рублей в сутки, ротный командир 10 рублей, командир полка 15 рублей. И все. (Понятно, столом пользовался каждый офицер даром). Естественно, на такие средства, когда прожиточный минимум определялся, примерно, в 500-600 рублей в месяц, нельзя было содержать не только семью, но и самому прожить. Но этого мало. Иногда и такое ничтожное жалование не выдавалось за неимением средств по 2-3 месяца. К чести офицерства, должен сказать, что на этой почве офицерство никогда никаких неудовольствий не проявляло и несло свое бремя терпеливо и гордо.

Ставки вознаграждения офицерству установил не Комуч, а Военный Штаб, т. е. сами офицеры; члены Комуча не раз ставили вопрос о повышении ставок, но всякий раз встречали самый решительный отпор именно со стороны самих военных кругов. Представители Военного Штаба всегда отказывались от повышения ставок, мотивируя тем, что в настоящее время происходит гражданская борьба, что они сражаются за идею, а не за ставки, что высокие ставки породят озлобление к офицерству со стороны солдат, довольствующихся обыкновенным военным пайком. Мы с этим считались и ставки не изменяли.

Особенно сильное, прямо коренное расхождение между Комучем и военными кругами обнаружилось в отношении тех и других к рабочим и к их собраниям.

Отношение Комуча к рабочим и к рабочим собраниям я уже определил выше — отношение благожелательное, содействующее их укреплению, а не ослаблению. Распустив совет рабочих депутатов старого, большевицкого состава, мы разрешили рабочим созвать сейчас же рабочую конференцию для избрания совета в новом составе. Это разрешение вызвало целую бурю недовольства в среде наших военных кругов. Галкин прибегал бук-

вально каждый день в Комуч и требовал разгона конференции.

— Что вы допускаете эту пропаганду,— возмущался он: — это большевизм. Это «керенщина».

И когда мы, и, в частности, я, в качестве Министра Внутренних Дел, категорически отказали разогнать конференцию, то Галкин, в лице контр-разведки, на другой день арестовал всех оппозиционных ораторов, хотя они и не были большевиками. В ответ на протест конференции, военная контр-разведка арестовала еще двух ее членов. Нет надобности подчеркивать, какое возбуждение против военных кругов создалось на конференции после этих арестов.

Существовала в Самаре социал-демократическая организация так называемых интернационалистов, безобиднейшая организация. Работники ее нам всем наперечет были известны. Милейшие люди, и занимали они позицию в то время, для нас весьма благоприятную — в активной борьбе не участвовать, но в хозяйственных органах Комуча работать, — вот их позиция.

Этого нашим военным кругам было мало. Интернационалисты... Это что то страшное. Надо разгромить. И разгромили... Лидеров ее арестовали, а здание закрыли. Пришлось снова вмешиваться, и снова вести длиннейшие переговоры о ликвидации этого ненужного, безалаберного налета.

Я не обвиняю офицерство и говорю все это не в упрек им. С своей точки зрения они, может быть, и последовательны были, подталкивая нас на режим террора и диктатуры.

Своими замечаниями я хочу лишь указать, что между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению. Стремление Комуча — опереться на широкие народные массы было чуждо им и непонятно; они все спасение видели в военной силе и, в частности, в командном его составе; для Комуча же как раз эти устремления, находящиеся в полном

противоречии с его демократической идеологией и психологией, — были совершенно неприемлемы. Отсюда взаимное недовольство и недоверие.

Недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча. Самыми существенными из таких реальных действий, помимо других, я считаю заговоры о свержении власти Комуча. Из таких попыток свергнуть власть Комуча нам было известно три.

Первый заговор был обнаружен в первые же дни власти Комуча.

Группа офицеров, по преимуществу из Штаба Военного Министерства, явилась к генералу Чечеку — начальнику 1-ой Чехословацкой дружины и командующему волжским фронтом и заявила ему, что власть Комуча их абсолютно не удовлетворяет; это — повторение керенщины. Нужна твердая и авторитетная власть: таковой может быть лишь военная единоличная диктатура. Поэтому они решили Комуч арестовать и передать всю власть военному командованию. Как отнесутся к этому чехословаки и, в частности, он, генерал Чечек?

На это генерал Чечек ответил:

— Меня удивляет ваше обращение. Не успели организовать как следует фронт против большевиков, а вы уже помышляете о создании фронта против Учредительного Собрания. Вы думаете, если арестуете членов Учредительного Собрания, за вами крестьяне и рабочие пойдут? Нет, а если нет, с кем же, с какими силами вы хотите вести борьбу с большевиками?

Это одно, а другое — мы будем сотрудничать только с властью демократической, с такою властью, которую будет поддерживать русский народ. Власть Комуча именно таковая власть в данное время.

И, наконец, третье. Я командующий волжским фронтом и войсками Народной армии. Следовательно, вы обращаетесь ко мне с предложением, чтобы я помог вам арестовать власть, меня назначившую командующим.

Идите, и больше ко мне с такими речами не являйтесь. . .

Группа заговорщиков, однако, первой неудачей не была удручена. Та же группа, в том же составе продолжало вести работу дальше. Избирается тайный военный штаб, посылается делегат к генералу Алексееву с предложением возглавить, после переворота, волжское движение; назначается даже день ареста Комуча, но. . . как это почти всегда бывает в подобных случаях, бдительное начальство не дремало и, в последний момент, заговорщики накрыты. . .

Чтобы не создавать шуму и не вызывать еще большего недоверия в среде солдат к офицерству, Комуч ограничился только тем, что всех обнаруженных участников заговора отправил на фронт, не предав их даже суду. . .

Третья попытка.

Однажды рано утром,— еще только начало светать,— когда люди крепче всего спят, комендант Комуча, обходя караульные посты у здания Комуча, заметил на углу офицера в дореволюционной форме, с погонами и кокардой, чего в Самаре не допускалось носить, что-то записывающего себѣ в записную книжечку. Комендант, подойдя к офицеру, спросил его, что он здесь делает.

— А вам какое дело? — грубо ответил офицер.

— Я комендант этого здания.

— Как вам не стыдно?!. — набросился вдруг офицер на коменданта. — Вы, как видно, офицер Его Величества, а охраняете эту красную тряпку, — указал он на красный флаг, развевающийся над зданием Комуча. — Подождите, завтра же этой красной тряпки здесь не будет!

Комендант, не говоря ни слова, возвратился в здание Комуча и, взяв нескольких солдат, вышел снова на улицу, чтобы задержать подозрительного офицера. Офицер, однако, уже скрылся. Началось преследование его, давшее вдруг совершенно неожиданные результаты. Оказалось. . . на запасных путях Самарскаго вокзала стоял целый день эшелон казаков из Анненковского отряда, и об

этом пребывании их никому не было известно. На вопрос, зачем они сюда прибыли, комендант эшелона дерзко ответил: «Разогнать учредилку»... Комуч приказал эшелон разоружить, но... вдруг у штаба не оказалось ни одной роты свободной, чтобы выполнить это приказание... Из дальнейшего расследования этого события было установлено, что отряд прибыл в Самару несомненно при содействии штаба, но кого именно из штаба — невозможно было установить; все было так запутанно, переплетено, что разобраться в этой путанице было почти невозможно, а главное — некогда.

Пришлось и здесь ограничиться лишь тем, что возвратить отряд обратно...

Это событие еще раз с несомненностью подтвердило нам, что в нашем военном штабе есть какая-то группа, которая все время ведет работу, направленную против власти Комуча к замене его власти властью военной.

Таким образом, и здесь, в среде офицерства, Комуч не встретил такого понимания, на которое расчитывал, и такого безоговорочного сотрудничества, какое необходимо было для успешности борьбы с большевизмом; тот же отпор, то же стремление поскорее отделаться от этой чуждой ему власти, как и в среде промышленно-землевладельческих кругов и в среде кадетов.

8. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДВИЖЕНИЯ И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Приступая к организации волжского движения, мы не задавались вопросом о том, в каком направлении вести борьбу с советской властью. Нам казалось, что этот путь укажет нам сама жизнь, само движение; трудно предвидеть за месяц вперед, в каком направлении оно развернется, нужно лишь иметь чуткое ухо и зоркий глаз, чтобы определить правильную линию движения. Эту линию, думалось нам, мы определим в процессе борьбы, когда с ясностью обнаружатся хотя бы основные контуры фронта.

Однако, на второй же день после свержения большевиков нам стало ясно, что без строго определенного стратегического плана вести борьбу невозможно; необходимо сейчас же, не взирая на некоторые отдельные заманчивые перспективы, определить основной путь движения наших военных сил, не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, хотя бы отклонение и обещало некоторый временный успех.

И еще одно. До начала военных действий нам казалось, что это военное дело, а нам — штатским людям, — делать здесь нечего; оказалось совсем наоборот — с первых же дней стало ясно, что это дело по преимуществу политика, а не военного специалиста; при первых же мыслях о военно-политическом плане продвижения встало столько чисто политических соображений, политических моментов за тот или другой план, при наличии которых люди военные были беспомощны без нашего участия разобраться. Этим и объясняется, что план волжского движения был разработан, обсужден и утвержден совместно Комучем, военным штабом и командующим волжским фронтом генералом Чечеком. Не помню точно числа, когда состоялось утверждение этого плана, но помню точно, что это было вскоре же после занятия нами Самары.

План дальнейшей борьбы держался в абсолютной тайне, знали о нем лишь члены Комуча, генерал Чечек, Галкин и 3-4 лица из штаба.

При построении нашего военного плана мы исходили из того предположения, что чехословаки останутся на Волге еще не менее 2-3 месяцев. Мы отлично были осведомлены об их искреннем и горячем стремлении поскорее выбраться из России на восток, а оттуда на западный фронт, но мы также отлично знали, что выполнить этого раньше, чем через два-три месяца они не смогут. Чехословацкие войска в тот момент были разорваны на две части, одна в Сибири, другая — в Самаре; обе части двигались в направлении одна к другой, чтобы соединиться; на это требовалось, при самых благоприятных для них об-

стоятельствах, минимум 5-6 недель и затем 2-3 недели требовалось на ликвидацию ими волжского фронта, если бы все же они решили его оставить.

Мы не сомневались, что чехословаки волжского фронта скоро не оставят, во-первых, потому, что не в интересах самих же легий и их движения было покидать так быстро волжский фронт, не организовав на Волге заслона из русских же сил, способного хотя бы на время задержать большевицкое движение. В количественном превосходстве большевицких сил ни они, ни мы не сомневались и знали, что не сегодня, так завтра большевики оправятся от первого удара, нанесенного им чехами, и бросят против них такие силы, кои, если и не раздавят чехов, то, во всяком случае, весьма и весьма сильно опустошат их ряды. Зачем же подвергать себя такой опасности?

Не сомневались мы в этом еще и потому, что чехословаки, любящие Россию какой-то романтической сыновьей любовью, видящие в большевиках зло и гибель для России, не могли оставить Волги, не оказав содействия движению, направленному к спасению, к освобождению так любимой и дорогой для них России.

Принимая это, как необходимую предпосылку, мы и должны были, согласно нашему плану, употребить все усилия и все напряжение наших сил, чтобы в течение ближайших трех месяцев, в течение коих чехи несомненно еще останутся на Волге, создать свою правильную армию, способную продолжать борьбу и без содействия чехословацких войск.

При разработке плана мы исходили еще и из того положения, что всю магистраль Сибирской железной дороги занимают чехи и ее охраняют; они же занимают и всю магистраль Самаро-Златоустовской железной дороги. Остаются, таким образом, открытыми такие направления: 1) Самара — Симбирск — Казань — Москва, то-есть линия, вверх по Волге; 2) Самара — Сызрань — Пенза — Москва, по линии железной дороги; 3) Самара — Хвалынск — Саратов — Астрахань, т. е. вниз по Волге, и 4) Самара — Николаевск — Уральск, степной путь.

Из этих четырех путей мы все одинаково, как члены Комуча, так и военные наши спецы, считали главными, основными — два фронта: Самара — Астрахань и Самара — Казань.

По какому из них идти? Куда направить свой удар, чтобы скорее достигнуть своей главной цели?

После продолжительного и всестороннего обсуждения в течение чуть ли не трех заседаний, был единогласно как членами Комуча, так командующим войсками и членами Военного Штаба Народной армии принят следующий план борьбы:

1. Основным направлением, куда должны быть брошены главные наши силы, считать направление Самара — Саратов; сюда должно быть устремлено все наше внимание и в этом направлении мы должны продвигаться вперед, считая все остальные фронты лишь подсобными.

2. В направлении вверх по Волге наши части занимают Ставрополь — Симбирск, и здесь, в окрестностях Симбирска, окопавшись, ведут оборонительную борьбу, стараясь удержаться лишь в Симбирске.

3. В направлении Николаевска ведется только оборонительная борьба, препятствующая отрядам подходить к линии железной дороги.

4. Линию железной дороги Самара — Бузулук — Оренбург очищают чехи и затем передают ее охране оренбургских казаков.

5. Линию железной дороги Самара — Уфа — Челябинск занимают чехословацкие войска, вне зависимости от нашего плана.

Основания, коими мы руководились при принятии приведенного плана, были следующие:

Район Самара — Саратов — крестьянский район, на всем этом пути нет ни одного крупного рабочего центра. Следовательно, район, где мы скорее всего и больше всего можем найти поддержку и силы. Особенно привлекала наше внимание Тамбовская губерния, граничившая с Саратовской, где крестьянское движение, так называемое Антоновское, продолжалось все время, обещая нам со-

лидную поддержку. Я уже сказал, что на солидную активную поддержку рабочих мы не расчитывали и посему всю ставку делали на крестьянские районы. Помимо того, с захватом Саратова мы протягиваем одновременно руку Астраханскому казачеству, Уральскому и Алексееву. Захвативши Саратов, мы овладеваем линией железной дороги Саратов — Уральск и тем самым освобождаем все силы Уральского войска, в коих мы так все время нуждались. Одним этим ударом мы освобождали огромную территорию, с населением, несомненно, настроенным антибольшевицки, составляющую географически вполне законченное целое, отделенное от остальной России Волгой и Каспием с одной стороны, и Уралом — с другой. Это положение значительно облегчало борьбу с Москвой.

Помимо этого, соединение наших сил с силами генерала Алексеева, возможное только через этот путь, также заставляло нас предпочесть этот путь всякому другому.

Генерал Сахаров в своей книге «Белая Сибирь» упрекает нас в том, что мы, будто бы боясь соединения с генералом Алексеевым, из за боязни этого соединения предпочли идти на Казань, а не на Саратов — Царицын, куда приближались к тому времени войска генерала Алексеева.

Этот упрек, как это мы видим из вышеизложенного, а также из Дневника Вл. Ив. Лебедева, — одного из участников и руководителей казанского похода, напечатанного в журнале «Воля России», — несправедлив. Не буду говорить здесь о нашем отношении к южному движению, оно было сложное и не всегда одинаковое, скажу об этом в другом месте, если время позволит это сделать, здесь же кратко устанавливаю:

Свой план движения мы составляли не применительно к тому, нужно ли объединиться с генералом Алексеевым, или избегать этого объединения; скорейшее соединение наших сил с силами Юга мы считали желательным и, как видим, этот мотив также играл значительную роль при выборе нами пути движения; но **не к этому** исключительно были направлены наши устремления; Юг для нас

в то время был загадкой; больше того, у нас было больше оснований предполагать, что это движение враждебно нашим демократическим заданиям, и все же, несмотря на это, руководствуясь поставленными себе задачами, мы не уклонялись от возможности соединения с Югом, а, наоборот, пошли навстречу этому объединению.

Возвращаемся к нашему плану.

Овладение Симбирском для нас было важно по двум соображениям, во-первых потому, что в Симбирске находились большие военные заводы и большие интендантские склады, и с взятием Симбирска мы овладевали огромными запасами обмундирования, пуль, ружей и т. д., т. е. всем тем, в чем мы тогда так нуждались.

Кроме того — и это самое главное — Симбирск узловой пункт, соединяющий железнодорожные пути от Уфы к центру России. Владея Симбирском, большевики могли свободно бросать свои войска из центра России прямо в Уфу на перерез чешским войскам и, таким образом, зайти нам в тыл, отрезать нас от Сибири и окружить в кольцо из своих войск. Этой ошибки наши военные люди, конечно, не могли допустить.

Николаевский фронт значительной роли в начале борьбы не играл и ему большого значения не придавали. С захватом Саратова и Уральской магистрали он ликвидировался сам собою.

Таким образом, основное направление наших войск, куда должны быть брошены главные силы Народной армии, являлось, согласно плану, саратовское направление, а не казанское.

Почему же вместо саратовского направления, войска Народной армии пошли казанским и вместо Саратова взяли Казань? Какие причины и какие обстоятельства заставили Комуч изменить своему первоначальному плану?

Через несколько дней после взятия Симбирска, кажется, дня через два-три, Галкин является на заседание Комуча и возбужденно, чрезвычайно взволнованным голосом, просит предоставить ему немедленно слово для «чрезвычайно важного сообщения». Вместо сообщения,

Галкин вынимает телеграфную ленту своего разговора по прямому проводу с Фортунатовым и Лебедевым, находящимися в то время в Симбирске при Народной армии, и прочитывает ее. Оба указанные лица в телеграфном разговоре заявляют, что в армии неспокойно (на этом месте у Лебедева как раз разговор «обрывается»), настроение весьма повышенное, отряды «рвутся в бой» на Казань и, если, де, они попытаются удержать их, то все равно войска не послушают их и двинутся дальше.

Мы предвидели, что воодушевившись рядом побед, наэлектризованные паническим бегством противника, отряды Народной армии не захотят остановиться на месте, да, пожалуй, и не смогут, если бы некоторые из них этого и захотели. В движении, в особенности в таком стремительном движении, как в первые дни на Волге, было что-то механическое, стихийное, могущее оказаться роковым для нас. Но... ожидая этой стихийности от солдат, мы уж ни в коем случае не ожидали ее от руководителей движения, в особенности от Фортунатова, человека холодного, стойкого, обладающего огромным самообладанием.

Передав весь разговор, Галкин спрашивал, как ему быть.

Взятие Казани не входило в задания Народной армии. Больше того, продвижение к Казани, далеко отстоящей от центра, т. е. от Самары (1.008 верст), считалось крайне опасным. Помимо того, что это продвижение увеличивало наш фронт и тем разрежало силы Народной армии, к тому времени еще весьма слабые, оно еще отвлекало Народную армию от главной цели ее движения — от Саратова. Продвигаться же в обоих этих направлениях одновременно не представлялось никакой физической возможности, ибо солдат не хватало на один фронт, не только что на два. Это и Фортунатову и Лебедеву, как членам Военного Штаба, хорошо было известно. Кроме того, Казань — большой рабочий центр. Мы еще раньше знали, что казанские рабочие в большинстве своем настроены большевицки. Словом, на Казань мы смотрели, как на

гнездо большевиков, удержать каковое нам будет чрезвычайно трудно. Подсилить в военном отношении Казань не могла, ибо население ее уездов, по преимуществу татарское, относится, по нашим сведениям, совершенно индифферентно к власти и участвовать в гражданской войне не будет. Для чего же брать такой сомнительный и даже опасный пункт?

На основании этих соображний Комуч еще раз, в полном своем составе, совместно с генералом Чечеком и Управляющим Военным Министерством Галкиным, постановил плана не изменять и войскам приказать оставаться в Симбирске, вызвав оттуда и Фортунатова и Лебедева.

Начались переговоры. Галкин вел разговор с Лебедевым и Фортунатовым, а генерал Чечек с полковником Степановым, командующим симбирской группой и юридически ответственным за все ее действия. Мне трудно восстановить все эти разговоры, длившиеся целый день и ночь, до 3-х часов утра, но я отлично помню заключительный аккорд этих переговоров, а именно: не добившись благоприятного ответа от Симбирска, Галкин в конце разговора говорит: «Приказываю вам от имени Комитета Членов Учредительного Собрания, Военного Штаба и командующего войсками, немедленно возвратиться в город и движение на Казань отставить».

«Слушаюсь» — ответил Симбирск.

Успокоенные этим «слушаюсь», мы мирно разошлись по своим домам, в полной уверенности, что движение на Казань ликвидировано. Прошел день, прошел другой, а мы ничего и не знали. И вдруг телеграмма: «Мы под Казанью»...

Легко себе представить, каково было наше изумление, возмущение и тревога по получении этой телеграммы.

Что было делать?

После продолжительного обсуждения, опять с участием командующего войсками и управляющего военным министерством, было признано, что иного ничего нельзя сделать, как только примириться с совершившимся, ис-

правив то, что еще можно исправить. Отзывать войска, находящиеся у самой цели их продвижения, и, быть может, в бою — невозможно. Это значило бы развалить всю армию и сорвать движение. Преступление, совершенное двумя самоуверенными смельчаками, пришлось покрыть авторитетом всего Комуча, превратив его в их триумф, умолчавши, конечно, об их своеволии.

Так был опрокинут весь план движения, с такой осторожностью, вдумчивостью и серьезностью разработанный Комучем. С взятием Казани дальнейший план кампании, естественно, предрешался сам собой; все наши силы с этого дня были направлены на то, чтобы **удержать Казань,** ставшей с этого момента центром всех военных операций; все части, кои предполагалось бросить на саратовский фронт, пришлось задержать и бросить под Казань; удержим Казань — значит, есть еще некоторые надежды на продолжение борьбы; не удержим — все пропало, отступление начнется с такою же быстротой, с какою происходило и наступление.

Но почему же, спросят меня, взявши Казань, вы не оставили ее тотчас же, раз считали захват ее ошибкой, ведущей вас к отвлечению от основного военного плана? Почему вы считали необходимым не только удержать ее, но и еще, преступление, совершенное двумя-тремя лицами, покрыть своим авторитетом и оправдать его? Не лучше ли было немедленно же войска отозвать из Казани, а инициаторов, нарушивших волю власти, отдать под суд?

Все эти вопросы и предложения возникали и обсуждались в Комуче не раз. Комуч занимался ими не одно, а несколько заседаний, и в большинстве своем приходил все же к одному и тому же решению: оставлять Казань после происшедшего ни в коем случае нельзя; оставить ее немедленно же — это значило вызвать страшную панику среди городского населения, с таким восторгом встретившего Народную армию, и подорвать всякое доверие к власти и к движению. Можно было оставить Казань, вывезя оттуда золото, военные материалы, но для

этого необходимо было пробыть в Казани 2-3 недели, а пробыв 2-3 недели добровольно оставлять город — это значило сознаться в своем бессилии. Нужно иметь в виду, что очень многие и из Комуча поддавались настроению победителей. Блестящий успех под Казанью опьянил головы не только нашим военным руководителям казанской операцией, но и членов Комуча. Казалось, еще один такой смелый налет и, кто знает, может быть, и Москва будет нашей. . .

Во всяком случае, отступление назад, возврат на прежние позиции при том настроении среди солдат и населения, какое создалось в результате завоевания Казани, считалось всеми нами гибельным и невозможным. Благодаря этому и пришлось примириться с перестройкой плана.

П. Д. Климушкин

Политика „Комуча"

(Опыт характеристики)

1. ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ МОМЕНТА

Лето 1918 года началось и протекало под угрозой двух величайших опасностей, какие когда-либо знала история России и переживали населявшие ее народы. Это были: 1) угроза утраты Россией ее национальной независимости и государственной целости, угроза — исходившая от врага внешнего и 2) угроза утраты внутренней, гражданской свободы, исходившая со стороны врага внутреннего, ставшего во главе государственной власти. Россия стояла перед потерей внешней своей независимости и международного значения, и населявшие ее народы стояли под ярмом собственной ее власти и под угрозой долгого политического и хозяйственного рабства.

Угрозу национальной свободе и независимости Родины представляли немцы, политическую свободу народа растаптывали большевики.

Политика большевиков привела Россию к позорному, по выражению их самих, «похабному» Брест-Литовскому миру, к измене своим союзникам и к занятию лучших частей Юга и Запада России австро-германскими полчищами.

Страна распадалась на части. Скоропадский на Украине и Краснов на Дону, с благословения и поддержки немцев, вели губительную для России политику ее расчленения, образовывая «суверенные» Украину и Дон. По тому же пути следовали разные народности, населявшие окраины России.

Миссия Мирбаха в Москве определяла и направляла внешнюю и внутреннюю политику большевиков.

Словом, России угрожала опасность утраты ею государственного ее суверенитета и политической и хозяйственной ее независимости, утраты значения и роли ее в международной жизни, как самостоятельного государственного организма.

Вместе с тем на всем пространстве необъятной России, за самыми малыми исключениями, господствовал неслыханный террор большевицкой власти. Была задушена политическая и хозяйственная свобода, в ничто обращена ценность человеческой жизни и личности. Все было отдано во власть и на расправу Чеки и разнузданных красногвардейских банд. Обыски, аресты и расстрелы, конфискации, контрибуции и просто грабежи стали нормальными явлениями русской жизни.

Задушена была хозяйственная жизнь, замерли торговля и обмен. Заградительные отряды бесчинствовали во всех углах России, убивая и хозяйственную ее жизнь и само население.

Для всякого становилось ясно, что Россия стоит на краю бездны, что эта бездна изготовлена для нее внутренно объединенной германо-большевицкой силой. Была также до очевидности ясна необходимость борьбы съ угрожающей опасностью. Не оставалось сомнения и в том, что в этой борьбе никто на помощь России извне не придет, что для борьбы с врагом надлежит и предстоит делать исключительные усилия самому народу, собрать все способные к борьбе силы народа. Было столь же ясно, что эти усилия могли быть сделаны лишь сознательным напряжением воли самого народа и всего народа, и во имя идеи общенациональной, всенародной — идеи целости и свободы Родины и блага ее граждан.

2. ОБЩАЯ ПОЛИТИКА КОМИТЕТА

Этим общим катастрофическим состоянием страны определялась и общая линия поведения Комуча. В созна-

нии огромной опасности для народа и государства, а также в сознании огромности и тяжести предстоящей борьбы и с верою в здоровые силы народа, возглавившие Самарский переворот члены Учредительного Собрания в первом же своем воззвании к населению призывали «всех, кому дороги идеи народовластия, кто хочет счастия и покоя исстрадавшейся, истерзанной, разодранной на кусочки Родине, кому дороги целость и независимость России, под знамена Учредительного Собрания». В том же воззвании они взывали о жертвенности всех, «в ком еще не погасли светлые и благородные порывы, честь и совесть, несмотря на весь ужас пережитой жизни, несмотря на царящие в сердцах отчаяние и смятение».

Живые и творческие силы народа призывались к спасению России, ее свободы и независимости, и самодеятельность народа ставилась в основу спасения и возрождения Родины.

Две неотложные задачи стояли перед Комитетом: а) освобождение страны от ее внешних и внутренних врагов — немцев и большевиков, и б) установление в стране режима, обеспечивающего населению свободу и безопасность жизни и деятельности.

Для разрешения этих основных задач в первую очередь было необходимо организовать силы и средства для борьбы с врагом и создать условия, обеспечивающие гражданскую и хозяйственную свободу народа.

По пути организации средств борьбы в первую очередь надлежало создать вооруженные силы, объединить возникшие за Комитетом в разных местах Заволжья и Сибири антибольшевицкие силы и изыскать материальные и технические средства борьбы: вооружение, продовольствие, обмундирование и т. п.

Для создания условий, обеспечивающих свободу жизни и деятельности граждан было необходимо прежде всего упразднить весь созданный большевиками строй, основанный на насилии и ограничении всех видов деятельности населения, и установить такой режим, который бы обеспечивал нормальную жизнь и естественную самодея-

тельность населения. Таким режимом Комитету представлялся режим демократический, со всеми видами политической, гражданской, хозяйственной и личной свободы граждан.

Поэтому в первом же приказе Комитета Членов Учредительного Собрания было объявлено об отмене всех введенных большевиками ограничений и стеснений свобод и о восстановлении свободы слова, печати, союзов, собраний, свободы личности и хозяйственной деятельности.

Но свобода, в понимании Комитета, состояла не только в упразднении существовавших при большевиках ограничений и стеснений. Она, прежде всего, предполагала свободное развитие творческих сил народа и свободное участие населения во всех тяготах борьбы с врагом. Политическая и гражданская свободы предполагали, по мысли Комитета, содействие со стороны населения вновь возникшей власти в осуществлении ее задач и здоровое развитие хозяйственной жизни, могущую быть основой победоносного завершения борьбы. Во главу угла всей своей политики и деятельности Комитет ставил самодеятельность народа и его жертвенность во имя общенациональных задач. Поэтому не только в области хозяйственной, но и в области организации военных сил и в комплектовании армии Комитет первоначально избрал путь создания армии на началах добровольческих.

Вследствие такого принятого Комитетом основного отношения власти к населению, Комитет решительно и последовательно отказывался от применения в своей деятельности мер, характеризующих образ поведения власти, не считающейся с желаниями и настроениями народа, т.-е. от мер принуждения и, тем более, насилия. Отказ от мер подобного рода особенно последовательно проводился в области хозяйственной жизни и деятельности населения. Здесь Комитет решительно не допускал ни реквизиций, ни продразверсток, ни принудительных работ, а тем более, всякого рода конфискаций и т. п.

Режим Комитета был режимом свободы и этим опре-

деляется весь характер отношения власти к населению и к отдельным его слоям и всех мер, осуществлявшихся Комитетом в разных областях государственной и хозяйственной жизни подвластного ему края.

Территориально власть Комитета распространялась почти на все Заволжье и Урал, включая в сферу своего влияния пять губерний и две казачьи области. Численность населения составляла цифру, превышающую **12 миллионов.** Этнографический состав населения был чрезвычайно пестр. По социальному своему составу это население было однородно с населением центральной России. И все же, несмотря на такую значительность территории и населения, на этнографическую пестроту и на обычную социальную дифференцированность последнего, — Комитету, за все время своего существования, не представлялось быть свидетелем широко выявленного недовольства населения его политикою; ему не приходилось ознакомляться с теми явлениями, с чем так знакома была большевицкая власть — с вооруженными восстаниями и бурными массовыми протестами против власти. И это обусловливалось не столько политической или социальной пригодностью конкретных мероприятий Комитета, сколько положительным отношением основной массы населения к общей политике Комитета — политике свободы и доверия к народу. Несомненно, в деятельности и управлении Комитета были промахи и ошибки. Экономическое положение края и особенно положение трудовых слоев населения оставляли желать очень многого: невозможно было в течение нескольких месяцев восстановить хозяйственную жизнь, направить аппарат управления, поднять благосостояние народа. Утомленный мировой войною народ с большой неохотой нес бремя новой борьбы, притом борьбы, направленной против своего же брата. Он знал и чувствовал, что в его жизни не все хорошо и не все благополучно и что это неблагополучие обусловливалось не только установленным Комитетом порядком. Но, вместе с тем, он также знал и чувствовал, что в его жизни было нечто положительное и ценное, что пришло с установлением власти Ко-

митета, и что оно вновь может исчезнуть с приходом большевицкой власти, а именно: свобода личная, хозяйственная и политическая, отсутствие произвола и гнета власти. А наличие этих благ после пережитого ужаса, связанного непосредственно с деятельностью большевицкой власти, составляло уже нечто такое, чем нужно было дорожить и что следовало беречь.

Трудно, конечно, было ожидать, чтобы все слои населения освобожденного края одинаково относились к власти Комитета. Разница социального положения и происхождения и оттенков политической мысли и политических симпатий играли здесь, несомненно, значительную роль. Решающее значение трудовых слоев населения в деле борьбы с врагом и в народно-хозяйственной жизни края побуждали Комитет к наибольшему вниманию и заботе о нуждах и интересах этих слоев населения. Вследствие этого наибольшее число мероприятий Комитета было направлено к разрешению основных вопросов крестьянской и рабочей жизни: урегулированию земельных отношений и положения труда и рабочего класса.

Однако, едва-ли будет правильным утверждать, что отношение к Комитету рабочих и крестьян определялось лишь этим моментом. Слишком недолговечен был Комитет, чтобы рабочие и крестьяне успели воспользоваться последствиями тех распоряжений Комитета, какие принимал Комитет в отношении этих слоев. Удовлетворить нужды их в условиях унаследованной от большевиков и мировой войны хозяйственной разрухи, не было ни сил ни возможности. Тем не менее, за все четырехмесячное управление Комитета с их стороны не было случаев выражения массовых протестов и широкого движения против Комитета. Крестьяне и рабочие в общей своей массе оказывали Комитету посильное содействие в его борьбе с большевиками; рабочие же некоторых районов, как, например, Воткинского и Ижевского заводов, восставшие против большевиков и свергнувшие их власть, безоговорочно признали власть Комитета и вместе с Народной Армией вели упорную борьбу против своих врагов.

Отношение к Комитету других слоев населения — городской интеллигенции, т. н. буржуазии и офицерства — в общем определялось их отношением к факту борьбы с большевиками. Павшая ненавистная власть едва-ли вызывала в этих слоях населения какое-либо чувство, кроме чувства вражды, ненависти и злобы. Вместе с тем, они не могли не бояться нового прихода этой власти. В сравнении с последнею, всякая власть для них была приемлема до тех пор, пока не настанут сроки для водворения их собственной власти. Поэтому отношение этих слоев населения к Комитету, варьируясь во времени и в форме, было не отрицательное, по крайней мере, в первый период деятельности Комитета. Значительная часть интеллигенции и служилого класса, бойкотировавшая службу у большевиков, охотно предоставляла свой труд и опыт Комитету в области правительственной и общественной работы или в иных формах интеллигентского труда. Не было случаев, чтобы какие-либо группы интеллигентских тружеников в той или иной форме мешали деятельности Комитета. Наоборот, обращения Комитета и его органов или должностных лиц с предложениями того или другого вида труда всегда встречали в интеллигентских кругах живой отклик, и представители этих кругов принимали самое активное участие не только в работах правительственных и общественных учреждений, но и в разных, создаваемых по тому или другому поводу и случаю комиссиях Комитета.

Буржуазные классы населения, особенно их верхи, не могли рассматривать Комитет как свою власть. Симпатии их, несомненно, были направлены в сторону иных форм организации власти. Ни земельная, ни рабочая политика Комитета не могли быть ими разделяемы. Поэтому трудно было ожидать с их стороны активного содействия Комитету в осуществлении его задач в этой области. Тем не менее, эти слои населения, особенно в первое время по падении большевицкой власти, не чинили деятельности Комитета каких-либо организованных затруднений. Наоборот, биржевые комитеты разных городов в первые дни

после падения большевицкой власти в той или иной местности, выносили постановления о самообложении торгово-промышленного класса в пользу Народной Армии и вообще на дело борьбы с большевиками. К сожалению, жертвенность этих классов никогда не шла далее красивых жестов и громких слов. Из десятков миллионов, определяемых этими постановлениями в фонд борьбы, едва-ли были внесены десятки тысяч. Это противоречие дела словам, однако, не обусловливалось изменением отношения буржуазии к Комитету в последующем. То же самое явление наблюдалось и на территориях правительств, далеко не пренебрегавших интересами буржуазии (Сибирь, Юг России и др.).

Иной характер имело отношение к режиму Комитета офицерства. Необходимо признать, что офицерство в огромной своей массе отличалось высокой степенью жертвенности. Воодушевленное идеей борьбы с большевиками, оно бескорыстно шло в ряды армии и с оружием в руках боролось в рядах ее не только на командных должностях, но и в качестве рядовых бойцов. Занятое делом борьбы, оно, в значительной своей части, было чуждо политики и политиканства. Несомненно, в рядах его были элементы, не разделявшие политики Комитета и не питавшие к нему особо добрых чувств. Но такие элементы имели возможность не связывать себя службой в Народной Армии, так как могли поступать в Сибирскую Армию, более соответствовавшую их взглядам и симпатиям. Поэтому, политическая атмосфера офицерства Народной Армии в значительной мере носила специфические черты происходил естественный отбор офицерства, и в рядах армии Комитета оставались на службе офицеры или определенно сочувствовавшие политике Комитета или признававшие ее терпимой. В Народной Армии был чужд вследствие этого, тот дух заговорщичества и политиканства офицерства, что в других антибольшевицких образованиях приводил ко всякого рода военным заговорам и переворотам. Имевшиеся в распоряжении Комитета сведения говорили, что некоторые элементы офицерства не

были довольны политикой Комитета и иногда в своей среде ставили вопрос о своем более активно-отрицательном отношении к Комитету. Но сознание опасности внутреннего разделения всегда предохраняло офицерство от неосторожных и опасных шагов, и офицерство в общем добросовестно несло тяжелое бремя борьбы с врагом.

Уход из Самары большевиков не означал, конечно, что в Самаре и ее губернии, а также в других освобожденных местностях, не оставалось более большевиков и их тайных сторонников. Эти элементы не могли оставаться безучастными зрителями поражения и падения их власти и укрепления враждебной им силы. Пред ними стояла ясная и определенная задача: оставаясь на территория Комитета, сеять смуту в населении и разрушать материальные и духовные силы новой власти. Развить это дело до необходимых им размеров элементы эти не имели сил и возможности. Но для них был не безразличен и частичный успех в этом направлении. Средствами к тому, как обычно у большевиков, были провокации, подстрекательства и возбуждение к непорядкам и восстаниям, шпионаж, умышленное истребление и порча средств сообщения, военного снаряжения и вооружения и продовольственных материалов. Такое положение требовало от Комитета принятия мер предосторожности. Объявление политической и иных форм свободы не означало создания условий для безнаказанной деятельности такого рода элементов. Поэтому, было необходимо обезврежение их. В условиях борьбы таким средством могла быть только изоляция их, а в иных случаях и принятие более действительных репрессивных мер. Поэтому уже к 20 июня Комитет вынужден был объявить о предании за вышеуказанные виды преступления воиному суду. Необходимость самообороны диктовала и предупредительные меры в виде арестов и содержания их в местах заключения.

Не создавала для Комитета особых затруднений и этнографическая пестрота населения края. Эта особенность населения в революционные эпохи представляет из себя момент, чрезвычайно затрудняющий образование

единой государственной власти и мешающий нормальной ее деятельности. Опыт революций разных эпох и у разных народов, особенно опыт русской революции, показывает, что в такие эпохи развивается особенная, исключительная страсть к образованию самостоятельных государств по признаку национальному. Зарождаются и развиваются всякого рода практические попытки самоопределения наций, сепаратистских течений и проявляются националистические увлечения. В этом отношении заселенное в значительной мере инородческим населением Заволжье представляло из себя редкое исключение. Несмотря на то, что некоторые из инородцев — татары, башкиры и киргизы — уже с конца 1917 года имели свои национальные правительства, и большевицкая власть своей террористической политикой в достаточной мере насыщала их сепаратистскими и националистическими стремлениями — ни одно из этих правительств не обнаружило при Комитете ярко выраженных стремлений к обособлению от него и они удовлетворялись лишь признанием со стороны Комитета за этими народами культурно-национальной автономии.

Было бы натяжкой объяснять это явление лишь особенностями политики Комитета. **Но несомненно, что одной из ближайших причин его является то, что Комитет как-то сумел приостановить развивавшееся до него стремление этих народностей к обособлению от русского общегосударственного центра и нашел пути и средства связать национальные чаяния их со своей общероссийской общенародной политикой.**

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОМИТЕТА

Социальная политика и социальное законодательство Комитета определялись двумя основными мотивами: 1)желанием защитить интересы трудовых слоев населения и 2) стремлением создать и обеспечить условия нормальной общественной и государственной жизни и деятельности. Объявляя в принципе свободу хозяйственной

деятельности населения, Комитет, по условиям времени, не мог отказаться от всякой регулировки народно-хозяйственной жизни и вмешательства в социальные отношения. Как практика предшествующих правительств (царского, Временного Правительства и большевицкого), так и необходимость поддержания равновесия разных социальных сил и устойчивости социального положения настойчиво требовали вмешательства государственной власти в область социальных отношений. Расстроенный организм народного хозяйства — с одной стороны, и возможность развития нездоровых общественных и хозяйственных явлений — с другой (спекуляция, стремление к восстановлению упраздненных революцией форм социальных отношений и установление господства одних классов над другими), властно требовали предела свободной игре социальных сил.

Поэтому Комитет, непосредственно после изгнания большевицкой власти, должен был принять ряд мер, направленных к урегулированию социальных отношений и народно-хозяйственной жизни во всех основных ее областях и формах: аграрной, рабочей, торгово-промышленной, продовольственной и финансовой. Все эти меры, преследуя каждая в отдельности специальные цели, имели, однако, один общий характер и одно направление: открывая необходимые свободы хозяйственной деятельности и отношений, они должны были ставить определенные границы, переход которых означал бы нарушение равновесия социальных сил и нанесение ущерба общегосударственным и общенародным интересам.

Кроме отдельных конкретных мер, направленных к регуляции общественных и хозяйственных отношений, Комитет неоднократно подчеркивал в своих декларациях и приказах основную свою позицию в вопросах социальной политики.

В декларации своей от 24 июля 1918 года, определяющей социальную политику Комитета в основных ее моментах, Комитет заявлял:

«Земля бесповоротно перешла в народное достояние

8

и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков Комитет не допустит. Сделки купли, продажи и залоги на землю сельско-хозяйственного значения и лесные угодья запрещаются, а тайные и фиктивные сделки объявляются недействительными...

Действующие законы и постановления об охране труда сохраняют свою силу впредь до пересмотра их в законодательном порядке...

Ведомству Труда вменяется в строгую обязанность иметь неослабное наблюдение за исполнением этих законов и постановлений...

Всякий расчет рабочих и приостановки работ в предприятии, неоправдываемые условиями производства или совершаемые по соглашению предпринимателей в целях борьбы с рабочими или правительством, воспрещаются под угрозой строжайшей ответственности...

«Определенные законом права профессиональных союзов сохраняют свою силу вплоть до пересмотра законоположений о них. К участию в подготовке пересмотра законов по охране труда безусловно привлекаются представители трудящихся и предпринимателей...

«Имея в то же время в виду интересы промышленности и хозяйственной жизни страны, доведенной большевиками до полного развала, и желая оказать содействие всем лучшим представителям торгово-промышленного класса, которые искренно стремятся к возрождению России и проникнуты желанием всемерно содействовать восстановлению нормальной хозяйственной жизни, Комитет Членов Учредительного Собрания также считает долгом объявить во всеобщее сведение:

1. Предпринимателям предоставляется право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определенного законом и договором, и увольнять неподчиняющихся этим требованиям, соблюдая соответствующие нормы.

2. Предпринимателям также предоставляется право увольнять лишних рабочих, с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений».

Как видно из этих положений декларации, Комитет в своей земельной политике исходил из факта перехода частно-владельческих земель в пользование трудящихся и стоял на точке зрения изъятия земли из товарного оборота, признавая, таким образом, отмену частной собственности на землю.

В области рабочей политики Комитет безусловно признавал принцип капиталистической частной собственности; но в целях защиты профессиональных интересов рабочего класса и охраны труда, а также в интересах нормального развития народно-хозяйственной жизни и производства, признавал необходимым существеннейшее вмешательство государственной власти в отношения между предпринимателями и рабочими, оставляя, однако, при этом рабочим — свободу профессиональных объединений и влияние на управление предприятиями во имя защиты своих интересов и прав, а предпринимателям — право и свободу хозяйственной деятельности, поскольку это не нарушало интересов рабочих, не преследовало целей борьбы с рабочими или правительством и не мешало осуществлению задач государственной власти в области народного хозяйства.

В одобренной Комитетом программе Управляющего Ведомством Труда эта точка зрения получила более широкое развитие. В ней заявлялось: «Перед Ведомством Труда стоит сейчас в высшей степени сложная и ответственная задача. Большевицкое хозяйничанье в области рабочего вопроса имело чрезвычайно пагубные последствия. Демагогические утверждения, что будто Россия переживает социалистическую революцию, на время увлекли пролетариат и лишили его ощущения реальности; он потерял границу между мечтой и действительностью. Теперь жизнь возвращает рабочий класс на землю, он постепенно трезвеет и начинает отличать возможное от невозможного. На обязанности Ведомства Труда лежит задача способствовать этому здоровому процессу и одновременно заботиться о том, чтобы законные интересы пролетариата были в полной мере охранены... Я вполне сочувствую

проводимой сейчас денационализации большей части национализированных большевиками предприятий. Личная инициатива промышленника должна быть связана возможно меньше, ровно настолько, на сколько это абсолютно необходимо в интересах государства... но рабочий класс имеет полное право требовать от государства определенной суммы социальных реформ, гарантирующих его от чрезмерной эксплоатации... В своей деятельности Ведомство Труда будет продолжателем Министерства Труда прошлогоднего Временного Правительства... Выполняя свой долг перед пролетариатом, революция вправе требовать, чтобы пролетариат в свою очередь выполнял свой долг перед революцией. Учредительное Собрание гарантирует 8 часов рабочего дня, но эти 8 часов рабочие должны хорошо работать, поэтому Ведомство Труда обратит самое серьезное внимание на повышение производительности труда рабочих. Хотя разруха и на фабриках и заводах зависит от сложного комплекса причин и не может быть отнесена исключительно за счет плохой работы рабочих, однако, эта плохая работа во многих случаях существует и оказывает губительное действие... Плохая работа при 8 часовом дне не только страшный ущерб для страны, но и позор для пролетариата. С плохой работой должно быть покончено. Ведомство Труда примет к этому самые энергичные меры».

Такое направление экономической политики, естественно, встречало неодинаковое к себе отношение со стороны разных социальных слоев. Отвечая во многих отношениях чаяниям земледельческого трудового населения в области земельных отношений, эта политика вызывала явное недовольство и оппозицию со стороны землевладельческого класса, не желавшего мириться с фактом перехода их земель в руки трудовых масс.

Устанавливаемые Комитетом новые отношения в области промышленного производства и торговли также не встречали одинакового отношения со стороны двух противостоящих классов — рабочих и предпринимателей. Удовлетворяя значительные массы рабочих, формы этих

отношений представлялись вредными и опасными для предпринимателей. Многие из последних мечтали и надеялись, что с падением большевицкой власти будут восстановлены все формы отношений, господствовавшие в дореволюционное время. С другой стороны, и в среде рабочего класса были элементы, которым направление рабочей политики Комитета казалось урезывающим их права и достижения. Одному из этих классов — предпринимателям — политика Комитета представлялась продолжением начатых большевиками социалистических экспериментов, хотя и в смягченных или урезанных формах; большевиствующей части рабочих она казалась отказом от многих достижений, сделанных за время революции.

Естественно, что такие максималистские тенденции двух полюсов общественности находили себе выражение и во вне, и иногда в нездоровой форме. Одни, служа большевикам, усиленно стремились к возбуждению рабочих и крестьян против новой власти, внушая последним, что рабочие отдаются во власть капитала, а крестьяне будут лишены земли и вновь подчинены помещикам. Другие всячески подчеркивали и в печати и на своих съездах о продолжающемся разграблении помещиков и промышленников рабочими и крестьянами под покровительством и защитой новой власти.

Но элементы эти представляли очень незначительную массу, и не к их голосам должен был прислушиваться Комитет. Голоса эта раздавались не потому, что имели под собой действительные основания. Крича о недостатках социального строя, они преследовали определенные политические задачи. Одни хотели возвращения большевиков, другие — прихода диктатуры в лице какого-либо генерала.

Основная же масса населения — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция — незараженная максималистскими настроениями и понимавшая требования государственной необходимости и социальной справедливости, была в достаточной мере удовлетворена направлением и

характером деятельности Комитета в области хозяйственной жизни.

Поэтому, не отступая от своих основных принципов и уверенный в сочувствии широких народных масс и общественных кругов, Комитет осуществлял свои задачи в соответствии с основными потребностями народной и государственной жизни.

В основу определения земельных отношений Комитет положил первые десять пунктов основного закона о земле, принятого Всероссийским Учредительным Собранием в его заседании 5-го января 1918-го года. Закон этот отменял право частной собственности на землю, оставляя за лицами и учреждениями лишь право пользования землей и признавая право распоряжения ею лишь за государственной властью.

В целях урегулирования земельных отношений Комитет, приказом своим от 25-го июня за № 51, восстановил деятельность земельных комитетов, положив в основу их деятельности основания, принятые при Временном Правительстве и предложил земельным комитетам руководствоваться в своей деятельности Положениями земельного закона Учредительного Собрания.

Но запутанность фактических земельных отношений, наличие в руках некоторых прежних владельцев значительных земель с посевами, требовали внесения в эти отношения временных коррективов. Поэтому приказами от 6 июля за № 83 и от 22-го июля за № 124, Комитет, вновь подтверждая переход всей земли в распоряжение Земельных Комитетов, дал указание, что «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917-м и 1918-м годах, как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». При этом указывалось, что снятие посевов будет производиться под контролем органов местных самоуправлений и что преимущественное право на приобретение снятого хлеба будет оставлено за государством. В этом же приказе устанавливается, что живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь частных владельцев, распределенный между земледельцами, остает-

ся в пользовании последних, если к тому не встретится препятствий со стороны Земельного Комитета, и предлагалось соответствующим органам произвести строгий переучет всего живого рабочего и мертвого сельско-хозяйственного инвентаря. Одновременно были установлены и правила об использовании посевов частных владельцев и арендаторов.

В области рабочего законодательства Комитетом были приняты следующие законоположения: приказом от 8-го июня за № 4 были сохранены все организации, руководившие деятельностью различных предприятий и, в частности, фабрично-заводские комитеты. 25-го июня приказом № 49 были утверждены правила об организации и деятельности касс безработных, с значительным преобладанием в этих кассах представителей от рабочих (8 представителей от рабочих, 3 от предпринимателей, 1 от правительства). Средства этих касс составлялись взносами: треть от государства, треть от органов местного самоуправления и треть от рабочих и предпринимателей, причем из этой последней трети рабочие вносили одну треть, предприниматели две трети.

Вследствие наблюдавшихся незаконных приостановок и закрытий предприятий, приказом от 7-го июня за № 88 были воспрещены локауты, как меры борьбы с рабочими, под страхом предания виновных военному суду.

Приказом от того же числа за № 89 были признаны остающимися в силе декреты свергнутой советской власти по охране труда и заключенные при той же власти коллективные договоры, впредь до пересмотра их с соблюдением установленных на то правил.

В целях надзора за соблюдением технических правил безопасности рабочих, благоустройства и содержания промышленных предприятий всякого наименования, 16-го июля был восстановлен институт фабричной и горной инспекции с установлением для органов этого института некоторых правил, в соответствии с изменившимися условиями.

Наконец, постановлением от 4-го сентября был при-

нят закон о 8-часовом рабочем дне, немедленно введенный в действие и узаконивший фактическое состояние, установившееся за время февральской революции.

В видах восстановления нормального положения в области торгово-промышленной деятельности и усиления производительности частных предприятий, были изданы Комитетом следующие законоположения:

1. Приказом от 12-го июня за № 16 было объявлено о денационализации банков.

2. 2-го июля Комитетом было объявлено, что все вклады в банках и сберегательных кассах признаются неприкосновенными, что произведенные большевиками списания с текущих счетов признаются недействительными, что захваченные ценности и имущество будут возвращены владельцам по распоряжениям и определениям судебной власти. В том ж объявлении сообщалось об отмене распоряжения большевицкой власти об аннулировании займов.

3. Приказом от 9-го июля за № 93 была создана Комиссия по денационализации фабрично-заводских предприятий. В состав этой Комиссии входили представители от рабочих, промышленников, правительственных и общественных учреждений и разных профессиональных организаций, всего в числе 30 представителей. При этом объявлялось о недопустимости возвращения имущества насильственным порядком под страхом строгой ответственности, а приказом от 12-го июля за № 101 национализированные большевиками предприятия местного значения передавались во временное ведение и хранение органов местного самоуправления.

В целях надлежащего решения вопросов, касающихся торговли и промышленности, впредь до создания нормального государственного органа, приказом от 15-го июля за № 131 был учрежден Совет по торгово-промышленным делам из представителей промышленных и общественных учреждений, профессиональных организаций рабочих и торгово-промышленных объединений.

Все мероприятия Комитета в области социальной и

народно-хозяйственной жизни принимались Комитетом по обсуждении и одобрении их в органах, составленных из представителей заинтересованных сторон, с участием представителей органов местного самоуправления.

Особенность этих мероприятий составляло то, что они устанавливали отношения временные, оставляя окончательную регуляцию тех или иных отношений до создания нормально-действующих органов управления и создания всероссийской власти. Основной их целью было поддержание общественного и социального мира в пределах подвластного Комитету края и соблюдения социальной справедливости в отношении к разным классам и слоям населения. Как всегда и везде, среди разнообразных слоев населения, возбужденных и выбитых из обычной колеи жизни революционной волной, могли быть неудовольствия, а иногда и резкая оппозиция политике и мероприятиям Комитета. Но, в общем, преследуемые в этой области жизни Комитетом цели в значительной мере достигались. Основные массы народа в своих главных потребностях и нуждах в достаточной мере удовлетворялись политикой и деятельностью Комитета. Как было указано выше, отсутствие широкого народного движения против власти Комитета и организованно выраженного протеста против направления деятельности этой власти, служили достаточным к тому доказательством.

4. ФИНАНСЫ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Оставшееся после предшественника Комитета финансовое наследство было поистине плачевным. Не говоря уже о полном расстройстве общего финансового положения, наследованного от большевиков, размер оставленных большевиками средств в Самаре был ничтожен. В местном отделении Государственного Банка денежных знаков оставалось всего на сумму около полтора миллиона рублей. В других городах, за исключением Казани, состояние средств было не лучше. Печатный станок центральной большевицкой власти, несмотря на все усилия

и напряжение, не всегда был в состоянии удовлетворить потребности местных советских властей. В тех же местностях, где к моменту прихода частей Народной армии сохранились какие-либо остатки денежных средств, большевики, оставляя город, эти средства увозили с собой.

На нормальные поступления налогов, могущих удовлетворять потребности, не было надежд. Население, разоренное мировой войной и большевицким управлением, и, в известной мере, утратившее сознание своих обязанностей к государству, не могло быть хорошим плательщиком налогов.

Специальных источников дохода, в виде государственных предприятий и монополий, у новой власти не было и не предвиделось. Все национализированные предприятия и имущества, при отрицательном отношении Комитета к этой форме хозяйствования, не могли быть приняты в расчет, как источник государственных доходов.

К форме добывания средств путем выпуска особых местных денежных знаков Комитет относился отрицательно. Сознание опасности обесценения денежных знаков и, вследствие этого, дальнейшего роста дороговизны и усиления хозяйственной разрухи, являлось основным мотивом отказа от указанной формы добывания средств. Комитет сознавал, что одним из коренных условий успешной борьбы с противником является нормальное течение и развитие экономической жизни. Разрушение же этой основы жизни могло явиться лишь одним из благоприятствующих противнику обстоятельств.

Открывшиеся со дня взятия Казани финансовые средства Комитет не считал для себя возможным обратить на удовлетворение своих нужд и потребностей. Золотой фондъ, равнявшийся по номинальной стоимости 657 миллионов рублей, и запас платины и серебра, а также и иных ценностей, представляли из себя огромные средства. Но рассматривая себя лишь как временную власть, призванную волею судьбы подготовить приход всероссийской власти, и признавая золотой фонд за общенародное достояние, право распоряжения которым принадлежало

лишь самому народу, в лице признанной им всероссийской власти, Комитет, несмотря на всю свою нужду в средствах, не израсходовал ни одного рубля из этого фонда золота и ценностей. Товарищ Управляющаго Военным Ведомством, В. И. Лебедев, извещая 22-го августа 1918 года об окончании отправки всех этих ценностей из Казани в Самару, писал: «Теперь все это народное достояние из рук грабителей и предателей перешло целиком в руки Учредительного Собрания, и Россия может быть спокойна за целость ее богатства». И эта надежда Товарища Управляющаго Военным Ведомством Комитетом действительно была оправдана. Все эти ценности, при прекращении деятельности Комитета, в полной неприкосновенности, были переданы созданной в Уфе Директории. Поэтому все распространяющиеся время от времени в некоторых кругах слухи являются сознательным измышлением, делаемым в целях политических, в целях посрамления демократии. Даже правительство адмирала Колчака, осуждавшее политику Комитета, никогда не решалось ложью о растрате Комитетом золотого фонда оправдывать свое преследование членов Учредительного Собрания. Также и другой противник Комитета — большевики — обвиняя Комитет во всех грехах, не осмеливался бросать ему упрек в растрате золотого достояния России. Бывший Управляющий Ведомством Труда Комитета И. М. Майский, перешедший впоследствии к большевикам и, в угоду им, всячески посрамляющий Комитет, свидетельствует: «Комитет членов Учредительного Собрания, во всяком случае, не израсходовал из находившихся в его руках золота и серебра ни копейки». (И. Майский, «Демократическая контр-революция», стр 89.).

Как в общей деятельности Комитета, так и в области финансов, у Комитета были недочеты и ошибки. Но ни один добросовестный противник Комитета не может упрекнуть его в том, что он не сохранил обще-российского достояния и тратил его на какие-либо нужды. Скорее, ошибка Комитета, быть может, состояла именно в том, что он не счел возможным обратить общенародное до-

стояние на местные нужды. Не так поступали унаследовавшие или просто незаконно захватывавшие это золото другие правительства. От правительства Колчака из всего этого фонда перешло к Иркутскому Политическому Центру лишь около 430 миллионов рублей. Значительная часть его была депонирована в обеспечение разных заказов или в удовлетворение иных потребностей, в заграничных банках. Значительная доля золотого запаса была перехвачена в Чите атаманом Семеновым, который в течение долгого времени содержал себя и свое окружение на это золото.

Излюбленный большевиками способ изыскания денежных и иных средств — специальные обложения буржуазии — не отвечал общему направлению политики Комитета, и Комитет от него решительно отказывался. Самообложения состоятельных классов в конечном результате не дали почти ничего.

Между тем, несмотря на максимальные усилия Комитета к экономии, расходы его, по мере расширения освобождаемой от большевиков территории, все более и более росли. Как гражданское управление, так и военное дело, по мере роста и развития, требовали средств в все более возростающей мере, и надо было изыскивать источники их покрытия.

Принимаемые в этом направлении Комитетом меры характеризовались одним основным стремлением Комитета — изыскивать такие источники, которые наименее затрагивали бы интересы широких слоев населения. Поэтому Комитет в своей финансовой политике отказывался от введения каких-либо новых налогов, специальных обложений и т. п. Усилия его были направлены, по преимуществу, к развитию форм кредита и использованию источников, не затрагивающих непосредственных интересов населения.

Развитие частно-хозяйственной жизни и здоровых форм кредита, частного и государственного, несомненно, могло в некоторой мере содействовать облегчению финансового положения Комитета. Поэтому, в первые же

дни своего существования — 12-го июня — Комитет издал приказ о денационализации частных банков. Но эта мера все же не являлась средством, непосредственно содействовавшим усилению средств новой власти. Было необходимо изыскать формы действительного кредита населения государству. Восстанавливая деятельность Государственного Банка и сберегательных касс, и объявляя отмену проведенной советской властью аннуляции процентных бумаг, а также в убеждении, что у населения имеются избытки втуне лежащих и обесценивающихся бумажных денежных знаков, Комитет обращался с горячим призывом ко всем гражданам, организациям, кооперативным обществам, промышленным и торговым фирмам — вносить свои сбережения и наличные суммы на текущие счета в банки и сберегательные кассы. При этом он заявлял, что вновь вносимые вклады будут выплачиваться без всяких ограничений и стеснений. Одновременно Комитет объявлял о допущении к обращению в качестве денежных знаков: 1) билетов Государственного Казначейства, имеющих все досрочные купоны, а также без купонов, но снабженных штемпелем Самарского Отделения Государственного Банка, 2) облигаций займа свободы 1917-го года, достоинством до 100 рублей и 3) купонов всех государственных процентных бумаг по наступлении оплаты их. Это обращение и эти меры не остались без отклика со стороны населения. В кредитные учреждения и сберегательные кассы начался значительный приток вкладов, и объявленные к хождению в качестве денежных знаков облигации и купоны обращались без всяких затруднений.

Выпущенные во второй половине августа к обращению облигации некоторых займов также имели беспрепятственное хождение.

Однако, эти меры не могли полностью покрыть растущие расходы. Было необходимо изыскать другие пути и источники средств. Во второй половине августа Комитет был вынужден разрешить продажу водки. Положение требовало даже сохранения некоторых мероприятий советской власти. Так, был оставлен в силе

декрет большевицкой власти о кожевенной монополии (приказ № 41). А все национализированные большевиками предприятия и имущества, носившие местный характер, впредь до общего разрешения вопроса о денационализации, приказом № 101 передавались во временное ведение и хранение органам местного самоуправления.

Источником средств Комитета являлись иногда обстоятельства случайного характера. Занятие того или иного города предоставляло иногда в распоряжение Комитета средства, как денежные, так и материальные. В этом отношении было особенно богато последствиями занятие Казани. Кроме указанного выше фонда золота, серебра, платины и других ценностей, в Казани было захвачено денежных знаков на сумму 100 миллионов рублей и огромное количество всякого рода военного имущества.

Наряду с мерами, направленными к пополнению государственной казны, Комитет принимал меры к максимальному сокращению расходов по гражданскому управлению. В этих целях, постановлением Комитета от 27-го июня за № 57, была учреждена Верховная Контрольная Комиссия из представителей органов местного самоуправления и общественных организаций, с предоставлением ей права «давать свои заключения о законности, необходимости и целесообразности расходов, производимых всеми учреждениями и организациями». В ряду отдельных мер этого рода необходимо упомянуть сокращение Комитетом расходов по самому Комитету. Содержание членам Комитета, в том числе и Председателю его, было определено в размере 700 рублей в месяц, тогда как мировые судьи гор. Самары получали оклад содержания до 900 рублей в месяц. Никаких других видов содержания члены Комитета не имели; даже проездные расходы по прибытию их в Самару не всегда оплачивались. В распоряжении Комитета имелся всего один автомобиль, и им пользовался исключительно Председатель Комитета. Ни один из Управляющих Ведомствами, кроме Военного, не имели права на особое вознаграждение по представительству, разъездам и т. п.

В общем, необходимо отметить, что в области финансовой политики и финансового управления Комитет не задавался вопросами широкой и расчитанной на долгое время финансовой реформы. Борьба с большевиками требовала удовлетворения насущных потребностей, и принятия таких мер, которые давали бы ближайшие и непосредственные результаты. Кроме этой объективной причины, определявшей характер общей финансовой политики Комитета и его конкретных мероприятий в этой области, здесь играло значительную роль и то понимание Комитетом своего призвания, по которому он рассматривал себя только как предшественника и подготовителя всероссийской власти, имеющей придти в результате скоро ожидаемой окончательной победы над врагом. Дальнейшие события не оправдали надежд Комитета, и явившейся, в результате компромиссов, всероссийской власти, в лице Директории, также не суждено было осуществить чаяния и надежды Комитета.

С другой стороны, кратковременность существования и деятельности Комитета также не являлись условием, при котором успешно могла бы развиваться планомерная финансовая реформа. Но, тем не менее, все, на первый взгляд разрозненные финансовые мероприятия Комитета были проникнуты одной общей идеей и одним духом — не возлагать на население, в особенности на его трудовые слои, непосильных тягот, хотя бы в результате этого и создавались значительные затруднения по управлению антибольшевицкой частью страны.

5. ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Предшественница Комитета — большевистская власть, верная своим принципам о необходимости регуляции государственной властью всех сторон жизни, частной и общественной, со свойственною ей жестокостью и прямолинейностью проводила этот принцип и в области продовольственного дела. Твердые цены, заграждения, воспре-

щение частной торговли предметами продовольствия, продовольственные голодные нормы и карточки — все это осуществлялось с фанатическим ослеплением, не останавливавшемся ни перед какими нелепостями их практических последствий и жестокостями над населением.

Последствием этой политики было неслыханное вздорожание предметов продовольствия, исчезновение их с рынка и, в конечном счете — всеобщее разорение и голод. Разруха транспорта, беспрерывный рост цен на предметы продовольствия и бесконечное вмешательство власти в продовольственное дело служили непреодолимыми препятствиями для правильного обмена, а вследствие этого, и для нормального развития продовольственного дела. Явление это было повсеместным, лишь с небольшими вариациями в степени и силе. Правда, Самарская губерния, как губерния производящая, не так страдала от голода и всеобщей разрухи, как центральные потребляющие губернии России. Но существо и характер продовольственного положения был общий для всех местностей России, в том числе и для Самары с ее губернией.

Несомненно, что причины общего характера — всеобщая разруха, падение производительности, расстройство транспорта и прекращение обмена — не могли быть устранены сразу и окончательно тем или другим мероприятием государственной власти. Для восстановления нормального положения требовалось и время, и напряжение сил не только власти, но и самого населения. Но искусственно созданные властью затруднения и ненормальные отношения требовали немедленного их устранения, чтобы открыть возможность и создать условия для свободного развития всей хозяйственной деятельности, в результате чего, с естественной необходимостью, могло наладиться и нормальное продовольствование населения.

Необходимость устранения этих искусственных стеснений и ограничений сознавалась и чувствовалась всеми слоями населения, кроме большевиков и их сторонников. Сознавалась она и Комитетом.

Поэтому, в первом же своем приказе, от 6 июня 1918

года, Комитет, объявляя о принятии им на себя власти, заявлял, что «все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются».

Результаты устранения искусственных и тяжелых пут в продовольственном деле были исключительно благоприятны. В первые же дни самарские рынки наполнились всеми предметами продовольствия. Хлеб, мясо, молочные продукты, всякого рода плоды и овощи имелись на рынках в неограниченном количестве. Цены на них сразу понизились в 2-3 раза против цен, существовавших при большевиках. То же самое явление и почти в тех же формах наблюдалось и в других местностях Поволжья по освобождении их от гнета большевицкой власти. По занятии того или другого города немедленно из Самары отправлялись туда пароходы и баржи с запасами хлеба и всякого рода продовольствия. Но и независимо от продовольственных мер этого рода, население, освобожденное от оков правительственной регламентации, само искало и находило естественные способы и пути нормального обмена и продовольствования. При этом всюду наблюдалось одно явление: резкое понижение цен на все предметы питания. Казалось бы, что с устранением казенной нормировки откроются возможности и пути к спекуляции и, несмотря на наличие достаточного запаса продовольствия, цены на них будут стоять высокие, имея при этом постоянную повышательную тенденцию. Однако, за весь 4-месячный период существования Комитета ему ни разу не приходилось заниматься вопросами о дороговизне предметов продовольствия или об отсутствии или большом недостатке их в том или другом пункте освобожденной территории.

Вследствие этого продовольственный вопрос редко привлекал внимание Комитета, и те или другие мероприятия Комитета по этому вопросу вызывались не наличием определенного затруднения в продовольственном положении населения, а, скорее, заботами о снабжении продовольствием армии.

Изданный через три недели по падении в Самаре

большевицкой власти приказ № 53 от 27-го июня вновь подтвердил об отмене твердых цен на хлеб и устанавливал лишь некоторые правила для деятельности продовольственных органов — Продовольственной Управы и Хлебного Совета.

В основании этого приказа лежали не продовольственные затруднения, не растущая дороговизна, а лишь «интересы правильной постановки продовольственного дела», под которыми понималось лишь установление правил для продовольственных органов, а не урегулирование потребления и распределения, вызываемого обычно недостатком предметов продовольствия. При этом, приказ этот, называясь «По продовольственному вопросу», в своем содержании касался, кроме вопросов организационных, исключительно хлеба, не упоминая других предметов продовольствия.

Отмену твердых цен и отказ от нормировки продовольственного дела большевики и их пособники старались объяснять как меры, принятые в интересах буржуазии. (см. И. Майский, «Демократическая контр-революция», стр. 86). Само собою разумеется, что это делалось ими исключительно в целях политических и агитационных. Производителями хлеба в 1918-м году были не помещики и не буржуазия, и заготовителями его являлись также не они. Поэтому трудно понять, как бы они могли извлечь себе выгоду из дела, к которому они не имели отношения. Но, если бы даже дело заготовки хлеба находилось в руках представителей этих классов, то все же не могло быть речи об извлечении ими из этого дела большой выгоды, ибо требованием того же приказа заготовки должны были подчиняться всем правилам и распоряжениям Хлебного Совета. Кроме того, резкое падение цен на предметы продовольствия после большевиков и устойчивость этих цен при Комитете едва ли являлись условиями, привлекающими внимание буржуазии, особенно буржуазии спекулятивной, к операциям с предметами продовольствия в особо широких размерах. Как показал опыт большевицкого властвования, спекулятивная буржуазия

пышно расцветала не в условиях свободной хозяйственной деятельности, а вскармливалась и обогащалась в условиях советской регламентации хозяйственной жизни.

Другой приказ Комитета, косвенно касавшийся продовольственного дела и изданный в разъяснение приказа № 124 о частновладельческих посевах, вызывался, скорее, целями политическими и административными, нежели продовольственными. Сложность возникших между арендаторами и частными владельцами, с одной стороны, и крестьянами, с другой, отношений из за посевов 1917 и 1918 г.г. и возможность неиспользования этих посевов из за существовавших споров, требовали вмешательства власти в эти отношения и сообщения им направления и разрешения, способного устранить эти споры более или менее безболезненно и удовлетворительно. Снятие посевов арендаторами и частными владельцами противоречило сознанию крестьянства, признававшего все земли перешедшими в его владение. С другой стороны, представлялось явной несправедливостью лишение посевов тех лиц, которые произвели эти посевы. Разрешение вопроса исключительно в пользу той или другой из спорящих сторон и принципиально, и по возможным практическим последствиям не могло являться желательным. Поэтому Комитет, исходя из интересов государственных и административных, признал необходимым объявить, что «весь хлеб, посеянный частными владельцами и арендаторами, предназначается для нужд государства».

Указанными двумя приказами исчерпываются мероприятия Комитета по продовольственному делу. Требования момента заключались в то время не в усилении регламентации продовольственного дела, а в освобождении населения от пут и оков, наложенных на его хозяйственную деятельность большевицкою властью. Новой власти достаточно было объявить о снятии этих оков и стеснений, чтобы жизнь пошла по естественному и нормальному руслу. И опыт Комитета в области продовольственных отношений наглядно показал, как вредно и опасно было безграничное вмешательство большевицкой власти в хо-

зяйственные отношения, как губительна была мелочная и всесторонняя нормировка жизни. Тот же опыт в достаточной мере оправдал политику Комитета, заключающуюся в отказе от методов принудительной регуляции продовольственных отношений и дела.

6. МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Из мер Комитета в области других сторон жизни народа заслуживают меры в отношении к вопросам религиозной жизни народа и народного образования. Комитету был чужд дух нетерпимости и вражды к тем или другим формам религиозной жизни народа, к тем или иным исповеданиям. Стоя на точке зрения свободы религиозной совести и культа, Комитет принципиально отказывался от вмешательства в эту область духовной жизни народа. Тем более было отрицательно отношение Комитета к вмешательству в эту область в целях направления ее в угодные для власти формы и русла для подчинения деятельности церкви интересам государства. Все меры большевицкой власти в отношении церкви и отрицательные тенденции этой власти к проявлениям религиозной жизни вообще, вызывали у Комитета резко-отрицательное отношение. Поэтому заботою Комитета в этой области было освобождение народа и церкви от тех пут и стеснений, которые были наложены на них активно-атеистической большевицкой властью. Следствием этого явился приказ № 13 от 11-го июня. Упраздняя комиссариат по вероисповедным делам, Комитет предписывал «административным властям не вмешиваться ни в какие церковные дела впредь до разрешения церковного вопроса в общегосударственном масштабе». Вместе с тем, в том же приказе заявлялось, что «все захваченные церковные суммы, документы и имущества должны быть возвращены по принадлежности».

Взгляд на народное образование и свое отношение к этому делу Комитет выразил в своей декларации от

18-го августа 1918-го года в следующих словах: «Залог прочности объединения и возрождения нашей родины, по глубокому убеждению Комитета членов Учредительного Собрания, лежит в народном образовании, и пора признать заботы о нем такой же важной и такой же неотложной, как заботу освобождения России от внешнего врага, внутреннего успокоения и ее объединения.

«Уже прошло четыре года войны, нарушившей правильное течение школьной жизни; 8-летние дети, поступившие в начальную школу, стали за эти годы 12-летними подростками; года через 3-4 они обратятся в юношей, готовых вступить в жизнь. В лице их растет армия, которая должна будет создать ту возрожденную Россию, за счастье которой современная вооруженная Армия пролила, проливает и будет проливать так много своей крови. Кровь эта не должна пролиться даром. Будущие строители России должны быть людьми образованными, должны приобщиться к той высшей культуре духа, без которой нет настоящих граждан, нет членов человеческих общежитий, достойных носить имя равноправных свободных членов человеческого общества.

«Между тем за эти четыре года со школой и ее нуждами привыкли не считаться; школу пора спасать, пора создать нормальные условия для ее работы, каких бы усилий и, может быть, жертв со стороны государства и общества это ни потребовало».

Тем же приказом Комитет предписывал освободить все школьные и библиотечные помещения, занятые военными, правительственными и общественными учреждениями и организациями, разрешая вновь занимать их на военные надобности лишь по соглашению с местными органами управления и лишь в последнюю очередь, по использованию мест увеселительных, торгово-промышленных заведений для предметов роскоши и частных домов.

Одним из крупнейших дел Комитета в области народного образования было открытие в Самаре Университета. День открытия этого высшего учебного заведения, единственного в Самаре, явился днем всеобщего торжества.

Судьба не сулила Комитету видеть результаты деятельности этого учреждения. Но что открытие его было жизненной необходимостью не только для Самары того времени, но и для всей России, доказывается тем, что оно не было закрыто впоследствии и большевицкой властью.

7. ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ И ХОД БОРЬБЫ

Организация армии Комитета и управление ею, а особенно начала, положенные в основу их, всегда вызывали со стороны некоторых кругов резкие возражения и действительно являлись одной из слабейших сторон деятельности Комитета.

Переворот в Самаре был совершен небольшим отрядом революционеров, состоявшим из нескольких сот рабочих, крестьян, интеллигенции и офицеров, и был поддержан подошедшими со стороны Сызрани чехословацкими частями. Руководители движения не могли рассматривать переворот, как явление местного значения. Ими ставилось целью освобождение всей России от большевицкого ига, восстановление восточного фронта мировой войны, изгнание из пределов России австро-германских войск и уничтожение Брест-Литовского мира и его последствий.

Задача была огромная и трудная. Между тем, средства для достижения ее были намечены и приняты неимоверно малые и слабые.

Объявляя о совершившемся перевороте и призывая рабочих, крестьян и всех тех, кому дороги честь и независимость России, Комитет членов Учредительного Собрания прокламировал комплектование армии на добровольческих началах.

В основу организации армии были положены следующие начала:

«1. Армия комплектуется призывом добровольцев.

«2. Минимальный срок службы — 3 месяца; каждый записавшийся на службу не имеет права оставить ее ранее этого срока под страхом ответственности перед судом.

«3. Доступ в ряды Народной Армии открыт для всех граждан, не моложе 17 лет, готовых отдать жизнь и силу для защиты Родины и свободы.

«4. Все без исключения, добровольцы состоят на готовом полном довольствии и получают жалование в 15 рублей в месяц.

«5. В виду различных условий службы, ответственности и знаний добровольцев, устанавливаются следующие суточные деньги: рядовому бойцу — 1 р. в сутки, отделенному командиру — 2 р., взводному — 3 р., ротному — 5 р., баталионному — 6 р., полковнику — 8 р., инспекторам по обучению войск — 8 р.

«6. Сверх того, каждый доброволец, имеющий на своем иждивении семью, независимо от занимаемой должности, получает пособие на содержание семьи — 100 р. в месяц. В случае многосемейности (более 3 детей) ставка увеличивается.

«7. Добровольцы, бросившие ради защиты Родины должности в общественных и государственных учреждениях, сохраняют за собой должности до окончания срока службы».

Армии присваивалось наименование «Народная Армия»; отличительным знаком военных была признана георгиевская ленточка наискось околыша фуражки (приказ № 2 от 8-го июня 1918-го года и правила об организации Народной Армии).

Организованная на добровольческих началах, армия имеет и свои достоинства, и свои недостатки.

Она, обычно, составляется и пополняется исключительно людьми, преданными идее борьбы и готовыми служить этой идее, не щадя своего здоровья, жизни, благополучия. Основанная на сознании своего долга служения Родине, такая армия всегда отличается наибольшей сознательной дисциплинированностью, наибольшей спаянностью ее составных элементов и наибольшей боеспособностью.

Но она кроет в себе опасности, неизвестные армии, организованной на принудительных началах. Тяжесть

службы, неудачи борьбы, часто вызывают в людях разочарование, в результате чего, за отсутствием формальных препятствий и принудительных воздействий, часто следует оставление чинами армии рядов последней. Кроме того, такая армия никогда не может быть численно велика.

Этих недостатков не была чужда и Народная армия, хотя они для ее судеб и боеспособности не имели решающего значения. Собственно Народная армия, ее основное, организованное на добровольческих началах, ядро численно не превышало двух десятков тысяч бойцов. Состав ее был довольно пестр. Отдельные ее части состояли из крестьян, рабочих, интеллигенции, учащейся молодежи и офицерства. Части ее по своему составу были или смешанные или однородные. В районе Симбирска и Казани были организованы и действовали на фронте офицерские отряды. Под Вольском и Николаевском (Самарской губернии) оперировали отряды, составленные, главным образом, из крестьян; в Уфе был организован отряд из железнодорожников, под командой Шоломенцева и, наконец, на ижевском фронте действовали отряды, составленные исключительно из рабочих Ижевского и Воткинского ружейных заводов. Возникшие самостоятельно, в результате восстания рабочих названных заводов против большевиков, Ижевско-Воткинские отряды борцов, по установлении связи с Комитетом, немедленно и безусловно признали власть Комитета и вошли в состав Народной армии. Наряду с такими однородными частями, существовали части, состоящие из самых разнообразных элементов — рабочих, крестьян, интеллигенции и офицерства.

Но, различаясь по своему составу, все добровольческие части представляли из себя качественно единую и равноценную силу. Дух этой армии всегда, не только в минуты успехов, но и в периоды длительных неуспехов и неудач, стоял на редкой высоте. Армия представляла из себя единую семью, спаянную одной великой идеей борьбы с врагом за освобождение Родины от внутренних насильников и иноземных врагов. Связанные одними уза-

ми борьбы и боевого товарищества, в отношениях между собою члены этой семьи чувствовали себя равными, независимо от того, крестьянин он или интеллигент, рабочий или офицер. Значение этой связи чувствовалось и одинаково оценивалось всеми начальниками, как высшими, так и низшими, и всякая возможность нарушения этой связи и угашения этого духа избегалось ими. Недаром сокрушался полковник Каппель, когда при правительстве адмирала Колчака были восстановлены в армии погоны, справедливо полагая и предвидя, что введение внешнего отличия между офицерами и солдатами внесет с собой в армию внутреннее разъединение и отчуждение офицерства от солдат. Сознание этой опасности было у всего боевого офицерства Народной армии, и офицеры ее, желая избегнуть вредных последствий ношения погон, часто предпочитали не носить их, несмотря на неизбежные за то кары.

Дух жертвенности и подвига в Народной армии был так велик, что редко кто из ее состава воспользовался предоставленным правом выйти из армии по истечении установленного законом срока. Офицеры и солдаты выбывали из рядов армии только пораженные пулею противника или болезнью. Добровольческая часть армии составляла основное ядро и душу всей армии и вынесла на своих плечах всю тяжесть неравной борьбы с противником. Она бросалась в бой в самые ответственные и трудные моменты, и в самых важных направлениях, и всегда выходила из боя с честью.

Такова была по составу и духу Народная армия.

Но принятый Комитетом первоначально принцип организации армии на добровольческих началах все же, в конечном счете, был неправилен. Перед Комитетом стояла задача, требующая напряжения сил всей нации — задача борьбы и победы над врагом внутренним и внешним. Задача эта неизмеримо превосходила силы Народной армии, хотя и героической. Расчеты Комитета были построены на предпосылке, что советская власть будет свергаема не только вооруженными силами Комитета, но и вну-

тренними усилиями советского населения. Но это предположение Комитета не оправдалось. Население центральной России, несмотря на невыносимый гнет и насилия власти, оказалось крайне инертным и не делало попыток к вооруженной борьбе с большевиками. В то время, как все окраины были объяты пламенем восстания против советской власти, центральная Россия спала сном, хотя и кошмарным.

Между тем советская власть поняла всю опасность волжского движения. Военный комиссар Троцкий издал приказ о переброске сил со всех фронтов на волжский фронт с тем, чтобы во что бы то ни стало раздавить Народную армию и чехов.

Возможная затяжка борьбы и усиливающееся сопротивление врага ставили пред Комитетом вопрос о соответствующем усилении своей военной силы. Приток добровольцев, широкий в начале, с течением времени, естественно, сокращался. Приходилось думать о нормальных способах и формах комплектования армии — о мобилизации.

30-го июня 1918-го года, приказом № 54, был объявлен призыв в войска всего мужского населения, родившегося в 1897 и 1898 г.г., а также призыв некоторых категорий офицеров и военных чиновников. Приказом от 3-го июля за № 71 устанавливалось, что «никакие льготы по семейному положению и по образованию при призыве не даются и что служба в правительственных, общественных и других учреждениях от призыва не освобождает». Сила этих приказов распространялась на всю подвластную Комитету территорию. Приказом № 102 от 10-го июля Комитет разъяснил, что населяющие территорию Комитета граждане не русской национальности «привлекаются к несению обязанностей воинской повинности наравне с российскими гражданами» (очевидно, с русскими. С. Н.).

Основанием призыва молодых возрастов служило, главным образом, то соображение, что внесенное большевиками разложение коснулось этих возрастов в наименьшей степени и что эти возрасты представляли из себя

наиболее пригодный материал для создания из них дисциплинированных солдат. В этом, несомненно, была доля правды, но расчеты Комитета и военных властей в этом отношении едва-ли оправдались полностью.

В общем, мобилизация проходила везде без заметных затруднений и инцидентов, несмотря на наступившее время полевых работ. Являвшиеся по призыву составляли значительный процент подлежавших призыву, и картина мобилизации и явки призываемых представляла полную противоположность большевицким опытам в этом отношении.

В основу организации военного дела, согласно доклада Управляющего Военным Ведомством, было положено: 1) недопустимость участия военнослужащих в политических партиях, по правилу «армия вне политики»; 2) сохранение дисциплинарных взысканий за проступки, за исключением тяжких и позорящих; 3) равноправность всех чинов армии вне службы и соблюдение субординации во время несения службы и 4) необходимость установления мер для сближения офицеров и солдат и для поднятия культурного уровня и гражданской зрелости солдатских масс.

Т. о., результаты мобилизации и начала внутренней организации армии, по моему мнению нельзя было признать неудовлетворительными. Но создание армии и надлежащая подготовка ее не исчерпывают всего военного дела и искусства. Доброкачественность и боеспособность армии в значительной степени зависят от организации военного управления, надлежащего практического проведения принципов организации армии в жизнь, и искусства стоящих во главе армии лиц. В этом отношении позиция Комитета и работа военных властей оставляли желать многого. Организация военного управления была крайне неопределенной и бессистемной, и управление находилось в руках лиц и групп, далеко не во всем согласных с Комитетом.

Приказом Комитета от 6-го июня за № 1 формиро-

вание армии, командование военными силами и охрана порядка в городе и губернии возлагались на Военный Штаб в составе: Начальника Штаба полковника Н. А. Галкина, Военного Комиссара румынского фронта Б. Боголюбова и члена Учредительного Собрания Г. К. Фортунатова, с предоставлением им чрезвычайных полномочий. С учреждением особого Военного Ведомства полковник Галкин был назначен Управляющим этим Ведомством. Помощниками его были назначены В. И. Лебедев и поручик В. Взоров. Но фактически и центральное Военное Управление и Военный Штаб оставались в беспредельном хозяйничаньи Галкина. Лебедев и Фортунатов все время находились на фронте, руководя боевыми операциями, и потому не имели почти никакого отношения к делам управления. Боголюбов вскоре выбыл из состава Штаба, а В. Взоров, молодой поручик, не имел ни возможности, ни времени, ни авторитета для влияния на дела управления. Заменить же фактически устранившихся от дел управления другими лицами Комитет, не располагая военными специалистами из политически к нему близких лиц, не имел возможности. После падения Уфы, в начале июля, Комитет мог ввести в органы центрального управления генерального штаба подполковника Ф. Е. Махина, но допустил ошибку, назначив его на фронт в качестве командующего в одном из направлений сызранского фронта.

Таким образом, военное управление оставалось в руках одного Галкина. Неумный, но довольно самоуверенно-развязный и побуждаемый и поддерживаемый некоторыми кругами (особенно военными верхами), он нередко противопоставлял себя Комитету, и сумел собрать во всех центральных военных учреждениях и в местных военных управлениях лиц с определенно старыми традициями и яркими антипатиями к политике Комитета. Работа всех этих лиц, сторонников старых методов воспитания и обучения солдатских масс, несмотря на определенно противобольшевицкое настроение мобилизованных, во многих местах привела к тому, что мобилизованные

солдаты в большом числе разбегались по домам, или в боевом отношении не представляли пригодного материала. Грубое обращение и неуместно строгие меры взыскания некоторых местных начальников в тылу иногда создавали в солдатских массах оппозиционное настроение к власти вообще. Жертвою такого настроения сделался с.-р. Цодиков, командированный в Бузулук для воздействия мерами убеждения на дезертиров, и павший от пули большевика. Другим следствием неумелого воспитания мобилизованных солдат явилась недостаточная подготовленность их к боевой службе. В тяжелые минуты борьбы добровольцев с силами врага, в десятки раз превышавшим силы добровольцев, требовалось иногда срочное их подкрепление. Но неподготовленность мобилизованных, несмотря на значительные их кадры, не позволяла отправлять на фронт необходимое своевременное подкрепление изнывавшим в неравной борьбе добровольцам.

Недостатки управления и подготовки войск были очевидны. Были ясны и причины их. Комитет неоднократно принимал меры к устранению их путем увольнения явно непригодных начальников или неутверждения таких лиц в должностях. Но меры эти не были достаточны и решительны. Неоднократно ставился вопрос о смещении полковника Галкина, но соображениям разного порядка, часто не имевшие отношения к интересам военного управления, отодвигали разрешение этого вопроса на неопределенное время. Лишь в конце своего существования Комитет постановил уволить Галкина от занимаемых им должностей. Но быстрое развитие трагических событий на фронте помешало проведению этого решения в жизнь.

Ошибкой Комитета было и то, что он оставил без всякого наблюдения и руководства различные военные управления и части. К учреждению должностей особоуполномоченных в частях армии, за полной утратой к этому институту доверия вследствие большевицкого опыта, Комитет относился отрицательно. Вследствие этого армия осталась без наблюдения и политического руководства, особенно в ее верхах, в результате чего оборва-

лась необходимая связь между властью и армией. Предоставленные самим себе, верхи армии, руководившие общим направлением деятельности военного ведомства, вели политику, для Комитета вредную, направляя свое внимание и усилия к укреплению Сибирского правительства, отвечавшего их привычкам и симпатиям.

В составе армии Комитета, кроме добровольческих и мобилизованных частей, имелись еще войсковые образования особого рода: чешско-русские полки, казацкие и инородческие части.

Чешско-русские полки стали формироваться лишь во второй период деятельности Комитета, когда ясно выявились политические разногласия военных с Комитетом. Цель формирования этих полков заключалась не только в усилении военных кадров; им ставились цели и политического характера. Развивавшаяся в верхах офицерства оппозиция к Комитету требовала противопоставления им соответствующей военной силы, независимой от русского командования. Поэтому, составляясь из русских и чехов, эти полки во главе имели чешских командиров и были подчинены непосредственно чешскому командованию. Но, вследствие позднего возникновения, эти части не могли выполнить возложенных на них задач ни боевых, ни политических.

Своеобразное положение занимали в армии казацкие и башкирские части. Подчиняясь общему командованию, эти части имели самостоятельное управление. Признавая формально власть Комитета членов Учредительного Собрания, высшее управление этих формирований на практике вело самостоятельную политику. Казаки-уральцы, несмотря на эту самостоятельность, руководимые своим правительством, во главе с г. Фомичевым, несли огромную работу по борьбе с большевиками. Окруженные с трех сторон большевицкими силами, они вели беспрерывную и жестокую борьбу с большевиками и представляли из себя силу, борющуюся против врага наравне с Народной армией.

Иначе вело себя казачество Оренбургское, возглавля-

емое атаманом Дутовым. Находясь в тылу и обеспеченные от прямых ударов большевиков, части оренбургского казачества предпочитали оставаться, под тем или другим предлогом, в тылу, и неоднократные попытки Комитета и командования Народной армии перебросить некоторые части оренбуржцев на помощь частям Народной армии оставались безрезультатными. Атаман Дутов, будучи членом Комитета, вел политику определенно Комитету враждебную, входя в непосредственные сношения с Сибирским правительством, часто во вред Комитету.

Башкирские части также воздерживались от прямого участия в боях на фронте. И лишь впоследствии, когда большевики стали угрожать Уфимской губернии, башкирские полки были брошены на фронт и приняли живое участие в борьбе с большевиками.

Бок-о-бок с войсками Комитета вели борьбу против большевиков части чехословацкой добровольческой армии. Помощь этой армии Комитету была так значительна, что не представляется возможным не сказать об этом несколько слов.

После крушения восточного фронта мировой войны положение чехословацких легионов, созданных при Временном Правительстве и ведших наравне с русской армией борьбу против автро-германцев, было поистине критическое. Путь к спасению их от австро-германской мести был лишь один, это — уйти из пределов России и бороться с центральными державами на западном фронте. Ближайший путь на запад лежал через Архангельск. Но руководимый миссией графа Мирбаха Совнарком затруднил этот путь для чехов. Чехословацким легионам оставалось единственное направление движения — на восток, через Владивосток, какой путь они и избрали. Понуждаемый тем же Мирбахом, учитывавшим всю опасность переброски чехословаков в Сибирь, а затем на западный фронт, Троцкий вначале всячески препятствовал этому движению, а затем издал приказ о сдаче чехословаками всего находящегося в их распоряжении боевого снаряжения и материала и, в случае отказа, заявлял: «Каждый чехосло-

вак, у которого будет найдено оружие на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь военнопленных. Ни один вагон с чехословаками не должен продвинуться на восток; одновременно посылаются к чехословакам в тыл надежные силы, которым поручено проучить мятежников». Для чехословаков разоружение было равносильно их уничтожению, как боевой силы, и означало превращение их в пленников австро-германцев. Поэтому они, несмотря на все угрозы Троцкого, категорически отказались подчиниться приказу и решили вооруженной рукой пробивать себе путь на Дальний Восток. В момент опубликования приказа Троцкого, чехословацкие легионы уже были растянуты на несколько тысяч верст, начиная от Бахмута, через Самару и огромные пространства Сибири. Положение и движение их на восток становились чрезвычайно трудным и опасным: на своем пути им приходилось завоевывать каждый город. И лишь неорганизованность красной армии облегчала им борьбу и движение вперед. В таких условиях они подошли и к Самаре.

Чехословацкие войска в то время представляли из себя вполне организованную военную силу. Верховным их органом являлся Съезд представителей войсковых частей, избиравший отделение чехословацкого национального совета в России. Армия имела надлежащую военную организацию, с разделением на полки и дивизии, и к началу июня была разбита на три группы, в соответствии с положением их по пути движения на восток. Одна находилась в пределах Европейской России под командой полковника Чечека, другая в Сибири — в непосредственном командовании генерала Сырового, и третья — на Дальнем Востоке под командой капитана Гайды. Главнокомандующим всеми тремя группами состоял генерал Сыровый. С частями полковника Чечека и пришлось вести Народной армии совместную борьбу против большевиков.

По своему составу чехословацкая добровольческая армия, в огромном своем большинстве, состояла из крестьян и рабочих. Как среди руководителей ее, так и среди рядовой массы, преобладающее большинство составляли социалисты и социалистически настроенные массы. И по составу, и по методам и формам организации и управления, армия была демократической. Политическая и социальная программа чехословацких войск почти полностью совпадала съ таковой же программой самарских революционеров, что и послужило объединяющей основой самарцев и чехословаков. Кроме общности взглядов, решающую роль в ведении совместной борьбы сыграла и общность их врага. Но не подлежит сомнению, что чехословацкие войска не приняли бы участия в борьбе против большевиков совместно с таким русским антибольшевицким правительством, программа которого противоречила бы программе чехословаков. Об этом они неоднократно делали заявления и это на деле доказали по падении власти Комитета.

Ведя борьбу вместе с русскими социалистами и против общего их врага, чехословацкая армия имела и свои специальные задачи. Создавая фронт на Волге, они обеспечивали себе тыл при движении на восток. Вместе с тем, большевицкие силы в Сибири и на Дальнем Востоке, оторванные от центра и лишенные его помощи, в значительной мере обессиливались и в борьбе не могли представлять серьезного врага.

Кроме этих мотивов, борьба чехословаков против советской власти определялась также искренним их желанием помочь русскому народу в деле свержения коммунистической власти. «Мы, чехословаки, выступив три месяца тому назад, поставили перед собою задачу помогать русскому народу в осуществлении его идеалов, помогать ему в деле восстановления единой , нераздельной России для спасения завоеваний революции, для сохранения народовластия, для утверждения Учредительного Собрания». Так заявлял представитель чехословаков, доктор Богдан Павлу. Аналогичные заявления делали и легионе-

ры-социалисты в своем обращении к русским социалистам в начале августа 1918-го года. Протестуя против распространяемой большевиками клеветы о контр-революционности чехословацких войск, они заявляли: «Наша армия демократическая... Мы, как социалисты, уверяем вас, что наша армия не будет и не может быть использована в целях контр-революции... Будьте уверены, что мы вполне сочувствуем следующим, вами выставленным, лозунгам: созыв Учредительного Собрания, непризнание Брестского мира, защита гражданских свобод, охрана труда и защита профессиональных союзов, передача всей земли народу, недопущение военной диктатуры». Воззвание это, подписанное 18-ю виднейшими социалистами, по поручению всех социалистов чехословацких войск, несомненно, правильно отражало действительное настроение чехословацкой армии.

Верные этим заявлениям, чехословацкие войска оказали Комитету и Народной армии на Волге действительную и огромную помощь. Переворот в Самаре был совершен накануне прихода чешских войск. Но русские революционеры, без помощи подошедших чехословацких войск, едва ли были бы в состоянии не только развить дальнейшую борьбу с врагом, но и удержать город в своих руках. Тамбов и Пенза были к тому печальными примерами. Революционеры нуждались во всем: у них не было армии, налаженного управления, средств. Создание всего этого требовало и времени, и огромных усилий. И наличие чехословаков, и оказанная ими помощь дали действительную возможность вновь возникшей власти создать необходимые силы и средства для борьбы.

Но помощь чехословацких войск заключалась не только в этом. Желая помочь русской демократии в достижении поставленных ею задач, чехословацкие части приняли участие в борьбе против большевиков совместно с Народной армией. Численно достигая на фронте Учредительного Собрания 7-8 тысяч, чехословаки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы наравне с добровольческой частью Народной армии на самых ответственных

направлениях и фронтах. Они приняли участие в занятии Симбирска, Казани и Сызрани, они же, вместе с добровольцами, отражали натиск красных и испытали все тяжести отступления от названных городов.

Размер и значение чехословацких войск сознавались всеми, кто имел то или иное отношение к борьбе с большевиками. Вместе с тем, сознавалась и необходимость не только внутреннего единения чехословацких войск с Народной армией, но и объединение внешнего, формального. Сознание этой потребности и выразилось в назначении полковника Чечека командующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск (см. приказ № 114 от 17-го июля 1918-го года), поставившем полковника Чечека главнокомандующим всеми силами — чехословацкими и русскими, — действовавшими на территории Комитета членов Учредительного Собрания.

По создании некоторой боевой силы — добровольческих отрядов — перед Комитетом встал вопрос о нанесении большевикам дальнейших ударов. Направление ударов намечалось само собой. В первую очередь, это было занятие Сызрани и Симбирска — двух пунктов, представлявших существенное стратегическое значение. Находясь в руках советской власти, Сызрань открывала для нее пути сообщения по Волге и Московско-Казанской железной дороге; Симбирск, являясь узловым пунктом у Волги двух железнодорожных путей: Московско-Казанской и Волго-Бугуминской, открывал для большевиков путь для ударов в тыл войскам, действовавшим в пределах Самары. В виду такого значения этих двух пунктов, Военным Штабом было решено завладеть этими городами. Без большого труда в начале июля была занята Сызрань. 22-го июля отрядом подполковника Каппеля, пришедшем из Сызрани, был занят Симбирск. После занятия двух этих важных пунктов сама собою разрешалась судьба уездных городов, Ставрополя и Сенгилея. В начале июля была взята Уфа, что имело важное военное и политическое значение. Обладание Уфой открывало

непосредственное сообщение с Сибирью. Вскоре по свержении советской власти в Самаре последовали выступления против советов и свержение их власти в Оренбурге и в Уральске. 7-го августа северной группой войск была взята Казань. Политическое значение этого события было огромно. Пораженные, как громом, большевики поставили вопрос об эвакуации Нижнего Новгорода, и нижегородский совдеп только большинством одного голоса решил этот вопрос отрицательно. Занятие Казани внесло большое смущение и тревогу и в центральное коммунистическое правительство. По занятии Казани Народной армией, открывалась широкая возможность дальнейшего движения на Нижний Новгород и на Алатырь. И лишь недостаток сил и утомление частей Народной армии не позволили развить успех. Утрата Казани была для большевиков тем более ощутительна, что она предоставляла в руки противника огромные богатства — ценностями и военными материалами.

Одновременно шло продвижение на юг, к Саратову, причем был занят Хвалынск и два раза занимался Вольск, оставшийся, однако, в конце концов, за красными. Вслед за падением Казани, последовало восстание против большевиков рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Без боя взяты были города Буинск, Тетюши, Спасск и все города, лежащие по Каме и Белой, вплоть до Сарапуля.

Переломным месяцем в истории военных действий против большевиков был сентябрь. В конце августа, после необходимого отдыха, северной группой было предпринято наступление на Свияжск, имевшее своей целью не столько захват этого, ничего из себя не представлявшего, городка, сколько занятие моста через Волгу, так называемого Романовского. Операция эта не дала желанных результатов. Красные, превосходившие силы Народной армии и чехов в десятки раз, и состоявшие преимущественно из латышей, немцев, мадьяр и других иностранцев, оказывали упорное сопротивление и не уступили занимаемых ими позиций. С этого момента начались неудачи Народной армии, и инициатива перешла к про-

тивнику. Учтя неудачу противника, красные перешли в наступление и отодвинули части Народной армии к селу Услону, на правом берегу Волги, против Казани. Заняв высоты у Услона, красные отрезали Казань от Волги и держали ее под артиллерийским обстрелом в течение трех дней. Вследствие этого, значение Казани утрачивалось, и руководители Народной армии 10-го сентября покинули ее без боя, отходя в двух направлениях: отряд полковника Степанова через Лаишев на Чистополь, а части полковника Каппеля — вниз по Волге, к Симбирску.

Сосредоточив около Симбирска значительные силы, красные одновременно повели наступление и на Симбирск. Оборонявшие Симбирск части были невелики и 12-го сентября они вынуждены были покинуть город. Части полковника Каппеля не подоспели к тому времени. Подойдя дня через два к району Симбирска, эти части повели наступление на Симбирск, с боем заняли лежащий против Симбирска, на левом берегу реки, пригород Часовню, прогнав противника на другую сторону. Падение Симбирска было неизбежно, но красные, подойдя от Тетюш к Майне, в количестве до пяти тысяч человек, создали угрозу действовавшим под Симбирском частям Народной армии с тыла, и эти части были вынуждены начать отступление на Мелекес и далее, на Бугульму, по линии железной дороги.

Вскоре за падением Симбирска начался нажим противника и на сызранских направлениях. Но здесь удач они не имели. Сызрань была оставлена чехами и частями Народной армии лишь вследствие угрозы Самаре со стороны Ставрополя. Движение красных от Ставрополя на Сергиевские Воды ставило Самару в тяжелое положение, и 7-го октября была оставлена и Самара, а 9-го числа ее заняли красные.

Двоякого порядка были причины начавшихся неудач Народной армии и чехов на волжском фронте. Одни из них лежали в самом Комитете, другие — вне его. К первому ряду причин относятся ошибки стратегического порядка и недостатки комплектования и вооружения армии,

а также и управления ею; ко второму — условия объективного порядка: внутреннее состояние советской России, обусловливавшее усиление противника, и отношение к Комитету некоторых государственных образований, в тылу его лежавших.

Стратегическая ошибка командования заключалась в том, что развитием операций на север, в сторону Казани, слишком растянулся фронт и разбросались и без того небольшие и, притом, утомленные в походах и боях вооруженные силы Комитета. Но ответственность за растяжение фронта лежит, однако, не полностью на главном командовании. Последнее выработало план операций на юг, в сторону Саратова: осуществление его могло дать огромные стратегические преимущества. Занятие Саратова было легко и выгодно. Население Саратовской губернии в огромной своей массе было настроено активно антибольшевицки, и в течение лета 1918-го года было несколько восстаний как в губернии, так и в самом городе. Занятие Саратова содействовало бы легкой и быстрой ликвидации частей красной армии, действовавших на левом берегу Волги в пределах Хвалынска, Николаевска и Новоузенска, отвлекавших значительные силы Народной армии и всецело поглощавших силы Уральского казачества; с другой стороны, оно привело бы к установлению непосредственной связи и комбинированных действий с Добровольческой армией генерала Алексеева.

К сожалению, план этот был нарушен действиями руководителей северной группы войск, — особоуполномоченного Комитета Б. К. Фортунатова, командующего северной группой полковника Степанова и Помощника Управляющего Военным Ведомством В. И. Лебедева. Соблазненные перспективами захвата огромных богатств, — денежных и материальных, — и заманчивого политического эффекта, они, за собственный страх и ответственность, без разрешения главного командования, предприняли наступление на Казань, и сообщили об этом генералу Чечеку и Комитету лишь тогда, когда уже было невозможно исправление, прося при этом о предании их

военному суду за нарушение дисциплины. Опечаленный этим фактом нарушения общего плана и дисциплины, генерал Чечек, в заседании Комитета, заявил о неминуемом предании полковника Степанова военно-полевому суду, предлагая то же самое Комитету в отношении Б. К. Фортунатова и В. И. Лебедева, подчиненных Комитету. Но... военные добродетели древности и пример Муция Сцеволы, очевидно, малоубедительны для современности. Теперь победителей не судят. Не судили также и Степанова, Фортунатова и Лебедева. Но суд, конечно, не исправил бы ошибки и нарушенного общего плана кампании.

Последствия этой основной ошибки усугублялись недостатками военного управления и снабжения. Добровольцы и чехи три месяца находились в боях без отдыха. Они устали, и ряды их редели. Между тем, кадры мобилизованных были плохо подготовлены и мало годились к отправке на фронт в качестве пополнений. Снабжение вооружением также стояло не на высоте. В Казани были захвачены огромные запасы военного материала. Но из сотен орудий, тысяч пулеметов, десятков тысяч винтовок и из сотен тысяч снарядов в течение целого месяца почти ничего не было вывезено из Казани: все оставлено было, почти в полной неприкосновенности, большевикам. Между тем, многие части Народной армии крайне нуждались в вооружении. У уральцев ощущался постоянный недостаток всего; ижевцы и воткинцы стреляли из самодельных орудий, в то время, как в Златоустовских мастерских лежали десятки тысяч винтовок, которые не были вывезены оттуда и обращены на нужды армии по простой беззаботности военных властей.

Образовавшиеся в тылу Комитета правительства, за исключением правительства Уральского казачества, предпочитали возложить всю тяжесть борьбы на Народную армию и чехов. Не испытывая прямых ударов большевиков, они недальновидно продолжали, якобы, сохранять свою живую силу и — организовывать ее. Неоднократные обращения Комитета о присылке подкреплений оставались без удовлетворения по мотивам самым неуважитель-

ным. Особенно отличалсь в этом отношении Сибирское Правительство. Укрывшись силами чехов у Екатеринбурга и силами Народной армии у Волги, оно изображало из себя мудрое правительство, собирающее силы для будущего, якобы призванное для создания самостоятельного, независимого Сибирского государства, а затем и всероссийского. В каком-то упорном непонимании значения объединенной борьбы против общего врага, это правительство, вместо помощи Комитету, нередко создавало ему ничем неоправдываемые затруднения.

Ответственность за крушение волжского фронта лежит и на населении центральной России. Интеллигенция ее в минуту смертельной борьбы за целость России и за свободу населяющих ее народов, решала гамлетовский вопрос — быть или не быть, — что по-просту значило, ни с кем не быть. Население центральной России, оставшись без организаторов и руководителей, безропотно и терпеливо ожидало чудесного избавления его кем то извне и бездействовало. Оно находилось во власти какой-то роковой инертности, пассивности и безволия, и своим бездействием развязывало руки своей насильнической власти. Спокойная за внутреннее состояние, большевицкая власть всю свою военную силу, особенно интернациональную, бросила на Волгу, и, благодаря инертности своего населения и ошибкам своих противников, вышла из борьбы победителем.

8. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМИТЕТА С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ И С БЫВШИМИ СОЮЗНИКАМИ

Вслед за свержением советской власти в Самаре последовали восстания против этой власти и ниспровержения ее в ряде других районов. В течение июня и июля месяцев советская власть была свергнута, одновременно с Поволжьем, в Сибири и на Урале. Свержение власти происходило не по предварительному взаимному соглашению восстающих районов, а стихийно и разрозненно. Вслед-

ствие этого, одно освободившееся от большевиков место часто оставалось без связи с другим. Поэтому, естественно, что каждый освобожденный район представлял из себя как бы новое государственное образование и имел естественную потребность к созданию своей государственной власти. В результате этого, в течение лета 1918-го года возникли правительства: Уральского казачьего войска, Сибирское, Северное, Областное правительство Урала и Дальне-Восточное.

Наряду с такими территориальными государственными образованиями возникали объединения и правительства по признаку национальному. Так, возобновило свою деятельность, возникшее в 1917-м году, национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири, с местопребыванием в Уфе, образовалось Башкирское правительство со своим советом министров в Серлитаманске, и Киргизское правительство Алаш-Орды.

Все эти правительства, и по своей организации, и по своим социально-политическим программам и настроениям, и по ближайшим задачам, какие они ставили себе, представляли большое разнообразие.

Одни из них рассматривали себя как власть временную, имеющую своею задачею подготовку к созданию единой всероссийской власти, другие имели перед собой задачи более длительные и расчитывали на свое существование и по создании всероссийской власти, в качестве областных или национальных правительств.

Социально-политическая программа их определялась, с одной стороны, взглядами и партийною принадлежностью лиц, стоявших во главе этих правительств, а с другой — интересами и чаяниями тех социальных слоев, на которые правительства эти опирались. Одни из этих правительств продолжали, с некоторыми изменениями, политику Временного Правительства 1917-го года, восстанавливая все действовавшие при нем нормы закона и учреждения, другие — значительно отклонялись от этих норм в сторону приближения к дореволюционному законодательству.

В зависимости от всего этого разнообразия, тенденций и форм этих правительств, в значительной мере слагались и формы взаимоотношения между ними и Комитетом членов Учредительного Собрания.

Ближайшей своей политической задачей Комитет ставил восстановление единой и общей государственной власти для всей России. Правомочным органом для создания этой власти Комитет считал лишь Всероссийское Учредительное Собрание, созыв которого он признавал одной из первоочередных своих задач. До созыва же Учредительного Собрания единственно правомочным органом, исполняющим общенациональные государственные задачи, Комитет мыслил себя. Поэтому он полагал, что взаимоотношения между ним и образовавшими правительствами должны быть такими, при которых Комитет должен признаваться государственным центром. Однако, отношения между центром и такими правительствами, по мнению Комитета, не должны были предрешать форм государственного строя России и должны были покоиться не на принципах федерации свободных государств, а на основах широкой автономии. Комитет полагал, что признание федеративных отношений предрешало вопрос о государственном устройстве России.

Признавая «для восстановления единой, сильной свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимым в предстоящей созидательной работе участие всех населяющих Россию народностей», Комитет полагал, что цель эта может быть наилучше достигнута и участие это может быть лучше всего осуществлено, с одной стороны — при условии гарантии отдельным областям и народам их прав на автономию, и, с другой — при устранении областнических устремлений некоторых правительств. При решении отдельных конкретных вопросов, приводивших Комитет в соприкосновение с другими правительствами, Комитет избирал путь соглашений и сговора.

Свое положение в этих отношениях, как временного государственного центра, Комитет определял, исходя ис-

ключительно из формальных соображений. По мнению Комитета, ни одно из вновь образовавшихся в то время правительств не имело формальных оснований для установления своей преемственной связи с павшей всероссийской властью. Лишь Учредительное Собрание, формально продолжавшее существовать, имело законное право на создание всероссийской власти. Комитет же членов Учредительного Собрания, хотя и не уполномоченный на представительство Учредительным Собранием, признавал за собою право на временное представительство У. С., к созыву которого он принимал все, возможные для него, меры. Иных оснований своего существования Комитет не искал и к удержанию за собою власти не стремился.

Эту точку зрения Комитет неоднократно доводил до всеобщего сведения и сообщал ее как областным правительствам, так и союзникам. Поэтому почти все свои распоряжения и приказы он делал впредь до разрешения соответствующего вопроса в общероссийском масштабе, или всероссийской властью.

Изложенная точка зрения Комитета встречала неодинаковое к себе отношение со стороны различных правительств и групп. Правительства и управления, организованные по признаку национальному, в полной мере разделяли точку зрения Комитета и признавали его центральным органом государственной власти. Они требовали для представляемых ими народов лишь прав на культурно-национальную автономию. В этом отношении не составляло исключения и Башкирское правительство Валидова, имевшее свои национальные войсковые части.

Почти полностью присоединялось к точке зрения Комитета и Уральское казачье правительство. В совместном заседании Комитета с представителями этого правительства, от 26-го июля 1918-го года, Председатель Уральского правительства г-н Фомичев заявлял: «Федерализм, приобретающий в настоящее момент характер сепаратного стремления, Уральское правительство считает безусловно вредным и тормозящим дело объединения России и с ним будет бороться всеми своими силами. Все правительствен-

ные областные организации, выдвинутые временно ходом событий, должны ясно и определенно поставить основной задачей момента и их существования возрождение и спасение всей России, без всяких отделений и выделений. Всякие политические обособления, вызываемые борьбой за удержание власти, недопустимы, и против этого Войско полагаетъ необходимым бороться решительным образом...

«Власть в государстве должна принадлежать Учредительному Собранию настоящего созыва, из состава которого исключаются левые с.-р. и большевики... Комитет членов Учредительного Собрания представляет власть, распоряжающуюся освобожденной территорией...

«Войско соглашается с основными принципами строения власти по приказу Комитета членов Учредительного Собрания, вместе с тем оно считает, что только при пополнении Комитета определенным количеством членов, ему принадлежит право организации всероссийского правительства... До сих пор Уральское войско считает необходимым поддерживать и укреплять власть Комитета членов Учредительного Собрания, как предшественника по его природе, настоящей центральной власти, и вступить в согласованные сношения с Комитетом, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность».

В заседании 27-го июля было установлено полное совпадение принципиальных позиций и ближайших практических задач Комитета и Уральского правительства.

Справедливость требует признать, что Уральское казачье правительство за все время совместной борьбы с большевиками оставалось верным сделанному им заявлению, и между ним и Комитетом не было разногласий как по принципиальным вопросам, так и по отдельным практическим задачам.

Иною была позиция двух правительств: Сибирского и Областного правительства Урала.

Отношения между Комитетом и Сибирским правительством с самого их начала носили недружественный характер. Основная причина этого лежала в различии их

политических позиций и взглядов. Не меньшее значение имели здесь также резко выраженные сепаратистские стремления Сибирского правительства. Последнее рассматривало себя, как суверенную власть Сибири и к мысли о создании всероссийского правительства относилось всегда сдержанно и по существу отрицательно. Эта основная черта Сибирского правительства красной нитью проходила во всей его деятельности. Поведение представителей Сибирского правительства на совещаниях с представителями Комуча, состоявшихся 15-16 июля и 23-25 августа 1918-го года в Челябинске, нельзя было объяснять ничем иным, как желанием их сорвать вопрос о создании всероссийского правительства. Все их старания сводились к тому, чтобы вопросами технического характера и созданием мелких недоразумений оттянуть решение вопроса о созыве Совещания по вопросу о всероссийской власти. Казалось, что Сибирскому правительству безразлична судьба Европейской России; оно расчитывало создать Сибирское государство без Европейской России, и вопрос об освобождении последней от советской власти отодвигался им на второй план. Его интересовала не борьба против большевиков и объединение сил для этой борьбы. Оно больше направляло свое внимание на округление своей территории и на установление всевозможных заграждений по отношению к территории Учредительного Собрания. Вместо поддержки — материальной и военной — это правительство занималось осуществлением таких мер, которые, по существу, являлись враждебными к Комитету. Установление им в Челябинске таможенных застав и границ, взимание таможенных пошлин с грузов, направляемых в Поволжье, чинимые им препятствия по провозке грузов и выдаче денежных переводов, претензии его на Златоустовский уезд и захват им территории правительства Урала, несомненно, диктовались не какими-либо государственными соображениями, а сепаратистскими стремлениями. Такие действия этого правительства не заслуживали бы внимания, если бы они не приносили вреда общему делу. Комитету невольно приходилось оста-

навливать свое внимание на действиях Сибирского правительства и заявлять иногда формальный протест по поводу того или другого действия этого правительства.

Несколько неопределенны были отношения к Комитету со стороны Областного правительства Урала. Состоявшее из представителей кадетов, народных социалистов, социалистов-революционеров и меньшевиков, оно более тянуло в сторону Комитета, но, руководимое кадетом Л. А. Кролем, фактически более ориентировалось на Омск.

Но, существуя без территории, кроме гор. Екатеринбурга, и без войска, оно мало имело значения в борьбе с большевиками, и в дурной игре Сибирского правительства не имело большого веса и не могло поколебать чашу весов в ту или другую сторону.

В общей совокупности отношений между всеми этими правительствами главную роль играли Комитет и Сибирское правительство. Спор между ними проходил и развивался не столько по поводу того или иного отдельного вопроса, сколько по общему направлению и существу общей политики того и другого. Программа Комитета удерживала и развивала начала февральской революции. Политика Сибирского правительства направлялась назад, за пределы этой революции, к основным формам дореволюционной России. Это основное различие между ними определялось теми общественными силами, которые группировались вокруг того и другого. И, в конечном счете, это разделение проходило не по граням государственных единиц, а по социальным отношениям и группам. Разделение шло не по вертикальной, а по горизонтальной линии. Поэтому, нельзя в точности сказать, какое из второстепенных правительств было на стороне Комитета и какое на стороне Сибирского правительства. Но точно можно установить, какие общественные слои были с тем или другим из этих правительств. Вожделеющее о восстановлении монархии высшее офицерство, жаждущие возврата отобранных революцией земель помещики, обиженные революцией торгово-промышленные и финан-

совые круги — вотъ кто устремлялся в Омск и кто поддерживал Сибирское правительство. Комитет же на своей стороне имел основные массы трудового населения и демократическую и социалистическую интеллигенцию. По социальному своему весу две эти силы были не равны. Но одна из них стягивалась и организовывалась, а из другой Комитет не сумел создать организованной и действенной силы. Комитет не сумел создать настоящей армии — это был первый его грех. Он не сумел собрать и сорганизовать и свою социальную базу. Это был второй его грех. За эти грехи, главным образом, он и поплатился.

Говоря о внешних отношениях Комитета, не лишне сказать несколько слов и об его отношениях с бывшими союзниками России.

Эти отношения определялись основными целями Комитета. Своей задачей Комитет ставил освобождение России не только от большевицкого ига, но и от господства австро-германцев в России. Задача эта требовала от Комитета вооруженной борьбы с немцами, а это влекло за собой восстановление восточного фронта мировой войны. Из этого вытекала необходимость объединенной и согласованной с союзниками борьбы против австро-германской коалиции и признание тех обязательств России перед сюзниками, которые были даны до-большевицкими правительствами России. Но выполнение этих обязательств со стороны России связывало и союзников, требуя от них исполнения данных ими России обязательств. В ряду последних первостепенное значение для новой власти имела военная и материальная помощь, необходимая для организации армии, восстановления фронта и успешного ведения борьбы.

В своем обращении к союзникам от 3-го августа 1918 года Комитет, сообщая о ходе борьбы с большевиками и о поставленных им себе задачах, писал: «В области внешней политики Комитет сохраняет верность союзникам, от-

вергает всякую мысль о сепаратном мире, потому не признает силы Брестского мирного договора, формируя новые армии для борьбы с внешним и внутренним врагом, вторгнувшимся в пределы России, не знающем границ для своих империалистских вожделений. Отнюдь не питая завоевательных замыслов к другим народным территориям, Комитет не может мириться с насильственным отторжением той или иной части России, вменяет себе в непременную обязанность защитить и спасти Россию от посягательства врагов, дабы соединить отторгнутые и ослабленные части России в единое мощное государство, будущий строй которого определит полновластное Всероссийское Учредительное Собрание... Комитет, однако, находит, что эти военные действия дадут желательные результаты только при условиях ведения их с возможно большим напряжением сил. С этой точки зрения Комитет будет приветствовать поддержку вновь формируемой российской армии со стороны союзников как непосредственным участием на нашем фронте вооруженных союзнических сил, так и усилением армии военно-техническими средствами. Братское боевое сотрудничество на нашем фронте союзнических сил явится, по мнению Комитета, залогом прочного единения русского народа с союзными нациями. Рассматривая помощь союзников, как выражение их искреннего желания совместной борьбы с местным врагом, Комитет предвидит, что эта помощь не может повлечь за собой какой бы то ни было территориальной или иной компенсации за счет федеративной России, что привлечение в пределы России доблестных войск союзников имеет единственною целью борьбу с внешним врагом, но не может быть использовано никем для иных целей, в особенности для борьбы внутренней, за исключением тех случаев, когда их к этому призовет народ в лице Комитета членов Учредительного Собрания или самого Учредительного Собрания».

Таким образом, Комитет, устанавливая необходимость борьбы с общим его с союзниками врагом и формы помощи со стороны союзников, точно определял так-

же основы и условия этой помощи. Рассматривая ее, как выражение и способ совместной борьбы с внешним врагом, Комитет исключал мысль о компенсациях за эту помощь, связанных в какой бы то ни было форме с изменениями территориальных границ России. Ему решительно чужда была мысль о возможности и допустимости вмешательства союзнических войск во внутреннюю борьбу России без просьбы о том со стороны Комитета или Учредительного Собрания. Участие союзнических сил на восточном фронте должно было иметь единственную цель — борьбу с внешним врагом. Таким образом, Комитет стоял на той точке зрения, что борьба внутренних сил России должна быть разрешена лишь силами самих борющихся сторон, без вмешательства в эту борьбу каких либо иноземных сил. Между тем, у него были неоспоримые доказательства участия в рядах противника значительных сил, составленных из немцев, мадьяр, китайцев и т. п. Несмотря на это, Комитет категорически отклонял мысль об участии на его стороне сил союзников. Лишь беззастенчивая клевета большевиков могла утверждать, что Комитет призывал иностранные войска для внутренней борьбы, для борьбы с русским народом.

Обращение Комитета союзникам точно и определенно устанавливало формы и условия помощи со стороны союзников. Эти формы и условия не представляли в тот момент выгоды для союзников. Они требовали от союзников некоторой жертвенности, и об этом Комитет высказывал прямо и открыто. Быть может, эта прямота Комитета не была в интересах самого Комитета и не приличествовала принятым в таких случаях формам отношений. Но она имела одно неоспоримое преимущество — ясность и точность взгляда и пожеланий, не оставляющих места для кривотолков и для клеветы.

Этой же прямотой, быть может, обусловливался отчасти и характер ответа Французскаго Министра Иностранных дел г. Пишона. Телеграмма его на имя Комитета носила неуместно поучающий характер, что едва ли вызывалось обстоятельствами. Телеграмма гласила: «Господину

Веденяпину. Самара. Изъ Парижа. Былъ счастливъ узнать отъ Маклакова о создании правительства, имѣющаго целью воссоединить Россию и восстановить нормальные условия жизни. Здесь неведом ход событий в России. У нас не знают о намерении союзников, и немцы эксплоатируют этой неосведомленностью. Восстановление прямых сношений с союзниками необходимо, чтобы выиграть время. Запросите шифры у нашего посланника в Пекине. Мы готовим новый шифр. Будьте уверенны, что Французское Правительство приветствует всякий симптом национального пробуждения в России и всячески поддержит вас в вашей задаче ее воссоздания. Но вы не должны упускать из виду следующего обстоятельства: Антанта не признает себя вправе делать выбор между политическими группами борющимися между собой, и поддерживать одних против других. События во Владивостоке и Архангельске вызвали глубокое разочарование и скептицизм по отношению к прочности всякого правительства. Однако, как только вы докажете нам, что у вас в руках реальная власть, что вас слушаются в России, что вокруг вас группируются силы, — это произведет огромное впечатление. Таким образом, ключ к вашей значительности заграницей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более, что последние отнюдь не несомненны. Все здесь полагают, что только Учредительное Собрание может реорганизовать Российское Государство. Но невозможно отождествлять Учредительное Собрание с его Комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет самый принцип легальности... Вот почему ваше происхождение от Учредительного Собрания не имеет большого веса в глазах Европы. Это, скорее, моральная, чем законная сила. Таким образом, необходимо вашей устойчивостью, вашей реальной силой, дать нам доказательства вашего признания страной. Такое доказательство вызовет здесь общее облегчение. Желаю вам всяческого успеха. Готовый помогать всеми силами. Пишон».

Ответ Пишона служил лишним доказательством ха-

рактера отношений Запада к России. По существу, этот ответ означал отказ союзников от помощи Комитету. В основе этого отказа, несомненно, лежало то соображение, что силы российской демократии в то время не могли быть полезны Западу. Запад не понимает помощи без компенсации. Идея безкорыстной помощи в международных отношениях ему чужда. Бывшие союзники России интересовались Россией постольку, поскольку она представляла из себя реальную силу. Быть может, ответ Пишона имел бы несколько иной тон и характер, если бы обращения Комитета заключали в себе указания на возможность тех или иных компенсаций. Но представители Комитета, даже во имя свободы народа, не могли торговать независимостью и целостью России. Принцип национальной свободы и независимости Комитетом был поставлен выше политической свободы народа, и этим Комитет оберег свою честь. Комитет, таким образом, не мог расчитывать на реальную помощь со стороны союзников. Тем не менее, он считал необходимым поддерживать с ними ту или иную. Не претендуя на представительство всей России, Комитет не считал себя вправе поддерживать связь с союзниками через послов бывшего Временного Правительства. Поэтому он счел возможным иметь своих особых уполномоченных в западных странах. Представителем его в Париже был назначен И. А. Рубанович, через которого и поддерживалась некоторая связь с западными державами.

Едва ли заслуживают особого внимания отношения Комитета с отдельными представителями союзников, бывшими в то время в Самаре. Здесь, кроме французских представителей, никого и не было. Французские представители, г.г. Гине, Жанно и Комо, оспаривавшие друг у друга полномочия, ничего существенного для работ Комитета не представляли. Связь с ними поддерживалась лишь отдельными представителями Комитета и преследовала цели скорее информационные, чем деловые.

Более живые и реальные связи поддерживались с представителями чехов — с доктором Богданом Павлу и док-

тором Власак. Общность врага, совместная с этим врагом борьба, общность политических задач и бескорыстность отношений являлись постоянной и живой основой для согласованных действий их как в области общеполитической, так и в области отношений по отдельным случаям и событиям жизни. Чехи были единственными союзниками русской демократии, остававшимися ей верными во все время борьбы ее на волжском фронте и оказавшими ей большую реальную помощь.

С. Н. Николаев

Под стягом Учредительного Собрания*)

1. ВЛАСТЬ МОСКВЫ И ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ

В гражданскую войну на Волге в 1918-м году вовлечено было население огромной, по площади, территории, включающей все среднее Поволжье, Заволжский край и земли двух казачьих областей (Оренбургского и Уральского), Киргизский край и Башкирские кантоны.

Пять губерний и две области были охвачены пожаром гражданской войны, но доля участия в ней, а также идеология, которой руководилось население, были многои разнообразны, как разнообразен и пестр был состав населения.

Казачество, занимающее среднюю полосу объятой пламенем гражданской войны территории, наиболее обеспеченное материально, приняло революцию, использовав ее немедленно в своих интересах. Оживить, восстановить в самых широких границах самоуправление с выборными атаманами всех степеней, призвать к жизни войсковой круг, ослабив тем самым процесс административного давления центра — явилось первой задачей и целью казачества. И мы видим, как с первых же дней революции казаки идут твердо и прямо к этой цели, причем Ураль-

*) Редакция не может согласиться с некоторыми местами статьи ген. Щепихина, но предоставляет ей место в Сборнике, считая ее характерной и показательной для тех настроений, которые господствовали в кругах офицерства.

ское войско даже совсем уничтожает должность Войскового Атамана, предоставляя всю полноту власти войсковому кругу.

Оренбургские казаки ко времени большевицкого переворота шли доверчиво за своим популярным атаманом (Александр Ильич Дутов), с успехом оспаривавшим власть войскового круга.

Отсюда и отношение к большевикам у двух соседних казачеств по форме своей различное.

Активная, энергичная личность, какой является атаман Дутов не мирится с переменой центральной власти, и гражданская война загорается почти на другой же день после 25-го октября

В то время, как уполномоченные Временного Правительства по всей России, один за другим, без борьбы сдают свои позиции, Дутов первый и единственный пока бросает вызов Москве.

И Москва, быстро оценив опасность, принимает ряд энергичных мер для подавления «мятежа»: эшелоны добровольцев с фронта гонятся спешно на Оренбург, поток агитаторов устремляется туда же, и в несколько недель с «дутовщиной» покончено.

Дутов с горстью «мятежников» скрывается вглубь Тургайских степей, чтобы появиться снова на арене лишь после выступления чехов. Оренбургские казаки, оставшись без вождя, еще не вкусивши прелестей советского рая, вводят у себя советы, комбеды и сравниваются в правах с неказачьим, довольно многочисленным в их области, элементом.

Дутов держался определенной политической линии. Он не мог примириться с властью советов, несущих диктатуру меньшинства, и не принимал Брест-Литовского мира, но он пренебрег медленным, но верным путем постепенной обработки общественного мнения казачьей массы, и в результате остался один. Хуже того, и в дальнейшем события не научили его, а обстановка не дала времени и средств, чтобы вдохнуть бодрость в сопротивлении своим станичникам, — так до конца оренбуржцы и

остались в разряде колеблющихся: успех окрылял их, неуспех охлаждал их энтузиазм. И, в сущности, «дутовщина» не была так страшна, как старались изобразить ее большевицкие кликуши: без помощи извне, без чувства «локтя» соседа, оренбуржцы никогда не проявляли большой стойкости в борьбе.

Уральский войсковой круг, как в понимании всей сложности обстановки, так и в выборе путей по подготовке, а затем и ведению борьбы с Москвой, был гораздо дальновиднее популярного атамана.

Старики уральцы поняли, что необходима подготовка к неизбежному столкновению. Не раздражая Москву, Уральский круг отозвал ко 2-му февраля 1918-го года все свои полки с фронта. Затем необходимо было оттянуть неизбежное столкновение, выиграть время, столь необходимое, чтобы приготовиться к борьбе: распустить, демобилизовать полки, дать время фронтовикам отдохнуть, переболеть привитой на фронте болезнью большевизма, собрать и сорганизовать вооруженную силу и, самое главное, дать время всей казачьей массе проникнуться волей к борьбе, уверовать в ее неизбежность и необходимость.

Уральский войсковой круг показал себя в этот подготовительный период столь мудрым, что являет собою единственный пример из всех казачьих войск, обладавших несоизмеримо большими данными для успешной борьбы.

Достаточно указать на такой разительный пример, как получение большой суммы денег на нужды войска (в сущности, на подготовлявшуюся борьбу с Москвой) из Москвы в то время, как уже лилась кровь с обеих сторон и фактически гражданская война уже началась.

В результате уральцы отстояли свою самостоятельность, и к периоду взятия Самары чехами перенесли оружие за пределы войска.

Русское крестьянское население, проще сказать, деревня, встряхнувшись после февральской революции от долгой спячки, быстро и энергично провело у себя в

жизнь земельный передел и ожидало с понятным нетерпением возвращения с фронта работников.

Однако, как показали события, фронтовики не оправдали надежд, возлагаемых на них населением: в массе своей это были вооруженные толпы уставших морально, развращенных долгим бездельем, антидисциплинированных людей; приниматься за соху не многим улыбалось, а перспективы легкой наживы в войне с деревенскими «буржуями» и «кулаками» были так заманчивы: зарево пожаров помещичьих усадьб, разграбление монополий и складов военных запасов и другие безчинства сопровождают появление фронтовиков во всех пунктах Поволжья.

В этот же период, под влиянием большевицкой агитации, деревня начала расслаиваться на бедноту и зажиточных крестьян. В каждой деревне эти два элемента были резко поставлены один против другого, и борьба, скрытая или явная, велась повсеместно с переменным успехом.

В деревне начали создаваться большие и малые очаги гражданской войны: насильственные мобилизации, военные постои и всякого рода реквизиции вызывали глухое недовольство среди крестьян.

Нужна была искра, чтобы все затаенное вспыхнуло и вырвалось наружу.

Городской пролетариат, кажется, единственный элемент, ничего не потерявший с приходом власти большевиков; естественно, что отсюда коммунистическая партия и комплектуется самым активным материалом.

Голодный безработный пролетариат охотно шел на призыв в разного рода красногвардейские отряды — это был поход за хлебом, а наиболее энергичные и смелые, кроме того, делали личную карьеру.

Рабочие всех категорий, эти истинные носители власти, конечно, играют всюду первую скрипку. Следует лишь отметить одно важное обстоятельство: среди рабочего элемента находилась значительная группа рабочих на крестьянском положении, т. е. имеющих земельный надел и неоторвавшихся от крестьян землеробов. Эта группа

была настроена, как и крестьянская масса, против существующего порядка; будучи же по своей природе более активна, нежели крестьянство, эта группа раньше других взялась за оружие.

И мы видим в Заволжьи и Закамьи ряд огромных пожарищ гражданской войны, поднятой рабочими-крестьянами Ижевских и Воткинских заводов на свой риск и страх.

Переходя к оценке положения в землях, так называемых, «инородцев» — **киргиз, башкир и татар,** должно эти группы строго разграничивать.

Киргизы Зауралья, занимая крайнюю восточную полосу всего района и будучи прикрыты крестьянством и казаками, имели достаточно времени выжидать событий, вследствие чего они во все время гражданской войны, удачно лавируя, сохраняют нейтралитет, нейтралитет благожелательный или угрожающий обеим борющимся сторонам, в зависимости от обстоятельств.

Первое время киргизы являлись союзниками своего векового врага — казачества, позже они так же легко ему изменили, и ударом в спину старались завоевать симпатии победителя.

За все время своей двуличной политики киргизы всегда находились под определенным влиянием своего национального чувства: некоторым горячим головам даже казалось своевременным добиваться полной политической свободы и мечтать о киргизском царстве.

Башкирам и татарам (Уфимской губернии), занимающим часть средней полосы района (к северу от казачьих земель), окруженным со всех сторон русским населением, было значительно труднее отстаивать свою самостоятельность, и следовало больше тяготеть к соседям.

Это обстоятельство привело к тому, что после непродолжительного нейтралитета, и башкиры и татары были вовлечены в орбиту гражданской войны против большевиков, причем первые тесно связали свою судьбу с атаманом Дутовым, ближайшим своим соседом.

Оценивая обстановку политических взаимоотноше-

ний различных групп населения между собой и к большевикам, мы видим, что к рассматриваемому периоду (падение г. Самары), две наиболее активные группы — казаки и рабочие-крестьяне — находятся в открыто враждебных отношениях с большевиками и с успехом ведут борьбу с местной властью. Вся остальная масса, разве за исключением киргиз, остро враждебна, но пока нейтральна.

У советской власти в это время были другие, более неотложные задачи на западе и на юге, где, с одной стороны, надвигалась германо-австрийская оккупация, а с другой, поднимал голову «мятежный» Дон и зарождалась Добровольческая Армия.

Выгодой для Москвы было то, что все враждебные им группы не были спаяны между собой. Углубление этой трещины взаимных недоверий и составило главную цель большевиков, что они с успехом проводили в жизнь посредством агитации.

Разобщенность территории восставших или готовых восстать, несовпадение намеченных целей, естественно вело к разобщенности в действии. Так, покончив с Дутовым, при полном бездействии уральцев, большевики набросились на последних. Бить по частям, усмиряя одних, не затрагивать соседей — стало мудрым правилом всех большевицких главарей.

Необходимость спайки, конечно, понимали и в противобольшевицком лагере, но в этот начальный период гражданской войны зачастую не знали, или не были уверены, каково отношение к Москве у ближайшего соседа. Поэтому Дутов, например, не получая поддержки от уральцев, заглазно обвинял их даже в большевизме, что было совершенно несправедливо.

Уральцы месяцами добивались связи с Астраханью, пытаясь выяснить, что там делается, во что там верят и на что надеются, но это так и не удалось.

Крестьянские восстания вспыхивали то тут, то там, по всему Николаевскому уезду, но ближайшие соседи, — уральцы, — не знали, кто и против кого, а, главное во

имя чего, восстал. Досужие сторонники советской власти готовы были всегда преподнести свое объяснение, что это дерутся между собою фронтовики из за передела земли, это дело семейное, внутреннее в каждой волости... И казаки становились равнодушны...

Правда выяснилась много позже...

Одно необходимо отметить, что каждая восставшая против советов область, как бы она мала ни была, открыто и смело шла в союзе с другими восставшими против большевиков, не справляясь об идеологии, руководящей восстанием: враг советов, большевиков — наш друг!

Впервые определенная идеология борьбы с советами стала проникать в массы через агитаторов партии социалистов-революционеров.

Партия эта в подготовительный период находилась еще в подпольи, раскинув широкую сеть своих агентов.

Будучи наиболее мощным, организованным целым, эта партия стала скоро тем бродилом, который произвел сдвиг в настроении наиболее инертных масс крестьянства.

Энергия, с которой эсэры вели эту упорную работу по преодолению инертности масс, те приемы агитации, которые были применяемы, естественно, внушали массам представление о силе партии и импонировали им.

Отсюда до полного объединения всех разрозненных очагов борьбы — один шаг. По всему Поволжью прошел какой то ток: мы не одни, с нами за одно борется сильная сплоченная партия, которая на авось не пойдет, значит, время приспело, риск сведен до минимума, а, главное, явился руководитель, дающий понять, что за его плечами есть и будет какая то сила. В годину тяжких испытаний так хочется верить, так все становятся доверчивыми...

Определенная эсэровская идеология, быть может, не всем борющимся приходилась по вкусу; не изжито было воспоминание о периоде «керенщины», — но теперь все было забыто и не мешало даже таким далеким от эсэров

лицам, как атаман Дутов, взирать на них с надеждой, верить им и подчиняться их руководству.

Таким образом, обстановка складывалась весьма благоприятно для руководящей партии, — требовалась лишь энергия, твердость и решимость, чтобы принять на себя не только общее руководство, но и всю власть целиком.

На что же могли расчитывать будущие руководители Поволжья, какими средствами они обладали, какие цели должны были себе поставить?

2. ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КРАЕ

На всей территории Поволжья и Заволжья более или менее организованы были одни лишь Уральские казаки.

Период подготовки у них закончился благополучно. Внезапный налет кресногвардейских банд на удаленный от центра войска пункт (г. Илек) — налет, вначале удачный для большевиков (г. Илек взят, разграблен, введена советская власть), послужил лишь на пользу Войскому Правительству: если до сих пор кое-кто из казаков еще сомневался в необходимости и неизбежности борьбы с большевиками, то после разгрома города Илека маловеров уже не было. Войско поднялось, как один, и дважды отразило удары, направленные, несколько позже, со стороны города Саратова.

Важно здесь отметить, что за этот период Правительству Уральского войска, наконец, удалось преодолеть упорное нежелание казаков переходить грань войсковых земель: Уральцы впервые с оружием переступили грань, найдя полное сочувствие в крестьянских массах соседних уездов.

Если не удалось в этот период провести в жизнь широкое развертывание боевых сил из крестьян, то только из за недостатка вооружения.

Этот недостаток так остро чувствовался, что Войсковое Правительство рискнуло даже на отдельную операцию в направлении на Самару и Иващенково, где на заводе, по слухам, были склады боевых припасов и оружия.

Эта операция по времени совпала с выступлением чехов и увенчалась полным успехом.

Вот, в сущности говоря, все, что было в распоряжении имеющей возникнуть новой власти. На остальном широком заволжском пространстве бродили, волновались, потухали и опять вспыхивали местные очаги борьбы, но в них не было надлежащей организации, и они испытывали нужду в вооружении.

У социалистов-революционеров своих, партийных, вооруженных сил, готовых к борьбе, не было, — всюду были ячейки, ядра организаций, но они были малочислены.

Дутов был загнан в степи, а его столица — Оренбург — прочно удерживалась красными.

Заводские рабочие Ижевска и Воткинска — слишком удалены.

Остальная масса населения ждала сигнала к восстанию из центра с.-р. партии, из Самары... Самара была у всех на устах...

Но для ее захвата нужны штыки... И они явились в лице чехословацких полков.

Чехословацкие войска в России ведут происхождение от Чехословацкой Дружины, сформированной в Киеве. Дата ее рождения 30 июля 1914 года, а дата боевого крещения 6 сентября того же года, когда Дружина, входя в состав 3-ей русской армии генерала Радко-Димитриева, впервые столкнулась с противником у Недзелиски — Боржечин (на с.-з. от г. Тарново, в Западной Галиции).

В дальнейшем Дружина пополняется военнопленными славянской национальности, переходившими на русскую сторону целыми войсковыми частями. Первым перешел 28-ой Пражский полк, позже 36-ой Младоболеславский, 21-ый Чаславский, 13-й Оломоуцкий полки.

Только с 15-го октября 1915-го года русское командование разрешило вливать в Дружину солдат чешскаго происхождения из других русских частей, что дало возможность к концу 1915-го года развернуть Дружину в полк, а в марте 1916-го года сформировать второй полк, сведя

оба полка в бригаду, всего около трех с половиной тысяч штыков.

К концу 1916-го года, когда усилился приток добровольцев, полки бригады были усилены и состав ее возрос до 6 тысяч штыков.

Высший командный состав бригада получила из русских боевых офицеров, прочие командные должности, а также командный язык были чешские.

2-го июля 1917-го года бригада покрыла свои знамена неувядаемой славой в бою у Зборова, показав, что ее совершенно не коснулось общее разложение русской армии.

После Зборова, когда будущее русского фронта не стало внушать особой надежды, а жизнь в тылу была неспокойна, приток добровольцев в бригаду чрезвычайно усилился, и численный ее состав увеличился до 30 тысяч штыков, в результате чего сформирована была 1-ая Гуситская дивизия.

Безусловно, быстрый численный рост чехословацких формирований не мог не отозваться на ценности их, как боевой единицы: вливался, путем добровольчества, самый разнообразный элемент, зачастую к боевой службе без особой подготовки, мало пригодный. Но кадры, крещенные под Зборовом, были настолько крепки и сильны воинским духом, что без труда поглотили и переварили всю массу добровольчества.

С приходом к власти большевиков и подписанием Брест-Литовского мира положение не только чехословацких формирований, но и всех чехов, проживавших тогда в России, стало чрезвычайно трудным. Каждый день надо было ожидать появления победителей-немцев, от которых не только военнопленным чехам, но и мирным гражданам чешского происхождения особой ласки ожидать было нельзя. Чешские части были к этому времени признаны независимыми от русского командования и включены в состав французской армии. Политические руководители чехов хлопотали о переброске чехословацких частей на французский фронт.

Проф. Масарик, отъезжая из России во Францию,

объявил, что он будет квартирьером легионов. При этом он высказал надежду, что в рядах чехословацких полков он встретит всех чехов, бывших военнопленных, но еще не вступивших в состав легий, так как там, во Франции, чехи будут продолжать воевать за Россию. Призыв Масарика имел огромный успех: приток в легии усилился и общее количество добровольцев достигло внушительной цифры в 60 тысяч человек.

Был сформирован двухдивизионный чехословацкий корпус с русским генералом Шокоровым во главе. Казалось бы естественным для переброски чехословацкого корпуса во Францию повернуть его на юг, к портам Черного моря. Однако, выполнению столь простой операции помешали два обстоятельства: быстрое продвижение австро-немецких войск для занятия Украины отрезало все кратчайшие пути к Черноморскому побережью — это с одной стороны; с другой — у союзного командования возникла мысль об образовании Восточного фронта где-то в районе Волги, дабы приковать сюда возможно больше сил противника.

В результате чехословацкие полки, еще не имевшие категорического приказа образовать фронт и не имея возможности двигаться на юг, хлынули по линии наименьшего сопротивления: по дороге от Киева через Самару, Челябинск и далее, по всему Великому Сибирскому пути тонкой лентой растянулись чешские эшелоны.

В отношении к чехословакам советская власть сразу стала в обостренные отношения: чехословакам было предложено разоружиться и для быстроты перевозки разделиться на две группы, направляясь одной дивизией на Архангельск, а другой на Владивосток.

Разоружение — это передача в руки тех же немцев.

Разделение — в результате то же разоружение по частям и передача.

Поэтому это большевицкое предложение было категорически отвергнуто чехами. Тогда Москва применила целый ряд мер, затрудняющих продвижение чехословакам на Восток: этими затруднениями в пути и объясняется ог-

ромная растяжка чехословацких эшелонов по линии железной дороги.

Тяжелое положение чехословацких войск с каждым днем становилось все серьезнее и серьезнее. Дальновидное чешское командование, использовав военные запасы по пути следования (главным образом, в Киеве), сумело не только вооружить, но и одеть всех легионеров; одновремено добыли себе и артиллерию. Однако, длительное пребывание среди бушующей стихии не проходило безнаказанно: в чехословацких частях образовались комитеты, каждое распоряжение с большим трудом удавалось приводить в исполнение. Сырой материал последних пополнений сильно понизил боеспособность и дух войск, — агитация безпрепятственно велась по всем эшелонам, и многие слабые духом заколебались.

Все это вместе взятое не позволяло перегибать палку и вынуждало как - то лавировать. Пришлось поступиться самым существенным: сдать часть оружия, оставив по 10 винтовок для внутренней охраны на вагон. Но всем было очевидно, что дальше тянуть было невозможно: в Москве, под давлением гр. Мирбаха, решено было покончить с чешским вопросом, и 27-го мая Троцкий дал категорический приказ остановить чехов, разоружить и заключить в концентрационные лагеря.

Этот день — 27-ое мая — можно считать за начало вооруженного выступления чехословаков, так как чехи приказа не выполнили и были объявлены вне закона.

Где силой (Пенза), где путем переговоров (Сызрань) арьергардным частям чехословаков, очутившимся в наиболее тяжком, можно даже сказать, критическом положении, все же удалось достигнуть Самары. Волга была перейдена, Александровский мост в руках чехов.

Единственное серьезное препятствие — Самара с ее значительным по численности и хорошо вооруженным гарнизоном. Очутившись между Волгой и гарнизоном Самары в мешке, начальник арьергардных частей полковник Чечек решил оружием пробить себе путь дальше. В Иващенково из военных запасов было взято большое количество

запасов и боевых припасов, так как задерживаться на Волге чехи не предполагали: приказа от союзников об образовании Восточного фронта не было, а Масарик перед отъездом категорически просил не вмешиваться во внутренние дела России.

Задержкой чехов перед Самарой решили воспользоваться руководители эсэровской партии на Волге. Находясь в центре организации в Самаре, руководители эсэров имели полную возможность следить детально за продвижением чешских эшелонов к Самаре, выбрать момент, когда интересы чешского командования и интересы группы, подготовлявшей восстание, сольются.

Этот момент настал, когда около пяти тысяч винтовок полковника Чечека с артиллерией подошли к Самаре и столкновение с большевиками стало неизбежным.

Большевицкие фронтовые части были готовы к бою, обучены. Части, формируемые из партийных работников, были дисциплинироны, но обучение их оставляло желать лучшего. Указать численность таких частей невозможно, — все зависело от энергии лиц, формировавших эти части, а также от боевых успехов: эти части так же быстро нарастали, как и таяли. Опираться на них при столкновении с регулярными войсками, конечно, было невозможно.

Будучи формированиями территориальными, красноармейские части, в противоположность белым добровольческим частям, сносно дрались лишь на чужой земле; насколько трудно было продвинуть белые части, защищавшие свои очаги, за грань своих владений, настолько невозможно было задерживаться с красноармейскими частями в сфере их родных сел и деревень: такие части немедленно таяли и отказывались драться среди своих односельчан.

Московская власть отлично понимала обстановку, учитывала ближайшие возможности, и со свойственной ей энергией и властностью принимала ряд мер для своей защиты.

Серия декретов предусматривала коренную реорганизацию красной армии, или скорее, ликвидирование тако-

12

вой и формирование новой, на узко-партийных, классовых началах.

Армия должна быть не национальная, не демократическая, а классовая — армия трудящихся классов. Она должна отражать существующий режим, т. е. господство рабочего класса, опирающегося на бедноту из среды крестьянства. Это руководство проводится через комиссаров, опирающихся на партийцев, ячейки которых насаждены во всех частях, начиная со взвода. Создать комсостав одним декретом, однако, было нельзя, почему, с помощью террора или подачками, привлекался в красную армию комсостав старой армии. Постепенно выборное начало уничтожается, создаются штаты, вводится обязательное обучение военному делу. И, как завершение всего, применяются сначала принудительный набор, а затем и мобилизация по всем правилам царской армии.

Создав при содействии дисциплинированных партийцев основу, ядро воинских самых мелких подразделений, вручив полноту власти комиссарам, коммунистам первого сорта, и удерживая в рамках лойяльности под неустанным бдительным надзором старое кадровое офицерство, большевики спокойно могли на этой прочной основе строить армию.

Однако, на создание столь сложного организма нужно время и время: хотя вся подготовительная по переустройству красногвардейских частей работа в апреле месяце была закончена, но результаты еще не могли дать себя почувствовать в полной степени, особенно в столь удаленном и уже горевшем в огне гражданской войны районе, как Поволжье.

Из элементов, втянутых с обеих сторон в гражданскую войну, необходимо отметить значение старого офицерства и военнопленных.

Трагедия русского офицерства с первых дней революции общеизвестна.

Противопоставленные солдатской массе офицеры частично гибли, в массе своей терпели невыносимые унижения и постепенно скрылись в подполье.

Все, что было на виду, преимущественно чины штабов, не признавая власти большевиков, все-же оставались на местах, веря в близкое падение новой власти; кроме того, присутствие врага на фронте, необходимость планомерно провести демобилизацию и спасти огромные запасы оружия и боевых припасов — все это удерживало наиболее сознательное офицерство на местах. Это был наиболее ценный материал — спецы, офицеры генерального штаба по преимуществу.

Когда первая волна большевизма благополучно пролетела через их головы и головы остались целы, то, психологически естественно, они частично пошли на предложение большевиков работать с ними. Кто сказал «раз», — должен сказать «два». Шаг за шагом спецы засасываются большевиками и становятся «попутчиками» по работе воссоздания армии.

В результате около 35 процентов офицеров генштаба у большевиков служило не за страх, а за совесть — по долгу защиты родины и создания для родины армии; это, пока что, идейные противники большевизма, с нетерпением ожидавшие их падения.

Значительная часть рядового офицерства скрылась в подпольи, выжидая.

В Заволжьи укрывалось сравнительно незначительная часть офицерства, частично объединившаяся в организации. Единицы из этих организаций добровольно стали в ряды белых, но масса предпочла выжидать и досиделась до насильственной мобилизации большевиками. Большевики, имея испытанный аппарат, не боялись брать спецов, соблазняя их житейскими благами и окружая соответствующей обстановкой. Противная сторона — эсэры — доверяли лишь идейным спецам, приемлющим их политическую программу, остальных терпели, не заботясь о привлечении их и предоставляя им свободу действий.

По отношению к массе офицерства большевики применяли насильственную мобилизацию, будучи убеждены, что их аппарат своевременно обезвредит всякое злостное выступление. Эсэры прошли мимо офицерской массы,

недооценив значение офицерства вообще и, наоборот, своими лозунгами лишь отпугивали некоторые слои офицеров.

Совершенно в другом положении находились военнопленные. Здесь не надо разбираться в психологических тонкостях, нельзя искать каких-то идей. Захлестнутые в лагерях революционной волной, военнопленные спокойно взирали на окружающее и не без злорадства отмечали признаки развала как в рядах армии, так и в хозяйственном организме государства.

Потеряв надежду на скорое освобождение, военнопленные, естественно, охотно пошли на службу к большевикам: привычное занятие, хороший паек, возможность пограбить и насиловать — все это было очень соблазнительно для массы военнопленных.

Наиболее жестокие элементы из них — латыши и китайцы — формировали дворцовые части; ни одна карательная экспедиция не обходилась без их участия.

Опасность превращения этих частей в преторианцев была исключена, так как система надзора, шпионажа оставалась в полной силе.

Австро-немецкие пленные формировали особые части в районах, где находились лагери военнопленных. Так, в Заволжьи военнопленные Троцкого концентрационного лагеря всегда играли видную роль при усмирении крестьянских и казачьих восстаний. Из их среды быстро выдвигались отдельные лица на высокие командные посты.

Ни перехода в чужой лагерь, ни внутренних бунтов в этих частях никогда не отмечалось. Одной из причин такой устойчивости служило то обстоятельство, что на стороне белых были чехи — заклятые, вековые враги немцев.

Попыток перетянуть на свою сторону военнопленных со стороны противобольшевицких организаций никогда не было. Такой шаг был совершенно исключен: насильственно привлекать на свою сторону чужестранцев, да и вообще кого либо, не было в принципах эсэровской партии, возглавлявшей белое движение в Заволжьи. Террор

и связанные с ним насилия, приходившиеся по вкусу массам военнопленных, не входили в кодекс общего уклада жизни белых.

Максимум того, к чему стремились белые руководители среди военнопленных — это нейтралитет. Оценивая общую политическую и военную обстановку в Поволжьи, надлежит сделать следующий вывод: удаленный от центра советской власти, предоставленный самому себе, весь огромный степной район распался на естественные большие группы, соответственно национальному и экономическому положению этих групп. Гражданская война была сначала в различных степенях созревания; каждая группа по своему реагировала на создавшуюся после прихода к власти большевиков обстановку, причем местные интересы преобладали. За свой страх и риск совершался натиск местных органов советской власти; так же одиноко, на свой риск, оказывалось этому натиску сопротивление: ни общих лозунгов, ни общегосударственных целей никто не ставил — каждый предпочитал отсиживаться или отбиваться по своим медвежьим углам. Так провинциально было организовано сопротивление: отсутствие в районе значительных боевых запасов или невозможность и неумение использовать то, что давалось в руки, разнообразие способов организации вооруженной силы, парализующее самые лучшие планы и замыслы; полное отсутствие общих задач и целей; незнание обстановки и положения дел в широком масштабе; наконец, полное неумение, а подчас и отсутствие стремления попытаться выйти на простор и поискать друзей, определить врагов.

Если огни гражданской войны кое-где и начинали вспыхивать, то объяснение этому надо искать лишь в бессилии в Заволжьи большевицкого центра, не имевшего силы ликвидировать в самом начале начинающийся пожар.

Выбор района Поволжья, как базы для организованной борьбы с советской властью, был сделан удачно. Здесь пожар уже начался, возможности для его развития очевидны, а главное — враг был слаб и также не орга-

низован. Сильному духом, умеющему хотеть, открывались широкие возможности.

Стратегически район Поволжья был благоприятен: река Волга — настолько могучий барьер, что при умении и с ограниченными средствами, прикрываясь ею, возможно было вести накапливание сил и выждать удобного момента для решающего удара по центру. Однако, обстановка и противник предоставляли противобольшевицким организациям весьма ограниченное время для подготовки этого удара: приходилось торопиться, направляя все силы своего влияния на привлечение на свою сторону возможно широких слоев населения, в том числе и офицерства, с целью получения от них как военной, так и материальной поддержки.

Надо было спешить и с выяснением взаимоотношений с чехословаками, стараясь возможно прочнее связать их судьбу со своей.

3. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ НА ВОЛГЕ

Г. Самара, большой административный пункт Поволжья, столица степного Заволжья, естественно, привлекала внимание той политической организации, которая стремилась объединить все разрозненные силы края в борьбе с большевиками.

Здесь, в Самаре, пока еще в подпольи, сосредоточился главный штаб эсэровской партии, здесь же зародилась и та ячейка, которой впоследствии принадлежало руководство военное.

Момент для открытого восстания и свержения власти советов собственными силами еще не настал: была произведена лишь черная работа — все Заволжье почувствовало, что кто-то есть, кто-то думает об общем деле в широком масштабе, но более глубокое проникновение в толщу масс являлось делом недалекого, правда, но все же будущего.

Подход к Самаре чешских арьергардов во главе с полковником Чечеком ускорил события. Было бы непростительной ошибкой не воспользоваться моментом.

Дать пройти чехам мимо и получить на их хвостах московские эшелоны красногвардейцев никому из руководителей эсэров не улыбалось.

Надо было энергично действовать. Чехи уперлись в Самару, и столкновение было неотвратимо.

Когда все мирные способы добиться пропуска через Самару были исчерпаны, чехи решили пробиться силой, и с 4-го по 8-ое июня под «стенами» Самары, на подступах к ней разыгрывается весьма искусно проведенная полковником Чечеком операция, в результате которой Самара утром 8-го июня была взята.

Чешское командование еще до взятия Самары было осведомлено о настроениях небольшевицкой части населения. Симпатии населения Самары перешли в овации, когда чехи вошли победителями в город.

Помощь, оказанная чехам при взятии Самары со стороны русских противобольшевицких организаций, не могла быть забыта, и со стороны чехов было бы жестоко на другой день после победы, когда ворота дальнейшего марштрута на Восток были открыты, двигаться дальше, бросив на произвол судьбы белых русских. Ведь, помимо чисто военной связи, еще только зародившейся, неокрепшей, партия эсэров ранее тесно связалась с политическими руководителями чехов общностью идеологии политической и сознанием братской связи русского и чешского народов.

Полковник Чечек на вопрос, что будет дальше, ответил, что чехи до взятия Уфы останутся в Самаре.

Уфа была вторым препятствием не только на путях к Востоку, но и на пути связи с ближайшей чешской группой в Челябинске; она не менее прочно, чем Самара, прерывала связь полковника Чечека с эшелонами на Сибирской магистрали. Пробить эту пробку — было ближайшей целью аръергарда полковника Чечека. На это было нужно время, которым и можно было воспользоваться русским противобольшевицким элементам для создания своей военной силы.

Заявление Чечека возбуждало надежду, но было пол-

но неопределенностей: вряд ли чехам много потребуется времени прорваться через Уфу.

После падения Самары положение социалистов-революционеров значительно улучшилось: подполье оставлено, можно действовать отрыто. И, надо отдать справедливость руководителям партии, они действовали энергично по всем направлениям, и не их вина, что среди случайного состава этих руководителей не нашлось лица, обладавшего даром глубокого и всестороннего предвидения.

Первой, главной задачей партии была организация правительственного аппарата.

И мы видим на другой же день по взятии Самары развевающийся красный стяг Учредительного Собрания. Почему Учредительное Собрание, почему красный? Понятно: первое — единственный авторитет для населения, второе — святая святых каждого революционера. Но это имело и свою отрицательную сторону:

Черновское Учредительное Собрание и пред разгоном и после разгона не пользовалось симпатиями буржуазной интеллигенции. Красный цвет был в то же время эмблемой большевицкой власти.

При организации власти социалисты-революционеры настолько боялись быть обвиненными в диктаторских настроениях, что немедленно приняли ряд мер по привлечению к власти других элементов. Не их вина, что эти элементы уклонились от совместной работы.

Второй очередной целью Комуча было принятие мер к возможно более длительному задержанию чехов.

Ближайшая задача чехов — взятие Уфы для соединения с остальными группами своих эшелонов — уже требовала значительной задержки в районе Самары. Надо было, во-первых, совершенно ликвидировать ту живую силу противника, которая была разбита под Самарой и во главе с тов. Яковлевым откатилась к Оренбургу. Оставить эту, еще достаточно сильную группу у себя в тылу и на фланге, предприняв маневр против Уфы, было неразумно, и полковник Чечек ближайшей целью поставил ликвидацию группы Яковлева.

26-го апреля взят чехами, совместно с уральцами, выдвинутыми к Безенчуку Войсковым Правительством для захвата военных запасов, город Бузулук; взят пункт, но противник ускользнул — окружить и уничтожить его не удалось. Следовательно, надо идти дальше, чтобы положить между противником и железной дорогой на Уфу пространство, достаточное для безопасности дальнейших операций. За Бузулуком пал Оренбург, и воскрес атаман Дутов. Теперь он, атаман Дутов, должен надежно прикрывать операцию чехов на Уфу, освобождая их силы к достижению главной цели.

За глубокий тыл чехи были также покойны — там испытанные в гражданской войне, твердые Уральцы. Их полки уже под Николаевском и обеспечивали Самару с юга...

Не имея в своем распоряжении вооруженной силы, Комуч старался путем ориентировки чехов в местной обстановке облегчать им задачу и тем укрепить прочнее узы, завязанные на берегах Волги.

Удача улыбнулась эсэрам: член партии полковник Махин (кадровый офицер русской армии) удачно организовал безболезненную сдачу Уфы чехам.

4-го июля Уфа была занята чехами, а 6-го июля на станции Миньяр произошло долгожданное соединение арьергарда Чечека с одной из центральных групп чешских эшелонов полковника Войцеховского. Благодаря этим событиям значение Комуча в глазах всей чешской массы окрепло: теперь оставить Самару, а с ней Комуч, на произвол судьбы было бы верхом неблагодарности. Невозможность такого шага со стороны чехов обсуждалась горячо даже солдатами чехами. Оставалось неясным лишь, как взглянут на все происшедшее союзники.

Главным представителем союзной власти в Заволжском районе, представителем достаточно авторитетным, являлся майор Гинэ, член Французской Военной Миссии. М. Гинэ быстро охватил всю обстановку и, поняв, что ожидать распоряжений из центра, распоряжений, соответствующих быстро меняющейся обстановке, бесполез-

но, нашел в себе достаточно гражданского мужества, чтобы начать приводить в исполнение давно намеченный союзниками план образования восточного фронта. Его уверенность, что не замедлят придти сюда и войска союзников, передалась и чехам. Верить в такой исход так хотелось, что легко были преодолены все сомнения. . . и чехам был дан приказ приступить к восстановлению фронта. . .

Теперь Комучу предстояло решить и провести в жизнь самый ответственный, самый тяжелый вопрос — организации вооруженной силы.

К организации вооруженной силы Комуч приступил на другой же день по взятии Самары.

На другой же день стало ясно, что у Комуча, кроме 200 человек Самарской военной организации с капитаном Галкиным во главе, ничего нет. Для работы по организации армии 9-го июня сформирован штаб, получивший название «Штаба Народной Армии».

Самое название указывало на характер новых формирований — Комуч желал опереться на народ, на массы крестьянства.

Какими же кадрами обладал Комуч? Кроме нескольких сот вооруженных, преданных партии людей военной ячейки Галкина — ничего не было. Но даже эти несколько сот быстро рассосались: работа в Штабе Народной Армии, агитация в провинции, личная охрана Комуча — быстро поглотили эти слабые кадры.

Мобилизация считалась вопросом решенным, но для этого нужно было время, а фронт не ждал. Приходилось призвать добровольцев, в степени пригодности которых у Комуча уверенности не было.

Добровольчество в первые же дни привлекло молодежь и офицерство; молодежь преимущественно из буржуазных семей, а офицерство кадровое, старой царской армии. Было сформировано 2 роты, 1 эскадрон, конная батарея.

Нашелся и начальник — полковник генерального штаба Владимир Оскарович Каппель. На предложение принять командование над 1-ой добровольческой дружи-

ной (Самарской) этот в высшей степени скромный офицер просто ответил: «Согласен. Попробую воевать. Я монархист по убеждению, но стану под какое-угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками. Даю слово офицера держать себя лойяльно к Комучу». И слово свое сдержал.

Этот маленький отряд, будущие «каппелевцы», да Штаб Народной Армии во главе с полковником Галкиным, и составляли пока все наличные силы Комуча.

Штаб Галкина был привезен большевиками в Самару для работы по реорганизации красной армии: на него Троцким были возложены функции прежнего штаба военного округа; он должен был восстановить деятельность прежних воинских начальников, Воинских Присутствий — весь тот аппарат, без которого немыслимо создание регулярной армии.

Штаб по своей численности, конечно, не соответствовал наличности штыков, но он вполне оправдывался теми военно-организационными предположениями, которые имелись у Комуча.

Итак, работа по формированию добровольческих частей и по организации регулярной армии должна была отныне протекать параллельно; успех первого, т. е. добровольческих формирований, зависел всецело от притока добровольцев, успех создания регулярной армии зависел в значительной части от успешности проведения мобилизации и возможности разместить, одеть, вооружить и, главное, подготовить контингенты. И те и другие формирования предназначались для фронта против большевиков под знаменем Учредительного Собрания и под общим наименованием Народная Армия.

Рядом с этими частями выдвигались на фронт чешские полки со своими знаменами и лозунгами — «не теряй надежду — мы бьемся уже тысячу лет».

В одном из первых своих приказов Комуч указывает цель для Народной Армии. Цель эта — борьба с немцами рука об руку с союзниками, следовательно, непризнание Брест-Литовского мира. Под такими знаменами, с та-

кими лозунгами мог идти на фронт и должен был идти каждый русский патриот.

Но, к сожалению, не все так думали. В отношениях к эсэрам у буржуазных группировок сквозило явное недоверие; от них, эсэров, во-первых, не ожидали откровенной, честной работы на Россию. «С социалистами нам не по пути» — говорили скептики. Во-вторых, эту партию, шедшую после провала Керенского, на переэкзаменовку по государственному строительству, буржуазия считала несостоятельной.

«Почему эсэры не откажутся от своих лозунгов? Ведь революция кончена; надо свалить лишь захватчиков власти, большевиков: к чему же революционные лозунги? Революция кончена — социалисты-революционеры безработные, и мы принимаем их, как людей, как организацию, в данный момент и в данном месте наиболее сплоченную, но не больше»...

Комуч, поставивший свою ставку на народ, не поступался своей идеологией... Поэтому, льющаяся кровь буржуазной молодежи во имя «Комуча», с одной стороны, а с другой, бросаемые в крестьянскую массу тем же Комучем противобуржуазные лозунги, вряд ли могли способствовать установлению полной связи, слитности, и поддержать дух в этих разнообразных по своим политическим воззрением группировках и создать то единение, которое одно лишь могло бы дать победу.

Если, тем не менее, добровольчество и развивалось на Волге, то причина тому лежала вне Комуча: «хоть с чертом, но против большевиков» — таков был лозунг добровольчества на Волге.

В течение первых недель по освобождении Самары офицерство, интеллигенция и буржуазия нашли в себе достаточно моральных сил, чтобы дать добровольчеству 4-5 тысяч молодых жизней. Берега Волги покрылись очень редкой, правда, но сильной духом, сплоченной сетью маленьких отрядов: Самарцы и Симбирцы Каппеля, Сызранцы Бакича, Казанцы Перхурова и многие другие допол-

нили ряды добровольческой Волжской, так называемой, Народной Армии.

Весь левый берег Волги был насыщен красными бандами; Ставрополь, а с ним и сильная речная флотилия — в руках красных; мост в Батраках также у красных. Николаевск был в руках Чапаева, создавшаго прямую угрозу Самаре и путям чехов на восток.

Самара, таким образом, очутилась в полукольце, — надо это кольцо разогнуть: полковник Чечек имел прямое указание от своего командования прочно занять переправу через Волгу у Сызрани и взять Симбирск. На нем же лежала обязанность и обеспечения тыла, т. е. железной дороги Самара — Уфа — Полетаево.

Тех пяти тысяч, которые были в распоряжении полковника Чечека, было, конечно, недостаточно для достижения столь разнообразных, разобщенных значительными пространствами, целей.

Добровольческими частями района Самары Комуч распоряжался полностью. Что же касается вооруженных сил «союзников», как-то Оренбургских и Уральских казаков, рабочей Доброармии Ижевцев и Воткинцев, то сюда власть Комуча не простиралась.

Уральское Войсковое Правительство во главе с народным социалистом Фомичевым довольно бодро вначале взяло курс на Самарский Комуч. Войсковой круг этот курс одобрил. В Самару был выслан ряд представителей от войска для связи с Комучем; чехами в состав самарского гарнизона был включен дивизион Уральцев; наконец, само Войсковое Правительство прибыло в Самару для выработки плана совместных действий.

Прибытие Уральцев почти совпало с прибытием для той же цели атамана Дутова.

Дутов, более политичный, формально пошел на все уступки своей гегемонии в Оренбургском крае, а на деле не осуществил почти ничего: во всяком случае, добиться от него помощи оружием было нечего и думать. За все время Волга получила один достаточно потрепанный казачий полк, да несколько башкирских батальонов.

Уральцы совершенно не пошли ни на выделение своих сил, ни на подчинение их общему командованию.

Каждый из «союзников» стремился достигнуть своих частных целей и, если возможно, от центральной власти урвать помощь оружием, боевыми припасами и даже войсковыми частями (конечно, имелись в виду чехи).

Комучу не удалось получить от этих «союзников» ощутительной вооруженной поддержки и, наоборот, ему же, Комучу, пришлось подкреплять «союзников» материально. Общее командование, установленное особыми «конвенциями», в лице полковника Чечека, на практике ничего не дало, так как подчинение было номинальным. Политически формального разрыва не произошло, но уверенности в прочности союза отнюдь не было.

На этом фронте Комуч не добивался существенного результата, который был единственно приемлемым: «союзники» должны были безоговорочно принять общее командование, не руководство, а именно военное командование, верховенство Самары; в первую очередь союзники должны были признать, разработав хотя бы совместно, общий план действий, и принять соответствующую часть его исполнения на себя. Это было бы лучшей спайкой для всех противобольшевицких организаций и этого надо было достигнуть в первую голову, а остальное должно приложиться.

В среде Комуча не нашлось никого, кто бы этому чисто военному, вернее, военно-политическому вопросу придал бы должное значение.

Все дело свелось к формам.

Главное командование военными силами Заволжья было вручено старшему начальнику местных чешских войск, тогда уже генералу, Чечеку. Однако, главные начальники вооруженных сил Уральцев, Оренбурцев и рабочих Ижево-Воткинских заводов были подчинены также и более непосредственно и тесно своим правительствам.

Добровольческие части Комуча подчинены были также генералу Чечеку, но их пополнение и снабжение оставалось в руках высшего военного органа Комуча —

военного министра Галкина, генералу Чечеку не подчиненного.

Две грубейших ошибки при организации высшего органа командования, допущенные Комучем, так и не удалось исправить до конца жизни Комуча, несмотря на то, что отрицательные результаты не заставили себя долго ждать.

Комуч безусловно чувствовал те недочеты, которыми сопровождалось разрешение вопросов командования, и были попытки смягчить острые углы. Так, например, при Главном Начальнике, генерале Чечеке, был сформирован Оперативный Штаб с русским офицером генерального штаба во главе.

Но это была лишь попытка, паллиатив, на практике выродившийся в весьма странный орган: Штаб оперативный русский не занимался операциями русских войск (уральцев, оренбурцев и т. д.), так как эти войска выполняли свои задачи, по распоряжению своих правительств, и распоряжения Самары только терпелись, но не исполнялись. Русские части собственно Комуча были так малочисленны, так разбросаны и столь тесно действовали с чешскими войсками, что вряд ли вызывалась необходимость в особом громоздком оперативном штабе. В результате этот Штаб (носивший наименование весьма громкое — Штаб Командующего Волжским Фронтом), являлся лишь вспомогательным органом генерала Чечека; с ним Чечек разрабатывал те мелкие операции, которые потом давались на исполнение мелким единицам.

В этом оперативном Штабе сосредоточились сведения о противнике, организовывалась разведка, разрабатывались общие оперативные планы, но все это носило характер весьма теоретический, формальный. Сведения собирались совершенно случайно: чешская разведка свои данные не считала обязанной передавать в русский штаб. Контр - разведки ограничивались очень узким радиусом работ, не выходя за пределы Самары и ближайших к ней районов. Оперативные планы широкого

масштаба тонули в тех мелких операциях, которыми почему то занято было главное командование.

Вопрос усложнялся еще и тем, что генерал Чечек был подчинен не верховной власти в крае, который он призван был защищать, а далеко расположенному в Сибири чешскому командованию. Отсюда генерал Чечек получал директивы, здесь решался и вопрос о составе тех чешских вооруженных сил, которые могли быть направлены на Волгу.

После того, как принципиальный вопрос с оставлением чехов на Волге был разрешен, Комуч установил прочную связь с чешским Главнокомандованием, дабы, во-первых, быть в курсе оперативных, стратегических предположений, во-вторых, чтобы добиваться возможного усиления чехословаков на волжском фронте.

Каков бы ни был стратегический план по занятию восточного фронта, Комуч должен был поднять вопрос об усилении союзных войск на Волге, так как малейший военный неуспех компрометировал самый Комуч; а так как без правительства не могла быть создана вооруженная русская сила, то, следовательно, союзникам, в частности, чехам, приходилось бы в будущем расчитывать только на свои собственные силы.

Общий военный план также не следовало решать без участия Комуча, так как он один был компетентен указать, где сконцентрированы враждебные ему силы, а где сочувствующие движению освободительному; где враги, а где друзья из числа уже поднявшихся районов.

Чешскому командованию, безусловно, принадлежало право решающее, но выслушать мнение правительства, на которое союзники предполагали опереться при создании восточного фронта — было бы, казалось, для союзного командования небезполезно.

Надо полагать, что соответствующие шаги Комучем были предприняты, но как на это откликнулись союзники, будет видно из последующего.

Общий план союзников (не чешского командования) ставил задачей образовать восточный фронт с центром на

средней Волге, занятой прочно чехами; активный правый фланг должен действовать в направлении на Пермь, Вятку, Котлас, и войти в связь с англичанами, действующими от Архангельска. План в высшей степени теоретичен и не отвечал обстановке; план, чисто эгоистический.

Теоретичен план был в самом своем основании — он базировался на возможном (и весьма проблематичном) приходе на Волгу войск союзников. Целью ставилось наступление к определенному пункту (Вятка, Котлас), совершенно не считаясь с планами противника, который все же имел достаточно сил не только задерживать это наступательное движение, но и сбить союзные войска с этого направления (что и получилось в действительности), угрожая его тылам.

Идея создания восточного фронта — борьба с немцами — полностью игнорировалась общим планом: к северу от Волги немцев можно было встретить разве где-либо на высоте Петербурга.

По союзническому плану, ставилось задачей, как бы намеренно, избегнуть встреч с немцами, и все было направлено к установлению связи с северным союзником, англичанами в Архангельске.

Вот те основные недостатки общего плана, исправлять которые выпало на долю уже преемников Комуча: центр организации белых войск, центр местной власти находился на линии фронта, под угрозой противника; на поддержку новой власти, от которой по существу зависела вся судьба формирования русской вооруженной силы — дано было слишком мало: от 60-тысячного чехословацкого корпуса едва 10 процентов. Тяга на север была так велика, что этим стремлением заражается постепенно и чешское главное командование и некоторые из отдельных чешских начальников.

Что мог Комуч противопоставить такому плану? Казалось бы, что выдвижение на Волгу Дутова, рабочих Ижевских и Воткинских заводов и уральцев с первых же дней власти Комуча, дало бы возможность энергично продвинуться за Волгу и быть на участке Саратов - Сим-

бирск, поддерживая прочно связь налево, с Доброармией Деникина.

Но связывать свою судьбу с Южной Армией Деникина не входило в задачу Комуча (почему, вероятно, он не настаивал с должной энергией на видоизменении общего плана).

Как бы то ни было, хорош или плох был общий план, но он существовал; вытекающие из него частные задачи были намечены.

В распоряжении генерала Чечека было всего 9 батальонов (1-ый, 4-ый и запасный полки), четыре бронепоезда, 18 орудий, 2 броневых автомобиля, один аэроплан, 1 эскадрон сербский и 1 инженерная рота.

Без поддержки из центра (из Челябинска), без содействия добровольцев нечего было даже и думать о широком наступлении. Надо было овладеть лишь берегами Волги на участке Самара — Симбирск, а затем активно обороняться на этом, по общему плану, второстепенном участке.

Генерал Чечек приступил к выполнению этой задачи. 4-ый Чешский полк овладел снова Сызранью и мостом через Волгу, а 1-ый полк — от Уфы был направлен для взятия Симбирска; соответственные части держались в резерве в Самаре и на участках, обеспечивающих тыл и сообщения. Главное внимание каждого чешского начальника, конечно, привлекала железная дорога: ведь это единственный путь отхода и подвоза союзнических эшелонов.

К тому же чехи за полугодовую жизнь в вагонах так с ними сроднились, что покидали эшелоны с большой неохотой.

Чувствительность к железнодорожному сообщению со стороны чехов должна быть особенно подчеркнута, ибо это обстоятельство имело огромное влияние не только на их способ действий, но даже и на планы частных операций.

И мы видим: оба полка направляются вдоль магистральных железнодорожных путей (Уфа — Симбирск и

Уфа — Самара), благополучно доходят до головы железнодорожных линий на правом берегу Волги, Симбирска и Сызрани, и останавливаются. Работа по расширению плацдарма на линии Волги предоставляется добровольческим русским частям, которые и выполняют задачи более или менее удовлетворительно. Каппель, после неудачи расширить плацдарм на запад, в направлении Инза — Пенза, поворачивает на север и занимает сначала Ставрополь и Новодевичье, где захватывает флотилии красных, а затем двигается на Симбирск. Пройдя в четыре дня 140 верст, Каппель 21-го июля занимает Симбирск, а одновременно частями 1-го чешского полка занимается и железнодорожный мост через Волгу у Симбирска.

Что получило командование со взятием Симбирска?

Была значительно расширена территория Комуча, но зато увеличилось протяжение линии фронта, при неизменном числе штыков. В Симбирске захвачен патронный завод, но рабочие разбежались: специалистов не было, завод так и не был пущен в ход. В Симбирске были значительные запасы оружия, в том числе и винтовки, но старой системы Бердана, к которым не было патронов. Без сомнения, некоторые выгоды занятия Симбирска не вполне окупались: расширение территории отвлекало значительные силы от Самары и левого (южного) фланга, и вся операция явилась лишь минусом для фронта.

Г. Симбирск слишком уязвим со стороны Казани: его легко было отрезать простым нажимом по левому берегу Волги с севера; волей неволей и внимание, и силы должны были привлекаться сюда.

Необходимо было затем очистить от противника весь угол Кама — Волга, так как Кама была естественным рубежом Самаро-Симбирского участка,—единственный предлог, оправдывающий взятие Симбирска.

По достижении этих частичных целей в правом секторе фронта можно было считать задачу выполненной: дотянулись до естественных рубежей на участке Волги к северу от Самары, чем обеспечивалась не столько Самара, сколько Уфа и железнодорожный путь, связывающий

последнюю с административным центром территории Комуча.

Не так хорошо шли дела на левом фланге, где операции развивались одновременно по обоим берегам Волги.

Полковник Махин получил задачу овладеть из Сызрани Хвалынском и Вольском. С большим напряжением эта операция была выполнена, причем Махину оказывала содействие и флотилия. Сопротивление разрозненных отрядов красногвардейцев было слабое. Не столь гладко протекала операция на левом берегу Волги, где обстановка складывалась стратегически неблагоприятно.

Уральские казаки, преследуя свои планы, теснили противника от своей войсковой грани в направлении на Саратов и Николаевск. Связи ни идейной, ни фактической уральцы с Самарой не имели. После долгих мучительных переговоров удалось придти к соглашению — выдвинуть со стороны уральцев некоторые силы к Николаевску.

Николаевск являлся значительным в этом районе левого берега Волги пунктом, с большим политическим и административным влиянием, как уездный город. Железная дорога соединяла его с Саратовом, так что Николаевск тяготел к Саратову, а не к Самаре. Хозяином положения в Николаевске и его окрестностях был отряд Чапаева. Дерзкий и не без таланта Чапаев сильно безпокоил Самару и, в конце концов, вынудил выделить против него батальон чехов (Воженилика) и около полка казаков.

Брать на себя столь удаленную операцию по взятию Николаевска с недостаточными средствами Самарское командование не решалось. Между тем, Чапаев чувствовал себя в районе Николаевска, как Соловей-разбойник: производил налеты то на отряд Воженилика, то на близко подходивших уральцев, периодически действуя против речной флотилии полковника Махина. Отряд Чапаева не раз был бит и чехами и уральцами; его отряд рассыпался,

но сам Чапаев оставался жив — оживали и его отряды: с горстью коммунистов и преданных красногвардейцев, он быстро, насильственным путем, набирал крестьян и, кормясь на местные средства, возрождался, как феникс из пепла. Дерзость его увеличивалась и неуязвимость его стала возрастать до легендарности.

Было весьма неосмотрительно вести операции одновременно на обоих берегах Волги, дробя, распыляя силы, а, главное, не очистив, как то было сделано против Симбирска, предварительно левый берег от серьезного противника в лице Чапаева. Чапаева надо было или уничтожить, или выгнать из района Николаевска к Саратову, или на правый берег Волги. Николаевский уезд, в противоположность району устья Камы, был вполне подготовлен к общему восстанию, и изгнание отсюда отряда Чапаева подняло бы все крестьянское население, настроение которого было известно в Самаре. Но русское командование в Саратове отсутствовало, а русские специалисты могли лишь советовать, а не распоряжаться...

Итак, с наличными силами чехов и 4-5 тысячами добровольцев на Волге удалось в сравнительно короткий срок выполнить первую часть задания — захватить главные переправы на средней Волге (Самара — Симбирск) и обеспечить их, заняв достаточный плацдарм впереди, чем более или менее надежно обеспечивались пути сообщения с Уфой и Сибирью.

Однако, достижение указанной цели поглотило все наличные силы без остатка, — для дальнейших активных действий свободных войск не было. Даже больше того — недоставало сил даже на насущные операции по обеспечению завоеванного положения от случайностей (Николаевск с Чапаевым).

Еще 8-го июня, приказом за № 2, Комуч объявил мобилизацию в освобожденных от большевиков уездах. Во главе всей мобилизации был поставлен Штаб Народной Армии, возглавлявшийся полковником Галкиным и двумя при нем комиссарами Комуча, Фортунатовым и Боголюбовым (позже Лебедевым). Если бы не был исполь-

зован Штаб 1-ой армии, находившийся в Самаре еще при большевиках, то некому было бы даже и начать работы по мобилизации. Прежде всего надо было решить вопрос, какие возрасты призвать: фронтовики были нежелательны, как элемент развращенный и даже опасный; запасные старых сроков плохо обучены и заражены не менее фронтовиков; остановили выбор на молодых возрастах (родившихся в 1897 и 1898 годах), хотя и не обученных, но морально еще не развращенных.

Всех призываемых — теоретически — могло явиться около 120 тысяч. Из них предположено было формировать совершенно новые части, в числе пяти дивизий (Самарскую, Сызрано-Хвалынскую, Симбирско-Ставропольскую, Уфимскую и Оренбургскую).

Добровольческие отряды оставлены были в неприкосновенности, но запасных частей для них формировать не предполагали.

Иными словами, задались широкими целями, пренебрегая насущными ежедневными нуждами.

Отсутствие опыта и знаний у главы военного ведомства полковника Галкина привело к весьма печальным результатам.

Из трех лиц, возглавлявших военное дело, один распоряжался, не зная дела (Галкин), другой — на фронте сражался и был уже ранен (Фортунатов), третий (Лебедев) — митинговал.

Все три лица были безусловно полезны: распоряжаться, т. е. подписывать приказы, беря на себя ответственность, кому-то надо было; нужен был пылкий темперамент для увлечения мобилизованных в бой; нужно было кому-то авторитетно объяснять и разъяснять цели и задачи общего дела.

Но настоящего-то хозяина, который во время бы подумал, где всю хлынувшую из деревень массу мобилизованных разместить, как ее одеть, накормить, а, главное, вооружить, — не было. Если с грехом пополам хватало помещений, то обуть призывных не было никакой возможности; приходилось на занятия и вообще из казарм

выводить людей в «дежурных» сапогах, остальные сидели в казармах босоногие.

Так как на местах органы по мобилизации (Воинские Присутствия и воинские начальники) или были деморализованы, или вовсе отсутствовали, то с явкой призывных случалось много неожиданностей. Несмотря на самую тщательную подготовку успеха мобилизации путем пропаганды, все же не обходилось без уклонений, без ропота, даже возникали бунты на этой почве. Ведь. большевизм был изжит населением только лишь в некоторых уездах Самарской губернии.

С большими трениями правительству удалось получить по мобилизации от населения к 14-му августа 1918 года около 21 тысячи.

Так как фронт требовал пополнений, то сразу же пришлось нарушить схему формирований и давать пополнения из мобилизованных малыми пакетами: только лишь удавалось сколотить с большим трудом малую горсточку, вооружить и одеть, как сейчас же надо было высылать ее на фронт, где шли непрерывные бои.

Но была еще и другая причина слабой успешности мобилизации. На призыв Комуча отозвались лишь десятки офицеров, а сотни и тысячи предпочли отсиживаться и выжидать. Благо, что предлог для отсиживания напрашивался сам собою: «Комуч» — «эсэры», «керенщина». Но это был лишь предлог. Масса офицерства не пошла к Комучу так же, как она не пошла и на призывы всех последующих властей (Директории, Колчака и др.). Но что не удавалось белым правительствам, то с успехом достигали большевики. Так, например, там же на Волге товарищ Муравьев, даже накануне своего предательства (второго по счету), сумел в Казани (накануне ее перехода во власть белых), собрать тысячи офицеров простым приказом: «Приказываю всем г.г. офицерам всех родов оружия, всех чинов и возрастов, завтра в таком-то часу явиться туда-то для беседы со мной. Комфронта Муравьев». И все пришли. Даже угроз не было высказано — простой тон приказа подействовал.

Уставшее, изверившееся, пришибленное морально, истерзанное нравственно, утерявшее веру во все идеалы, оплеванное, поруганное, нищенствующее офицерство постепенно в массе своей утрачивало те яркие черты своего характера, которые столь выгодно всегда выделяли массу кадрового офицерства: жертвенность, верность долгу и традициям, высокое понятие о чести, а, главное, веру в правду своего дела. Поэтому сотни и тысячи офицеров остались глухи, а отозвались лишь десятки. Эти десятки должны были обладать достаточно сильным стимулом, чтобы привязать себя к утлому суденышку Комуча; ни разность политических убеждений, ни незначительность шансов на удачу — ничто не остановило эти десятки. Не удалось дело Комуча, дрались под знаменами Директории, Колчака, атамана Семенова, Владивостокского Правительства всех оттенков, не замечая их. «Хотя бы с чертом, но против большевиков» — так коротко, но характерно выражал свой символ веры В. О. Каппель, и его «каппелевцы» пронесли твердо этот принцип от берегов Волги до берегов Тихого океана. «Каппелевцы» — это счастье, удача Комуча, которой Комуч даже и не сумел в полной мере воспользоваться; но этой горсти в несколько тысяч человек Комуч не может отказать в признательности никогда.

Итак, отсутствие принуждения и принцип добровольчества лишили Комуч тысячных готовых кадров офицерства. Эти тысячи, будучи мобилизованы, честно исполнили бы свою задачу... и призванная крестьянская молодежь была бы обучена, спаяна, и те пять дивизий, о которых мечтал Комуч, не были бы мифом.

Мобилизованные, достаточно развращенные фронтовой психологией, вместо твердых форм, рамок, очутились, выражаясь образно, в помещении с мягкими подушками. Как только солдаты это почувствовали, они обратились в мало дисциплинированную толпу.

Таково было внутреннее настроение почти всех 20 тысяч поступивших по мобилизации. И это было самое

плачевное.

Будь в этих частях, вернее, толпах, хоть капелька энтузиазма (я не говорю о пафосе), они показали бы чудеса, и своим духом во сто крат восполнили бы недостаток обучения.

Ведь говорили же соседи — уральские казаки: «Нам оружия не надо — мы его добудем на фронте; отправляйте нас туда поскорей». Так говорили представители команд старослуживших уральцев одной из станиц начальнику штаба войска, узнав, что большевики подошли на 5 верст к городу Уральску. И старики, действительно, явились на фронт с вилами, пешнями, на подушках вместо седел — и победили. В Самаре же отсутствие сапог подвергало солдат в уныние; малый рацион портил им настроение и увлекал до ропота на власть Комуча, а недостатком оружия уже все поголовно оправдывали свой невыход на фронт. А так как все перечисленные недостатки были налицо, то естественно, и призванные Комучем контингенты не отличались доблестью. В лучшем виде показывали себя те из них, что шли на пополнение добровольческих отрядов, — там бодрый дух добровольца, его дисциплинированность, спайка импонировали. Воинские же части из мобилизованных отличались крупными недостатками: кадра почти не было, так как унтерофицеры не были призваны, а офицеров было капля в море; кроме того, офицер — хороший начальник, если он чувствует, что за его плечами власть твердая, его поддержит; тогда он с легким сердцем взвалит на свои плечи тяжелую ношу; он, офицер, раз встал в ряды народной армии, может дать и должен дать полноценную работу. Но как же к этой возродившейся, как феникс, группе офицеров отнеслась власть? Было ли у агентов Комуча искреннее желание забыть все прошлое недоверие к офицерству, которое так ясно проявлялось в первые дни революции?

Нет, решительно ничего не было сделано по отношению офицерства, пришедшего добровольно под стяг

Комуча: ни ласки, ни подбадривания, ни хорошего обеспечения материального. Наоборот, и уставы, и митинговые речи, и советы, столь щедро раздаваемые агентами Комуча — все указывало на то, что авторитет офицера-начальника, вместе с тем и дисциплину, вряд ли удастся поднять на должную высоту. Офицер никогда не боится воинских строгостей, но офицер требует определенного режима. Офицер кадровый правильно всегда понимал близость к солдату, и миллионы исторических примеров доказывают и показывают, что такая близость солдата к офицеру была в русской армии. Но близость, рекомендованная агентами Комуча, — проводить все время с солдатом, даже и тогда, когда по уставу революционному солдат уже не солдат, а «товарищ», — только принижала офицера, роняла его авторитет, и вела к панибратству. Вот если бы Комуч имел возможность влить в части своих партийцев сознательный элемент, с ними и офицеры, наверное, сумели бы взять соответствующий, если хотите, товарищеский тон. Так было в добровольческих частях. С элементом же, призванным по мобилизации, да еще и молодым по возрасту, требовались иные приемы.

В то время, как волжский фронт, преимущественно русские добровольческие части, изнывал в непрерывной боевой страде; в то время, как Комуч изыскивал всевозможные средства, дабы облегчить фронт, и бросал по частям новые формирования; в то время, как волжская чешская группа, возглавляемая генералом Чечеком, уже начинала нервничать, видя медлительность русского руководства в вопросе организации вооруженных сил, — в центре Западной Сибири, Омске, тотчас же после свержения большевиков, организуется вторая власть, претендующая на общее государственное значение; эта власть, также в первую очередь приступила к организации армии; и этой власти местное чешское командование так же в мере сил и возможностей оказывала содействие.

Два центра — Самара и Омск; две власти с государственным аппаратом, но с той огромной разницей, что самарская власть на фронте была окрещена бое-

вым огнем; ее формирования, как сухой хворост, быстро сгорали в непрерывных боях. Сибирский же центр лежал на несколько сот верст от фронта и работал в обстановке полного покоя. Казалось бы, нечего желать более выгодной обстановки: на Волге прикрытие, в Омске (в Сибири) накапливание сил; восполняя одно другое, оба правительства идут к одной цели, и у Омска и у Самары одинаковой, — сокрушить большевиков. Связующим центром обоих правительств посланы самой судьбой чешские легионы. Но параллельно с государственными задачами, принятыми обоими правительствами в их работе, развиваются и аппетиты к власти. И Омск и Самара спешат, рвутся к главенству. Больше того, с течением времени, их интересы все более и более сталкиваются, что порождает сначала неудовольствие, затем огорчение, а позже ненависть. И вот, между Омском и Самарой загорается борьба. Правда, до вооруженного столкновения борьба еще не дошла, но выливалась в таможенную борьбу, еще худшую, так как эта последняя борьба, кроме чисто экономических ущербов, наносимых обеим сторонам, обычно отличается упорством и длительностью.

Чешское командование и чешские политические руководители имели все возможности положить конец этой борьбе, но они этого не сделали. Почему?.. Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложный, и теперь, заканчивая обрисовку характерных линий первого периода, мы еще не владеем всеми данными, чтобы исчерпывающе осветить роль чехов вообще, а по данному вопросу зарождения, существования и столкновения двух властей (Омской и Самарской) в частности.

В результате столкновения Омска с Самарой демократическое движение Поволжья и Сибири получило нежданно-негаданно таможенную границу, разрезавшую территорию, поднявшуюся против большевиков, на две враждебные стороны.

Борьба этих двух русских правительств, приведшая к установлению таможенной границы, была не только не-

ожиданна, но и непонятна массам, и в то же время она была на руку одним лишь большевикам. Они ликовали. Разрыв с Омском, кроме прямого вреда, оказал отрицательное влияние и в другом отношении. Атаман Дутов и территориально (через Троицк — Челябинск) и духовно был всецело связан с Сибирью. Ясно, что разрыв с Омском заставил сильно призадуматься атамана, и он решил, не взирая на Комуч, связи с Сибирью не порывать. Такое решение Дутова подрывало авторитет Комуча. Так действовал «союзник» Дутов — сам член Комуча. Чего же можно было ожидать от уральцев, никакими узами не связанных с Самарой? И мы видим, как уральцы начинают сначала бессознательно, а потом сознательно, третировать Комуч и все, что с ним связано.

Итак, сложившиеся взаимоотношения между Самарой и Омском неблагоприятно видоизменили отношения с «союзниками». (Атаманом Дутовым и уральцами). С приездом Чернова положение еще более заострилось: правда, офицерство продолжало по прежнему работать под знаменем Комуча; но, принадлежа, как и весь остальной добровольческий состав, преимущественно к буржуазному слою, оно было враждебно Чернову. Враждебность к Сибири и приезд Чернова в Самару в первый период борьбы своих отрицательных результатов еще не дали, но они посеяли недоверие, которое медленно, упорно и верно подтачивало с таким трудом воздвигнутое здание.

Итак, первый период борьбы на Волге можно считать законченным: противники, союзники и нейтральные элементы и группы более или менее отчетливо определились; участок Волги, средний, центральный в руках противобольшевицких организаций, вооруженным силам которых удалось пересечь Волгу и закрепиться, насколько возможно прочно, на правом ее берегу; подсчет вооруженных сил и группировок по фронту и в глубину определился; ясны были и взаимоотношения между союзниками всех степеней и оттенков. Далее, план военных операций намечен; хотя, правда, еще колеблятся этот план

окончательно зафиксировать, благодаря чему самое распределение сил не всегда этому плану соответствует. Как бы то ни было, но к началу августа значительных неясностей в обстановке как политической, так и в военной, налицо не было и, казалось бы, возможно было уже остановиться на определенном плане дальнейших действий и приступить к решительным операциям на фронте.

Что касается привлечения на свою сторону союзников иностранцев, то надо отметить, что Комуч блестяще провел одну сторону решения — группа чехов, с генералом Чечеком во главе, была привлечена на сторону Комуча; но ни дня, ни часа ухода чехов с фронта никто не знал, а возможность ухода не только не исключалась, но с каждым днем все более и более становилась близкой к реальному осуществлению. Совершенно не был разработан вопрос о привлечении на фронт Волги остальных чешских частей, столь щедро разбросанных по направлениям и для целей второ-и даже третьестепенных за Уральским хребтом. Этих чешских частей Комуч так и не увидел на своем фронте.

Союзники великодержавные, надававшие столь обильно всяческих обещаний, не только не дали ни одного солдата, но даже не дали уверенности, что солдаты будут. Правда, союзники эти в конце концов обманули надежды не одного Комуча, а всех, кто на них когда либо расчитывал в гражданскую войну. Комуч лишь был более доверчив и наивен: ведь, в сущности говоря, ни одного настоящего представителя великих держав ни при Комуче, ни вообще на Волге не было. Все эти господа Гинэ, Жано и т. д., говорили от себя лично; за ними не стояла ни власть, ни общественное мнение их страны. Была значительная неясность и в основной задаче, разрешать которую взялся Комуч. Комуч объявил борьбу с немцами, восстановление фронта, но на деле борьба была с большевиками, а немцев, кроме военнопленных Заволжья и Сибири, так никто на Волге и не видел. Возможно, что некоторые из членов Комуча серьезно верили, что борьба будет лишь с немцами, но в действитель-

ности приходилось вести борьбу только с большевиками, которые всюду и несли угрозу самому существованию Комуча.

Добровольческие формирования сейчас же вступили в борьбу с большевиками; здесь было офицерство, буржуазия и вообще элементы, от большевиков пострадавшие.

Командование требовало солдат без различия от их назначения, лишь бы были одеты и вооружены... И началось постепенное, медленное переливание крови из формирований народной армии в добровольческие формирования фронта. Первая так и не закончила своего образования в целом, а расхватана была по частям, — добровольческие же части, уплотненные солдатами Народной Армии, выполняли свою задачу хорошо.

С течением времени Народная армия превратилась без остатка в добровольческие части; сохранилось лишь название, которое было придано, с большей или меньшей долей основания, штабу при генерале Чечеке, и совершенно неосновательно всем добровольческим формированиям. Эти последние так до конца волжской эпопеи, да и в дальнейшем, конечно, тем более, не приняли на себя названия Народной армии, а именовались по фамилиям начальников и самого популярного из них — Каппеля. «Каппелевцы» — это название сохранилось навсегда и пережило не только Комуч, но и Директорию и Колчака, через весь Сибирский поход до Дальнего Востока.

Таким образом, Народная армия была лишь в идее. Добровольческие отряды не носили названия Народной армии: обычно они именовались по фамилии начальников, а их более мелкие организационные подразделения именовались по тем территориям, откуда шли добровольцы (Самара, Сызрань и пр.). Так как наименования предполагаемых к формированию пяти дивизий «Народной армии» (Самарская, Сызранская и др.) совпадают с названиями некоторых добровольческих отрядов, то, естественно, широкая публика существовавшие добровольческие части смешивала с существующими лишь

в плане, на бумаге, дивизиями «Народной армии». Путанице понятий много содействовал и штаб Галкина, носивший, до переименования его в Военное Министерство, название «Штаба Народной Армии». На деле ни добровольцам, бьющимся на фронте, ни штабу фронта Поволжского (штаб генерала Чечека), было не до того, чтобы разбираться детально в вопросе, где кончается «Народная армия» и где начинается добровольчество: обе организации проходили под флагом Комуча, почему на них, без различия их качественного и количественного значения, и перенесено было общее наименование «Народная армия».

Добровольцы предпочли именно это название другому слишком одиозному — «Армия Комуча»; позже имя «Народная армия» постепенно затушевалось, будучи вытеснено именем наиболее популярного вождя — генерала Каппеля.

4. ВТОРОЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ НА ВОЛГЕ

Для более рельефного разграничения обоих периодов борьбы «Народной армии» на Волге уместно будет схематически напомнить стратегическое положение фронта белых на Волге к концу июля 1918-го года.

Оно было таково: Симбирск (Каппель) — Сызрань (Бакич) — Хвалынск (Махин), — вот тот почти двухсотверстный барьер на правом берегу Волги, за который прочно зацепилась белая армия.

Чешские части (1-ый, 4-ый и запасный полки) держались в стратегическом резерве и частично расходовались лишь в крайнем случае, при неустойке добровольцев, как то было под Сызранью, а затем у Хвалынска, где отдельные чешские роты укрепляли положение, или для ликвидации бродячих или прорвавшихся где-либо на флангах (через р. Каму, например) отдельных отрядов красногвардейцев и, наконец, для вспомогательных операций на левом берегу Волги, в районе Николаевска (батальон Воженилика). Имея в своем непосредственном

распоряжении не более 15-17 тысяч винтовок, командующий войсками Волжского фронта генерал Чечек естественно медлил с постановкой войскам дальнейших широких целей, вытекающих из общего первоначального плана и требующих для движения на север новых свободных сил.

Между тем Гайда к этому времени (конец июля) уже овладел всей Сибирской магистралью до Байкала; соединение его с владивостокской группой чехов (г. Дитерихса) значения особого не имело, так как ясно было, что никаких союзников во Владивостоке нет и не будет, да и расчитывать на быструю подачу оттуда боевых припасов было, пока-что, нельзя.

Следовательно, генералу Чечеку приходилось расчитывать лишь на свои силы, да на содействие ближайших «союзников» — уральцев, оренбуржцев, и на войска района Ижевского и Воткинского заводов: уральцы были на левом фланге общего стратегического расположения; рабочая армия (Ижевских и Воткинских заводов) — на правом фланге, и Дутов — за центром.

Все «союзники» были связаны конвенциями весьма условного характера. Если рабочая армия, удаленная на 200 верст уступом назад от Волги и находящаяся в полукольце армий противника, не могла идти в счет, то расчитывать на ближайшее участие казачьих армий в операциях Волжское командование безусловно могло. Через уральцев открывался путь к соединению с Южной Деникинской армией, с которой уже налаживалась связь.

Под влиянием указанной обстановки командование на Волге постепенно начинает склоняться в сторону Юга, где был сильный, а для русских к тому же и авторитетный союзник в лице генерала Деникина.

План в общих чертах был намечен: взятие Саратова ставилось ближайшей целью, и под ударами трех сходящихся в одной точке сил — Деникин с юга, уральцы с Востока и Махин с севера — участь этого важного пункта могла быть предрешенной. Связывали руки два следую-

щих обстоятельства: во-первых, необходимость ликвидировать сопротивление противника в Николаевском уезде, где отряд Чапаева (из военнопленных мадьяр и красногвардейцев) давно был бельмом на глазу; во-вторых, нужно было преодолеть условности «союзнических» конвенций, поставив армии уральцев и Дутова в строго определенное военное подчинение командованию Чечека.

Но к этому времени предвестники политических неудач Комуча уже были налицо: первое Челябинское Совещание на предмет сговора с Омском, закончилось ничем. С большим напряжением и нетерпением фронт ожидал дальнейших шагов в этом направлении и дальнейшего расширения политического влияния «Комуча» над казачьими правительствами.

Противник, имевший в районе Волги и Камы пять армий, не мог существенно нарушить стабилизацию фронта белых в течение ближайшего времени: его армии были, по существу, на бумаге и состояли из разрозненных красногвардейских формирований, сдобренных, правда, в значительной степени коммунистическими отрядами, продолжавшими поступать из глубокого тыла, но вся эта масса была весьма неустойчива. Последние неудачи, сопровождавшиеся потерей среднего течения Волги, открытое выступление чехов, восстание заводских рабочих и неналаженность управления — все это вместе взятое сильно понижало боеспособность противника и уменьшало его активность.

Можно ли было опасаться серьезного удара со стороны противника, где самые надежные части «бастуют» (4-ый Латышский полк), а Вацетис (главный начальник фронта и всех пяти армий) разыскивает по телеграфу «всем, всем, всем» «болтающегося по тылам» командарма 2 Тухачевского. Группировка сил противника (4-я армия против Сызрани, 1-ая Симбирская, 5-ая — в районе Казани, 2-ая по р. Каме, против заводской рабочей армии, и 3-я против Екатеринбурга) также благоприятствовала белым: все армии были ненадежно связаны и утеряли

стратегическую инициативу, а район Саратова предоставлен был собственным силам.

Как мы видим, условия для противников большевиков создавались достаточно благоприятные, но вот, как гром среди ясного неба, из Симбирска начали поступать весьма тревожные сведения от одного из главных военных комиссаров Комуча, члена партии с.-р., В. И. Лебедева.

Вскоре после взятия полковником Каппелем Симбирска, составилось там совещание. В совещании приняли участие: П. Степанов, командир 1-го Чешского полка, русский кадровый офицер; он—главный военный начальник в районе Симбирска; полковник Каппель и эсэры, члены Комуча — Фортунатов и Лебедев. В ночь с 26-го на 27-ое июля совещание решило направить военные силы на Казань.

Самара (Вольский, председатель Комуча, Чечек и другие) приказывают не заваривать каши, которую придется расхлебывать другим.

Генерал Чечек дал приказ (в 2 часа ночи с 1-го на 2-е августа) Степанову — «не наступать и прибыть вместе с Каппелем в Самару».

Полковник Каппель сам лично был против похода на Казань, но непосредственно был подчинен своему ближайшему начальству, полковнику Степанову, и обязан был выполнять его распоряжения.

Приказ командующего исполнен не был, и войска были двинуты по приказу полковника Степанова на Казань, которая и пала 7-го августа.

Каковы же материальные результаты взятия Казани?

Правда, был взят золотой запас, около 1½ миллиона рублей, и масса боевых запасов, но Комуч был вынужден передать золотой запас Директории, а позже Колчаку, а боевых запасов не удалось вывезти, и они вернулись через месяц большевикам. Остальные же надежды виновников Казанского похода не осуществились. Наш пра-

вый фланг не укрепился, а ослаб, повиснув в воздухе и очутившись пред постепенно увеличивающимися силами противника. Источник хлеба большевиков — Каминский район — остался в их руках (2-ая армия). Мобилизация в Казани дала крохи: из десяти тысяч офицеров всего набрали едва тысячу, да и та в главной массе рассосалась по тылам. В общем, взятие Казани нанесло всему общему делу непоправимый ущерб, а именно: 1) Авторитету главного командования был нанесен удар. Правда, 10-го августа, когда я вступил в должность начальника штаба войск Волжского фронта, полковник Степанов был предан полевому суду и вызван в Самару, но он предпочел дезертировать, и я его больше не видал не только в районе Волги, но и много позже, в районе Сибири. Лебедев явился в Самару, по пути к своей новой командировке, принес полковнику Чечеку свои извинения, сопроводив их фразой «победителя не судят» и «повинную голову меч не сечет». 2) Взятие Казани заставило потерять две недели (с 26-го июля по 7-ое августа), в течение которых отряд Каппеля (частично, конечно, не оставляя совершенно Симбирска), с успехом выполнил бы операцию, совместно с батальоном чехов Воженилека, по ликвидации Чапаева. Вероятно, Николаевск был бы взят не временно, на один день (20 августа), а значительно раньше и навсегда. 3) Продвижение Махина к Вольску тормозилось все время действиями против нашей флотилии, сильно облегчавшей тяжелый путь Махина, того же Чапаева. Можно сказать, что взятие Казани помогло Чапаеву вырости почти в легендарную фигуру всего Заволжья. 4) Неподчинение Степанова распоряжениям Самарского командования отразилось очень печально на прочности общего противобольшевицкого фронта: Уральцы, стремясь на соединение с войсками Самары, выполняя не только приказания, но и все пожелания главного командования, после казанского похода сильно охладели к Самаре, усмотрев в факте взятия Казани неблагоприятный для них признак, а именно перенесение центра тяжести главных операций на правый фланг, а не на ближ-

ний им, левый. Они стали к голосу Самары почти равнодушны: «Раз со своими не умеете справляться, то нет вам нашего подчинения — вы сами себя лишили права на это. Ваша зараза передастся и нам — надо от вас держаться подальше». Так ответил мне, начальнику штаба фронта, один из крупных начальников ближайшей к Николаевску группы уральской армии генерал Мартынов. Что я ему мог ответить?.. Со взятием Казани фронт на Волге необычайно растянулся: ограничившись закреплением за нами устья и нижнего течения р. Камы, мы тем самым надежно обеспечили бы свой правый фланг и могли бы, перегруппировавшись, продолжать планомерное наступление к Саратову, заручившись прочной поддержкой казаков.

После падения Симбирска (22-го июля) большевики ударили в набат и бросили все, что могли, на Волгу.

Падение Казани подняло на ноги весь коммунистический аппарат: не только были мобилизованы все рабочие и волна коммунистических отрядов хлынула к Казани, но обнажен был фронт западный и отчасти южный, и все направлялось сюда, на Волгу.

Прибыл к Казани Троцкий, и 5-го сентября началось общее наступление большевиков на Казань.

Каппель во главе довольно импровизированного отряда пытался нанести удар большевикам по правому берегу Волги, в направлении Свияжска, но напрасно!

Через пять дней после начала общего наступления большевиков на Казань — Казань пала (10-го сентября 1918-го года).

За этим последовало падение Симбирска (12-го сентября) и Вольска (13-го сентября). Район Николаевска с Чапаевым во главе поднял голову и его удары следовали один за другим. Эта постоянная угроза держала Комуч и все население города Самары в приподнятом, нервном состоянии: ждали, что Чапаев вот - вот прорвется к железной дороге и прекратит связь Сызрани с Самарой, или, еще того хуже, захватит железную дорогу Самара — Кинель. Об активных операциях, об исправле-

нии положения никто не думал — молчаливо было решено держаться в Самаре, пока в Уфе не закончится процесс образования какой-то новой власти.

Уфимское совещание, третье по счету после двух неудачных Челябинских, грозило также разрядиться в пустую: собравшись 8-го сентября, не взирая на поступающие с фронта зловещие признаки, русские делегаты не находили общего голоса.

23-го сентября, наконец, в Уфе родилась новая власть, но, увы, через неделю пала Сызрань (2-го октября), а еще через пять дней белые очистили и Самару.

Сто семь дней власти Комуча окончились трагически, и войска чехов и русских добровольцев начали стихийный отход от берегов Волги, где они грудью своей сдерживали противника в течение ровно четырех месяцев.

В Уфу прибыл лишь скелет бывшей «Народной армии», скелет, которому не суждено было обрости плотью.

С. А. Щепихин

Как происходило снабжение Чехословацкой армии?[1])

Генерал Сахаров в своей книге «Белая Сибирь» упрекает нас в том, что мы имели русскую форму, оружие, сукно, продукты, упрекает нас в производстве реквизиций не только в государственных складах, но и частного имущества, вообще «всего, что только попало под руку, не считаясь с тем, кому это принадлежало». Как же было на самом деле?

Чехословацкая армия получала все ей необходимое, следовательно, и русское обмундирование, вплоть до 1-го апреля 1918-го года от русских (украинских) государственных военных учреждений. До этого времени отдельные части нашей армии имели право, точно так же, как и чисто русские части, производить, в случае необходимости, законные реквизиции и выдавать в том соответствующие расписки. Право это осталось в силе также и тогда, когда часть армии покинула уже позиции, и за это она, согласно договора, должна была поддерживать в местах своего расположения общественный порядок. В то время в армии было еще много русских начальников, офицеров и интендантов. Приблизительно, после бахмачской битвы

---

[1]) Из брошюры Фр. Шипа, известного чехословацкого деятеля, под заглавием: «Наше хозяйство на Руси».

которые тогда случайно приехали в Москву. На состоявшейся затем в Московском Народном Банке встрече с ними, я ознакомил их с целым планом переброски нашего корпуса во Владивосток и просил их об оказании помощи. Их было тогда, кажется, 9 человек, и представляли они кооперативы разных сибирских городов, расположенных исключительно по главной железнодорожной линии.

Почему я к ним обратился? — В январе и феврале 1918-го года в Сибири также происходил большевицкий переворот; Сибирская Дума была разогнана и, подобно Европейской России, здесь также прекратили свое существование все промышленные и торговые организации. Остались только кооперативы, игравшие во время войны весьма крупную роль в деле снабжения русской армии. Это были довольно опытные и хорошо организованные предприятия с большими торговыми оборотами. В 1917-м году, когда возникала масса затруднений и чувствовался большой недостаток в товарах, кооперативы являлись почти единственными, сравнительно солидными, предприятиями, снабжавшими всем необходимым население русских городов и деревень. Русские кооператоры, как элемент более консервативный, пытались в 1917-м году воспрепятствовать падению гражданского правительства. Кооперативы вместе со своим финансовым центром, Московским Народным Банком, долгое время пользовались неприкосновенностью со стороны советов, которые не производили у них национализаций и ограничивались лишь тем, что основывали, в противовес старым гражданским кооперативам, кооперативы рабочие. Этим последним передавались склады и магазины частных торговцев, имущество которых было конфисковано. Таким образом, после сибирского переворота и национализации банков кооперативы являлись для нас единственными организациями, с которыми можно было вести переговоры. Указанные представители сибирских кооперативов, ссылаясь на бунты среди венгерцев и немцев и на иные слухи, высказали сомнение относительно нашего

проникновения в Сибирь вплоть до Владивостока, но во всяком случае они заверили меня в своих симпатиях и обещали помогать в деле снабжения. Несколько членов совещания вместе с тем заявили, что ближайшим поездом уезжают в Сибирь, чтобы предупредить друзей о приезде наших войск и произвести необходимые приготовления. Представитель кооперативов Пригарин довел до сведения советских властей о проектированных операциях по снабжению нашей армии. Заключенное соглашение было затем подтверждено Московским Народным Банком, который взял на себя урегулирование финансовой стороны целой операции. Расчет с ними я должен был произвести в Москве после окончания перевозки во Владивосток. Перед своим отъездом в Сибирь я на всякий случай (по собственной инициативе и для своего успокоения) попросил французское консульство в Москве, чтобы оно гарантировало Московскому Народному Банку и его кооперативам ту сумму, в размере которой был нам открыт кредит. Устроив это, я сначала поехал в Пензу, где на 9-ое апреля 1918-го года было назначено совещание начальников хозяйственных частей, на котором я сделал доклад о плане снабжения. Нашей интендантской базой на время перевозки армий был назначен Курган. Интендантами были приглашены, вернее, назначены офицеры Петрш и Гайна. Вместе с тем с ближайшими поездами были высланы вперед особые комиссии по снабжению, состоявшие без исключения из надежных добровольцев. Этим последним была выдана необходимая сумма денег, чтобы они имели возможность закупать на местах для проезжавших воинских поездов предметы снабжения, которых кооперативы, как оптовики, поставить не могли. Эти комиссии, кроме того, должны были содействовать связи между кооперативами и нашими воинскими поездами. Деятельность комиссий развертывалась, начиная Самарой, дальше на восток, в Аксаково-Белебее, Уфе, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Станице Татарской, Ново-Николаевске, Мариинске, Красноярске, Кан-

ске, Иркутске, Верхне-Удинске, Чите и Благовещенске, — Бочкареве.

Снабжение проезжавших поездов сначала встретилось с значительными затруднениями, которые в Кургане исходили со стороны председателя Губернской Продовольственной Управы Белобородова. Позднее эти препятствия удалось преодолеть и снабжение проходивших наших поездов происходило беспрепятственно. Значительные препятствия оказывали также советские продовольственные учреждения в деле поставки скота и муки из Сибири поездам у Пензы, где в конце апреля и в начале мая 1918-го года создалась прямо критическая обстановка, ибо район, как уже раньше было сказано, был обобран «мешечниками», и наши войска, остановившиеся здесь на несколько недель, быстро использовали остатки запасов. Чтобы выйти из затруднительного положения, перед местными властями были предприняты соответствующие шаги, поддержанные французским майором Гинэ. Но это не дало никаких результатов. Когда же я указал члену Президиума Краевого Совета в Омске на то, что наши войска у Пензы голодают, он ответил мне просто: «Пусть поголодают, наши товарищи в Петербурге тоже голодают», и, вместе с тем, твердо заявил, что запасов у них нет и что продовольствия достать нигде невозможно. Они в то время, действительно, сами производили в деревнях вооруженные реквизиции, потому что крестьяне добровольно давать ничего не хотели. Когда я ему ответил, что не совсем согласен с его выводами относительно хозяйственного положения края и прошу о выдаче мне лишь разрешения на вывоз, об остальном же, как о приобретении продуктов, так и о расчете за них, я, постараюсь сам, он предложил мне, в присутствии майора Гинэ, чтобы я, как чех, поступил к ним на службу и что мы, чехи и они, латыши, вместе сумеем надлежащим образом вести русское хозяйство. Я поблагодарил.

*
**

С самого начала отъезда из Украины при Финансовом Управлении функционировала трехчленная летучая ревизионная комиссия, состоящая из легионеров Стрнада, Крыхталка и Рыбина, которая неожиданно производила ревизии полковых хозяйств и интендантств и, главным образом, наблюдала за тем, чтобы части, произведшие реквизицию продуктов, не вносили в ведомости денежных сумм на расходы по довольствию.

О реквизициях велись записи, и когда в наши склады попадали реквизированные вещи, то на основании сообщений данного уполномоченного министерства снабжения составлялись на них соответствующие фактуры, согласно максимальных цен, установленных властями, причем к общей сумме приписывалось 10-15% на расходы по приобретению. Как русские власти расчитывались потом с крестьянином, производителем или торговцем, нас это не касалось.

Наши лошади также являются предметом упреков генерала Сахарова, который утверждает, что мы вывозили в Чехословакию даже кровных лошадей, что продавали лошадей на восточных рынках и что мы приобретали их незаконным путем. Если бы он утверждал, что мы пришли в русский плен пешком, он был бы прав, ибо никто из нас не попал в плен на лошади; действительно, мы не имели с собой ни австрийских, ни чехословацких лошадей.

Уезжая из Украины, мы взяли с собой в поезд только 1-2 пары лошадей для нужд снабжения. Значит, мы не имели также большого числа украинских лошадей, ибо мы их сдали в районе Курск — Орел — Воронеж советским властям. С началом военных действий в Сибири, естественно, нужно было раздобыть лошадей для разведочных частей, полков и баталионов, для артиллерии, снабжения и т. д. Еще большая необходимость возникла в них с возникновением Урало-Волжского фронта. Большевики имели ту выгоду, что в их распоряжении была собственная кавалерия, которая проникала глубоко в наш тыл, на-

падая на наши части или же отрезала нас от тыла. Необходимо было приобрести собственных лошадей. С этой целью нужно было раздобыть прежде всего средства и источники, откуда можно было бы приобрести лошадей. На помощь нам пришли уральские и, частично оренбургские казаки, равно как и башкиры и киргизы. От председателя правительства последних (правительство это называлось «Алаш Орда»), которого я знал еще по Омску, мне удалось получить во время свидания с ним в Уфе разрешение на вывоз 2.000 лошадей, которые были затем нам доставлены из киргизского Семипалатинского округа. Переговоры по этому вопросу, завершившиеся соглашением, происходили во дворце имама в Уфе. Больше лошадей они нам дать не могли, потому что формировали два добровольческих полка кавалерии, которые, однако, позже не были приняты генералом Ивановым-Риновым в ряды русской армии по той причине, что они «инородцы».

Для покупки лошадей была организована специальная комиссия, состоявшая из трех секций, под руководством русского генерала и офицеров-специалистов, равно как и наших академиков-хозяйственников, ветеринарных врачей, бывших кавалерийских офицеров (Кулич, Ружичка, Гальбгубер, д-р Ленфельд и др.). Сборной станцией был Курган, начальником которой состоял бывший управляющий экономией, ныне арендатор имения Велика. Из закупленных лошадей был сформирован сначала первый кавалерийский полк, а некоторое время спустя — второй кавалерийский полк.

Большие затруднения возникали при расчетах за лошадей. Сибирские крестьяне не принимали других денег, кроме пятисотрублевок, «сотенок», «красненьких» и т. д., т. е. денег царского правительства. Они принципиально не принимали ни думских тысячерублевок, ни мелких «керенок», ни «сибирек». Много надо было труда, прежде, чем мне удалось обменять в русских отделениях Государственного Банка на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке мелкие денежные знаки купюры на указанные царские

деньги, которые и там всюду прятались. Значит, утверждение генерала Сахарова, что лошади будто бы были захвачены, не отвечает истине. Отдельные реквизиции имели место в начальной стадии сибирского похода и во время боев, когда во что бы то ни стало надо было раздобыть лошадей для орудий и разведочной службы; эти реквизиции, однако, были постепенно оплачены. Покупка лошадей производилась также и на Дальнем Востоке, а именно для нужд группы генерала Гайды, оперировавшей в Забайкальи, и группы владивостокской, находившейся под командой генерала Дитерихса.

Вещевое Отделение Финансового Управления чехословацких войск в России вело точный учет всех лошадей, приобретенных для нужд армии (около 12.000) и состоявших под наблюдением армейского ветеринарного врача д-ра Ленфельда и его заместителя. Некоторые наши офицеры и генералы, правда, также имели своих собственных лошадей, но способ, каким они были приобретены, являлся в каждом отдельном случае предметом особого расследования со стороны Высшего Контроля; даже и здесь не были установлены незаконные способы приобретения.

Что же касается кровных лошадей, то я помню лишь то, что однажды Высшему Совету Снабжения было сообщено, если не ошибаюсь, полковником Бобрыком (по инициативе министра Серебренникова, — казака по происхождению), что в районе между Орском и Троицком находится конский завод, в котором было около 30 кобыл, и вместе с тем возбуждено ходатайство о том, чтобы нашей армии, находившейся недалеко от указанного района, было разрешено эвакуировать этот завод в Сибирь, дабы воспрепятствовать уничтожению его большевиками. Завод, действительно, был эвакуирован еще в 1918-м году в район Петропавловска и размещен в одном, специально для лошадей предназначенном и находившемся в ведении министерства земледелия дворе. Дальнейшей судьбой этого завода я затем уже не инте-

ресовался, будучи удовлетворен тем, что нам удалось исполнить просьбу нашего друга Серебренникова.

В 1919-м году, когда было приступлено к ликвидации конского состава, большая часть лошадей была продана в Иркутске местным властям, с согласия и под надзором комиссара Смирнова. В уплату за лошадей из складов Центросоюза вместо денег были выданы меха, оцененные по курсу золотого рубля. Другая часть была продана в Харбине, а остаток — во Владивостоке, совершенно гласно, после отъезда воинских частей, когда в лошадях у нас уже не было надобности. Продажей руководила особая ликвидационная комиссия во главе с полковником Гайным.

В Чехословацкую республику были привезены всего навсего четыре лошади, принадлежащие некоторым офицерам, непожелавшим расставаться с ними. Перевозка лошадей была засчитана отдельно.

***

Генерал Сахаров затем упрекает нас в том, что мы после ухода с Волги, будто-бы, начали перевозить в тыл военную добычу, как то: русские мундиры, оружие, сукно, обувь, и вообще все: сырье, машины, даже и медикаменты, автомобильные шины, большое количество меди из тюменьскаго района, которую мы, будто бы, вывезли в Чехию, и т. д.

Это — сознательная клевета. Подобные утверждения были мне известны еще с ноября месяца 1918-го года. Сплетни эти возникли во время наших разногласий как с генералом Гришиным-Алмазовым, так и с его преемником, генералом Ивановым-Риновым и другими политическими деятелями, когда мы требовали, чтобы всю тяжесть службы на фронте не несли исключительно чехословаки, но чтобы и русские войска были отправлены на фронт. Положение осложнялось политическими убийствами (редактора Маевского в Челябинске, председателя Закупсбыта Фомина в Омске и др.). Особая группа офицеров

из окружения адмирала Колчака уже тогда следила за нами, собирала всякие материалы, чтобы затем иметь возможность выступить с ними против нас.

В чем, собственно, было дело? На 7-ое сентября 1918-го года в Уфе было назначено совещание с целью образования единого правительства, т. е. указанной уже Директории, вместо правительств сибирского, уральского, поволжского, т. е. трех провинциальных правительств. Я, вместе с инженером Павловским, принял участие в этом совещании как член Высшего Совета Снабжения, и, кроме того, как член ОЧНС; перед этим я посетил Самару совместно с первым заместителем ОЧНС Богданом Павлу, чтобы лично познакомиться с экономическим положением. Как я уже раньше сказал, Высший Совет Снабжения настаивал на том, чтобы относительно большие запасы артиллерийских и ружейных припасов в Самаре и окрестностях, равно как и оборудование патронного завода в Симбирске и др., были перевезены с фронта в тыл. То же должно было произойти и с разным оружием (как, например, скорострельные орудия) и техническими материалами. С этой целью, по приказанию Высшего Совета Снабжения, как уже было указано, инженер Члупек и инженер Табор занялись исследованием района. Они определяли указанные запасы, в то время, как задачей органов самарского отделения нашего «Техода» было, на основании того же приказа, нагрузить и вывезти все эти запасы в Сибирь, ибо предполагалось перенесение фронта в район расположения тыла. В этом была необходимость, ибо с относительно небольшими силами нельзя было удержать огромное пространство от Казани к Самаре и по Волге вниз к Вольску. Возникала опасность, что ценные в военном отношении вещи будут захвачены большевиками. Несмотря на постоянные беспорядки на заводах и в складах, которые тем больше усиливались, чем ближе находились большевицкие войска; на пассивность железнодорожных органов в деле подачи поездов; на затруднения, причиняемые нам разными русскими генералами, вроде генерала Трехгубова, который приказал отло-

жить эвакуацию на один день, или генерала Галкина, старавшегося, в первую очередь, о вывозе своего имущества, — указанная эвакуация в большей своей части удалась. Всего было отправлено 21 поезд, не считая нескольких поездов, с которыми были вывезены боевые припасы на ближайшие фронты: николаевский, оренбургский и др. Равным образом, были вывезены в Сибирь металлы, в которых чувствовался там большой недостаток, как, например, олово, электролитическая медь, аллюминий, цинк, сталь, и самые необходимые машины для ремонта пулеметов, винтовок и орудий. Затем были вывезены запасы нефти, причем на ст. Бещанково большевицкая артиллерия взорвала нефтяной поезд. Все указанные припасы были вывезены в то время, когда в Сибири их или вовсе не было, или же нельзя было их привезти. Боевые же припасы, поскольку вообще их можно было достать, часто прятались по политическим причинам. Так, например, был случай, когда наше войско на уральском фронте испытывало большой недостаток в ружейных припасах и нередко некоторые части пользовались в боях даже «берданками». Артиллерийское ведомство в Омске утверждало, что припасов не имеет, и только после того, как мне удалось упросить одного хорошего моего знакомого, артиллерийского полковника повлиять на начальника сибирского штаба Белова, нашей армии были выданы 3 миллиона патронов, приобретенных из частных складов. Такова, в общем, была искренность монархического офицерства.

Следовательно, я не опровергаю утверждение генерала Сахарова, что фронт был эвакуирован. Почему эвакуирован — об этом, конечно, ген. Сахарову известно, но он забывает это добавить. Эвакуация, ведь, не значит захват чужого имущества, да, и кроме того, существовал здесь контроль: все эвакуационные поезда задерживались на первой входной сибирской станции, т. е. в Челябинске, органами Высшего Совета Снабжения, которые после предварительных совещаний назначали и контролировали направление, куда и что должно быть отправле-

но. Следовательно, о каких бы то ни было захватах вещей чехословаками не может быть и речи; ведь, нельзя же назвать захватом то, что часть обрабатывающих машин была послана в механические мастерские «Техода» в Екатеринбург, где изготовлялись технические припасы, которые затем выдавались, по соглашению с Высшим Советом Снабжения, по фактурам, в распоряжение как наших, так и русских или польских войск, в зависимости от того, какая была в них нужда и как распределение было утверждено Высшим Советом Снабжения. Точно так же вывозимые боевые припасы не сдавались исключительно нашему артиллерийскому складу в Челябинске, но перевозились также в русские склады в Омске, где во время разгрузки вагонов однажды произошел даже взрыв с человеческими жертвами. Об этом случае писали все газеты, и генерал Сахаров, наверное, знал об этом всем известном несчастьи. Из Самары была также вывезена русская государственная казна, в сопровождении чиновников Русского Государственного Банка, и, по соглашению с комиссаром заграничных дел Самарского Правительства и комиссаром финансов Рыковым, нашего конвоя, предоставленного чехословацким начальником станции Уфа, поручиком Сухим, ибо в то время между Уфой и Челябинском наступали по направлению от Троицка к Каме большевицкие части под командой немецкого лейтенанта Блюхера. Точно также нельзя было назвать обогащением или военной добычей вывезенное сукно и обувь из Симбирских заводов и из Казани, ибо это происходило на основании летнего совещания всех интендантов (следовательно, русских и чехословацких), назначенного Высшим Советом Снабжения. На этом совещании было установлено, что запасы воинского сукна и готовых мундиров в сибирских государственных складах относительно весьма малы и что поэтому, имея в виду, что фронт держится благодаря чешской и самарской армиям, чешские интенданты вместе с самарской армией должны принять меры для использования всех запасов в прифронтовых складах, как воинских, так и фабричных, чтобы

можно было обмундировать, прежде всего, войско в Поволжьи, т. е. части чехословацкой армии, принявшей там участие в тогдашних боях (другая же чехословацкая группа сражалась на Урале в направлении к Перми, третья оперировала еще в Забайкальи, а четвертая, владивостокская, на Дальнем Востоке), затем польские и югославянские части, равно как и самарскую армию. И лишь излишки должны были быть отправлены в Сибирь для нужд остальных чехословацких групп и возникавшей сибирской армии, равно как и новых, формировавшихся там, румынских и польских частей. Запасы не посылались напрасно в Сибирь; наоборот, готовые вещи оттуда в Самару. Вследствие этого, интендантство первой чехословацкой дивизии (Аусобский, Гофман) организовали в Уфе сапожные и портняжные мастерские, в которых изготовлялись мундиры и обувь для зимнего периода 1918-1919 года из материи и кожи, отпущенных им согласно постановлению, принятому на интендантском совещании, происходившем при участии представителей соответствующих министерств. Собственных фабрик в России у нас не было и, не имея возможности, благодаря отсутствию связи (такое положение продолжалось вплоть до окончания боев), воспользоваться французским кредитом, предоставленным нам для закупок на Дальнем Востоке, мы должны были избрать именно такой путь самопомощи, который, впрочем, соответствовал содержанию протокола переговоров с Временным Сибирским Правительством от 22-го июня 1918-го года.

Нельзя, ведь, таким грубым способом упрекать нас в том, что у нас, как я уже выше сказал, организация снабжения была лучше и что все вопросы решались скорее, чем у русских с их бюрократическими порядками. В России большое значение придавали мундиру и погонам, и места в административных органах часто предоставлялись чиновникам, со способностями которых не считались и которые вели между собою постоянные интриги; Мы же обращали внимание на сущность дела и добрую волю. Нас, прошедших военные курсы снабжения

в Австрии, было в армии относительно мало; ведь, интенданты и офицеры снабжения, исключая гарнизон Перемышля, не имели такого случая, чтобы попасть в русский плен. Таким образом, случилось, что во главе органов снабжения у нас не стояли лица, не окончившие интендантских школ; начнем ли мы перечислять их сверху, то увидим, что полковники Гайны и Петрш занимались изучением истории в Пражском Университете, Завадилик был по своей специальности земледелец, Ваврох и Аусобский служили перед войной на частных местах, Гофман (интендант 1-ой чехословацкой дивизии) был банковским чиновником. Велик — наш начальник обоза, был по своей специальности управляющим экономией и, как исключение, окончил австрийскую школу снабжения, и т. д. Ни о ком, однако, нельзя сказать, чтобы их заставляли работать, каждый работал не за страх, а за совесть, у всех было развито чувство ответственности и обязанности, и притом все понимали, что если бы они не исполняли возложенную на них работу честно и самоотверженно, мы, наверное, в Сибири погибли бы. Эта общая опасность вызывала в нас желание работать и придавала нам мужества. Мозг работал по своему разумению, без предписаний сверху, ибо и в административном отношении мы должны были работать, полагаясь на самих себя. Так, без какой либо помощи со стороны, было построено управление целой армии. И если случалось, что не все проходило у нас без ошибок, то, в общем, во всех направлениях мы все-таки достигли лучших результатов, чем кто бы то ни было другой. Перед отъездом на родину мы получили тройное обмундирование (зимнее, весеннее и летнее), приобретенное в кредит в Японии, где наши специалисты сами наблюдали за производством материи. После того, как из нее была сшита и прислана для нас одежда, мы возвращали русским складам одолженные нам русские мундиры. Наш солдат всегда отличался опрятностью и бережным отношением к одежде. В этом, быть может, и скрывался тот успех, которым он пользовался у женщин, что, между прочим, не раз послужило поводом к спорам

на почве ревности. Разве мы виноваты, что сибирский солдат не проявлял подобных стремлений?

Генерал Сахаров упрекает нас в том, что мы реквизировали автомобильные шины, оцениваемые им в 40 миллионов золотых рублей. Это является явной и, наверное, сознательной бессмыслицей. Мне кажется, что он говорит о реквизиции нескольких вагонов автомобильных шин, которые были вывезены большевиками (чтобы они не попали в руки наступавших на Петроград немцев), как военное имущество, в Уфу, откуда мы их затем перевезли, как и остальные казенные вещи, в Сибирь. Этими шинами мы пользовались для нужд автомобильных частей армии, на что имели полное, протоколом от 22-го июня 1918-го года засвидетельствованное право. Но эти шины выдавались и русским частям, так что они шли на удовлетворение общих нужд. Должен, однако, сказать, что шины были уже довольно старые, гнилые, и часто лопались, на что нередко поступали из автомобильных частей жалобы. Эти шины вовсе не были пригодны для употребления в Европе, ибо были предназначены для автомобилей, изготовленных исключительно для России.

Генерал Сахаров говорит также о захвате медикаментов в сумме 3 миллионов золотых рублей. Это утверждение в одинаковой мере преувеличено. Я не знаю точно, где могла быть произведена эта реквизиция, но факт тот, что в начале боев у нас был большой недостаток как в докторах, так и в медикаментах и в перевязочных материалах. В результате этого в июне и июле 1918 года в Челябинске мы почти каждый день хоронили по 10-16, а иногда и еще больше, наших умерших добровольцев, которым нельзя было во время оказать достаточной помощи. Как на магистрали, так в одиновой степени страдали наши части, сражавшиеся в районе железнодорожного пути между Самарой и Уралом. Это послужило также причиной тому, что мы еще летом 1918-го года предприняли в Омске, как перед правительством, так и перед дамским отделением Русского Общества Красного Креста, шаги, чтобы нам была оказана соот-

ветствующая помощь. Еще в запротоколированном соглашении от 22-го июня 1918-го года говорится об убитых и об уходе за ранеными. Высший Совет Снабжения также заказал на Дальнем Востоке медикаменты. Позже помощь нам оказали японцы и американцы, после чего мы организовали на Дальнем Востоке специальное отделение для закупки медицинских принадлежностей.

За время первых сражений в 1918-м году были произведены по необходимости, в общем, следующие реквизиции медикаментов и перевязочного материала:

а) в таможне во Владивостоке и на ст. Пограничной, с разрешения русской реквизиционной комиссии, 26 сентября, 22 октября и 28 декабря 1918-го года — 1.000 ящиков молочных консервов для раненых в больницах, не считая иных некоторых мелочей.

б) корпусным складом лекарств в Челябинске, согласно разрешения министерства продовольствия от 25-го июля 1918-го года — 6 реквизиций ваты и разных лекарств, в период от 25-го июля до 29-го августа 1918 г.,

в) д-ром Панком за время сражений в августе и сентябре 1918-го года в Самаре и в Уже на барже № 5 — лекарства, перевязочный материал и приспособления для его дивизионной больницы, в сумме нескольких тысяч рублей,

г) доктором майором Прохазка на барже № 4 в Казани реквизирован газ и перевязочный материал (в каковых вещах чувствовался острый недостаток), в сумме также нескольких тысяч рублей.

В покрытие этих реквизиций были, однако, при отъезде возвращены владивостокскому складу лекарств из наших запасов лекарства и медицинские принадлежности на сумму свыше 25.000 иен.

По словам генерала Сахарова, выходит, что мы имели право только воевать и умирать за русское государство, раненые же и больные права на лечение не имели. Странные, нечеловеческие взгляды.

Вообще говоря, упреки генерала Сахарова относительно эвакуации военных припасов из Поволжья не уме-

стны также и потому, что в то время на большевицкой территории, значит, в Симбирске и в Казани, которые были временно заняты нашими и самарскими войсками, частная собственность была отменена, ибо известными советскими декретами частное имущество было национализировано и, следовательно, сражавшиеся армии были вправе считать его своей военной добычей, тем более, что дело шло об имуществе, имевшем для военных операций большое значение. Ведь, советы никому ничего не платили за национализированное имущество, и правительства же освобожденных территорий так же производили реквизиции для своих военных нужд.

Ф. Шип

1918 год.

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБЫВАТЕЛЯ)

В начале 1918-го года судьба столкнула меня с атаманом Дутовым. Первый выборный Войсковой Атаман Оренбургского казачьего войска Александр Ильич Дутов родился в семье казачьего офицера. По окончании кадетского корпуса, затем военного училища, казачьим офицером поступил в Академию Генерального Штаба, которую кончил по второму разряду, и потом был преподавателем юнкерского училища в Оренбурге. Во время мировой войны он был контужен в голову, причем некоторое время не владел речью и правой половиной тела. Все это скоро прошло. Революция застала его на фронте в качестве командира шефского Наследника Цесаревича 1-го Оренбургского казачьего полка. Выбранный делегатом с фронта на обще-казачий съезд в Петербург, Дутов быстро там выдвигается и становится потом председателем обще-казачьего союза.

Позднее он был выбран членом Учредительного Собрания. Во время корниловского мятежа Дутов занимает выжидательное положение. После подавления мятежа арестовывается Керенским, но вскоре же им освобождается. Ко времени большевицкого переворота, он уже выбранный Атаман Оренбургских казаков, печатно заявляет, что большевицкой власти не признает, и успевает

уехать в Оренбург. Вскоре по приезде его в Оренбург там составляется казачье правительство, не признающее власти большевиков. Отрезанное большевиками от остальной России в Оренбурге, оно печатает свои деньги, так называемые «дутовки». Завязывается вооруженная борьба с большевиками, которая идет с переменным успехом до конца 1917-го года. Наконец, большевики посылают на Оренбург матросские части, казаки бросают борьбу и бегут с фронта... Дутов остается в Оренбурге до последнего момента, и уезжает на рысаке, взятом комендантом станции Оренбург, поручиком Гончаренко, на улице, причем владелец и кучер были высажены на мостовую. На этом рысаке Дутов, взявший с собой чемодан и булаву войскового атамана, едет с Гончаренко до станицы, находящейся в 30-ти верстах от Оренбурга. Там встречаются с ними еще шесть человек молодых офицеров. Под охраной этих 7 человек, Дутов едет в Верхне-Уральск, где должен собраться Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска. Большевики повсюду разослали телеграммы о награде за поимку Дутова. Мне рассказывали потом провожатые Дутова, как въ одной из станиц им не дали лошадей, и хотели задержать Дутова. Однако, Дутов не растерялся и заявил, что он согласен на задержание его и провожатых, и не будет сопротивляться, но для этого должно быть постановление станичного схода. Собрался сход. Дутов сказал казакам такую трогательную речь, что они плача просили прощения у своего атамана за то, что хотели продать его большевикам. Главный же зачинщик попытки ареста Дутова вез потом его на своих лошадях.

Оратором Дутов, действительно, был прекрасным, и всегда хорошо знал психологию своих слушателей. В этом я убедился, бывая и слушая Дутова на Казачьем Круге. Круг был по своему составу очень разношерстный, настроенный против Дутова и против борьбы с большевиками, однако, кончился тем, что Дутов снова был выбран атаманом абсолютным большинством, против одно-

го голоса старика Каширина, отца небезъизвестных потом большевиков, офицеров Кашириных.

Меня познакомили с Дутовым в кулуарах съезда. Я увидел перед собой небольшого, полного, сутулого человека, в желтом овчинном полушубке, заросшего давно не бритой бородой, половина которой на контуженной стороне была совершенно седая. Волосы на голове, стриженные ранее под машинку, отросли, и были с проседью. Кисть правой руки намазана иодом и висит на черной повязке. Мне сказали, что с ним на съезде был обморок, при известии, что его жена и дети убиты большевиками в Оренбурге, и после этого у него отнялась рука. (Известие это, как потом оказалось, не было правильным). Глаза у него голубые, большие, были очень красивы, и поразили меня тогда своим грустным выражением. Я, как врач, поинтересовался состоянием его руки, на что услышал приветливое:

— О, нет. Это ничего. При нервных потрясениях это со мной случается, а потом быстро проходит. А вы видите, какое время мы все переживаем...

Несколько дней эта рука еще фигурировала на съезде на черной повязке, потом повязка исчезла.

Речи Дутов произносил громко, складно и дельно. Во время речи он смотрел через головы слушателей, на противоположную стену. Голова его сутулилась, и поднятые вверх глаза останавливали на себе внимание слушателей. Седая борода и голова импонировали аудитории, состав которой был, главным образом, из стариков.

Через несколько дней съезд кончился, и в последний день произошла разительная перемена. Дутов явился на съезд в изящном штатском костюме, выбритый и гладко остриженный. Румяные щеки его пылали здоровьем и на вид ему нельзя было дать более 35-ти лет. В то время ему было года 42-43, но с бородой он выглядел лет на 50. Дутов не забыл порисоваться штатским костюмом, объяснив его тем, что ему приходится переодеваться, так как простые люди кидаются в сторону, когда он идет с булавой по улице в сопровождении своей охраны и высказал

надежду, что скоро, вероятно, ему не придется переодеваться и маскироваться, и жизнь, особенно казачья, быстро наладится. (Вероятно, это обстоятельство послужило позднее к рассказам о нем, как оборотне).

При громких апплодисментах и криках «ура», он покинул трибуну.

Съезд, вынеся тысячу резолюций и пожеланий, разъехался. Правительство, во главе с Дутовым, должно было проводить в жизнь постановления съезда... Начались будни...

Я в это время увлекался возможностью еще борьбы с большевиками и, помня довольно твердое настроение съезда, разделял его надежды на хорошее будущее. Сам Дутов после оренбургского поражения меньше доверял казакам, но и он, конечно, искренне верил в возможность новой борьбы с большевиками. В организованность большевиков он не верил, говорил, что достаточно было бы одного надежного полка, чтобы взять Москву.

У правительства не было денег. Касса Верхне-уральского казначейства была пуста, т. к. она не получала уже несколько месяцев поддержки из центров. Нужно было достать денег. По просьбе Дутова, за это взялся я. В качестве председателя Городской Думы, мне удалось добиться постановления ее об обложении местных богатых людей. Дело шло о сравнительно, пустячной цифре, тысяч в сто только. И, конечно, наши толстосумы оказались на верху своего гражданского долга: удалось собрать только тысяч 18 всего, внесенных добровольно. Делать нечего: поехал убеждать их я сам.

Приезжаю к одному, говорю:

— Дорогой мой! Вы же понимаете, что Дутов нашу же с вами шкуру защищает! Вот на вас наложено всего пять тысяч, внесите их полностью!

— С нашим удовольствием! — отвечает: — да нет их у меня! Ей Богу, нету! Все деньги в товаре, а в казначействе взять нечего! Вот 800 рубликов, пожалуйте, получите, это все, что у меня есть!

Поверил я — взял 800 рублей, — не может же врать,

думаю, такой уважаемый человек.... А когда большевики Дутова угнали, и посадили этого «уважаемого» в тюрьму, то супруга «уважаемого» внесла за мужа 250 тысяч романовскими рублями и 20 фунтов золотом в слитках, наложенной большевиками контрибуции. Но и это не помогло: большевики его расстреляли...

Таким образом, денег у Дутова было мало, и дела шли неважно. Набор казаков, о котором постановил съезд, не мог состояться из за отсутствия, с одной стороны, средств и оружия, а с другой стороны, правительство с Дутовым определенно не верили казакам и не хотели собирать их на свою голову.

Начали формировать партизанский отряд из офицеров... Дело шло туго. Молодые офицеры поступали в партизаны, а офицеры постарше интриговали против Дутова и старались, снимая погоны, перейти на обывательское положение. (Большинство из них были потом убиты большевиками).. Дутов никого не принуждал, сидел в Верхне-Уральске и, как мне казалось, ничего не делал. Ходил в клуб, ухаживал за дамами, танцовал, ходил по гостям, играл в карты; пил он немного. Рассказывал много о себе, сам себя называл исторической личностью. охотно притом ругал Керенского и вообще социалистов, и, несомненно, мечтал о лаврах Наполеона...

Итак, мне казалось, что Дутов ничего не делал. Когда я говорил ему об этом, он отвечал мне:

— Ну, что, по вашему, надо делать? Отряд формируется, до весны боев никаких не будет! Вы думаете, большевики пойдут сюда, в Верхне-Уральск? Да никогда! Они, дорогой мой, привыкли воевать с комфортом: штаб их в международных вагонах, а солдатня, матросня — в классных. Пойдут они вам сюда, за 150 верст от железной дороги, да еще в такие морозы!..

Мне казалось, что он прав. Но, ездя по своим больным, особенно у простых людей, я поражался каким-то предчувствием их и приготовлением к чему-то серьезному. Не могу не вспомнить тут такой случай. Приезжаю как-то к одному мужику в слободке, беднейшей части

нашего города; вхожу в избу и вижу не совсем обычную картину: открыт подпол, на полу лежит огромная куча земли. Спрашиваю у хозяйки, что это такое?

— Да, вон, Митрий окоп в подполе копает!

— Какой окоп? Митрий, ну-ка, вылезай, да расскажи, что ты делаешь?

Митрий вылез, сел на край подпола, поздоровался со мной...

— Ну, рассказывай!

— Да чего рассказывать то? Ведь война у нас будет — вот и рою окоп, схоронимся туда с ребятишками!

— Бога ты побойся, с кем же здесь воевать будут?!.

— Ох, будут, Петрович, поверь маму слову; придут сюда большане за Дутовым!..

Я посмеялся над Митрием и уехал... А через месяц я сам сидел в подполье, прячась не от пуль, правда, а от большевиков, и вспоминал Митрия с его предсказаниями.

Больше уж я никогда не смеюсь над предугадываниями будущего простыми людьми, и я ни разу не видел, чтобы они ошибались...

Вскоре после моего разговора с Митрием с немецкого фронта пришел 15-ый казачий полк. Полк не пожелал сдать оружие большевикам, и шел с западного фронта через Саратов, Уральск, Орск конным порядком. Сражаться с большевиками полк не имел никакого желания, и начал расформировываться в станице Карагайской, в 30 верстах от Верхне-Уральска. Дутов послал туда 10 партизан, чтобы они приняли пулеметы и винтовки от казаков. Молодой командир этих партизан, как и они, офицер, приехал туда пьяный. Часть партизан также была пьяна. Во время передачи оружия этот командир оскорбил или ударил казака. Казак схватился за винтовку и убил его наповал. Другие казаки также начали стрелять по партизанам, причем был ранен мой знакомый пехотный поручик Д. Брат его, тоже партизан, убил тогда того казака, который ранил брата. Словом, партизане начали, отстреливаясь, отступать, таща с собой раненого товарища. И, так как все они были замечательные стрелки, то ранили и

убили еще человек 15 казаков, и казаки их не преследовали.

Известие это принес телеграф из Карагайской, и я скоро узнал о происшедшем. Еду по улице к больным, и вижу Дутова в шинели, с полковничьими погонами, спокойно идущего без охраны, в сопровождении дамы, которой он начал увлекаться в Верхне-Уральске. Я выскочил из саней, подхожу к нему и говорю:

— Александр Ильич, слышали?

— Да, как же, слышал! — отвечает совершенно равнодушно: — такой-то убит, а такой-то ранен; 2 казака убито и человек 12 их ранено! Однако, простите меня: видите, меня ждет дама! — и он лукаво усмехнулся.

— Дама то дамой, а вот вы без охраны ходить стали, это не хорошо!

— Эх, батенька, от судьбы не уйдешь, да и надоела мне эта охрана: никогда не можешь себе принадлежать, а все от тебя шарахаются в сторону!..

Козырнул мне, и отправился догонять свою даму.

Я слышал от партизан из его охраны, что лично Дутов очень храбрый человек, но легкомыслие его в такой момент меня поразило, и с этого момента у меня началось разочарование в нем, как в человеке, который, казалось мне, мог бы стоять во главе антибольшевицкой борьбы.

События между тем развивались.. Раненых и убитых в станице Карагайской привезли в город. Были устроены торжественные похороны, причем врагов хоронили в одной братской могиле. Были речи на могиле на тему единения и недоразумения. Приглашенный фотограф снимал эти похороны. Фотографии этой суждено было сделаться для многих роковой: большевики потом расстреливали участников похорон, ставя им в вину, что они «дутовцы». Так, ими расстрелян скромный мещанин, пимократ по профессии, Чепелев, который виноват только тем, что вышел на фотографии в тот момент, когда помог пронести гроб через ворота.

Казаки 15-го полка торопились сдать оружие. Оно,

наконец, было привезено в Верхне-Уральск. Теперь у Дутова были патроны и пулеметы. Но, конечно, этого было недостаточно. Бессилие Дутова чувствовалось и в настроении горожан. Богатые начали понемногу уезжать из города, а бедные поднимали голову. Как-то днем, подъехав к квартире, занимаемой Дутовым, пьяный хулиган начал его ругать, причем разбил окно и уехал. Партизаны, жившие с Дутовым, выскочили на улицу и решили наказать этого хулигана. Одевшись, они отправились с поручиком Гончаренко и увидели нахала, вернувшегося посмотреть на результаты своей выходки. Окруженный ими, он выскочил из саней и бросился бежать. Горячий поручик Гончаренко выхватил револьвер и выстрелил в него два раза. Вторым выстрелом тот был ранен в зад, однако, не упал, а, схватившись за раненое место, продолжал бежать дальше, чем рассмешил партизан, и они не преследовали его, решив, что он достаточно наказан ими. Эта стрельба днем на улице в праздничный день также производила впечатление бессилия и неорганизованности.

Совет солдатских, рабочих, батрацких и казачьих депутатов, самочинно собравшийся в нашем городе еще до приезда Дутова из разного сброда: двух матросов, приехавших домой из Кронштадта, нескольких дезертиров с фронта и местных хулиганов, видя эту халатность и неорганизованность, на своих публичных собраниях начал громить Дутова. Доказав Дутову бессилие этого совета, я просил его не обращать на них внимания. Но на одном из таких публичных собраний присутствовал и поручик Гончаренко. Услышав, как громят Дутова, он взял слово и начал говорить в защиту Атамана. Однако, собравшиеся криком и протестами не давали ему говорить. Гончаренко вспылил. Выхватил из кармана ручную бомбу и закричал:

— Марш отсюда, сволочь, или всех взорву!

«Сволочь», выломав все двери и окна, разбежалась, оставив его одного.

В ту же ночь партизаны застрелили одного «оратора»,

а многих из главарей арестовали, и пришли доложить об этом Дутову, прося разрешения о расстреле. Я, будучи в гостях вместе с Дутовым, ужасно волновался за судьбу арестованных и просил Дутова их освободить.

— Успокойтесь, Михаил Петрович, — сказал мне Дутов, — пойдемте вместе со мной в управление Отдела.

Придя туда, мы увидели всех этих людей, за кого так болело мое сердце, и которые потом расстреляли моего отца и других бывших в нашем городе, и меня самого приговорили к смертной казни. Все они были бледные, с трясущимися губами.

Дутов усмехнулся, глядя на них, и сказал:

— Господа, я вас не трогал, и просил бы и меня оставить в покое! Не забывайте, что я выбранный от 250.000 оренбургских казаков и творю их волю! Ваших выступлений против себя я не потерплю, предупреждаю вас, сила, как видите, на моей стороне!..

Трясущиеся губы забормотали:

— Помилуйте, ваше высокоблагородие! да мы разве что?.. Да мы, ей Богу, ничего! Мы, ведь, здря — болтовня одна, мы народ темный, простите, ваше высокоблагородие!..

— Здесь нет высокоблагородий, — сказал Дутов, — я такой же человек, как и вы, и, если вы думаете по своему, то позвольте и мне думать и делать так, как мне кажется лучше!

— Отпустите их, А. И., вы видите, что эти люди не большевики! — прошу я.

Дутов еще раз усмехнулся, и бросил мне:

— Вы так думаете?

— Ручаюсь, А. И.

Дутов распорядился об их освобождении. Все они прошли мимо него с униженными поклонами, и скрылись в темноте ночи. На другой день некоторые из них были у меня и благодарили. Я посоветовал им опасаться мести партизан и уехать из города, что они и сделали...

Таким образом, совет этот был разогнан. Как он ни был плох персонально, однако, несомненно, он был популярен у большинства населения, и его разгон возбуждал население против Дутова. Вскоре после этого Дутов поприжал «буржуев» обязательным постановлением о взносе денег, и неуехавшая часть их деньги внесла.

Он зашел как-то лично в Сибирский банк и реквизировал под расписку часть хранившегося там — собственного банка и частных лиц-золотопромышленников — золота. . .

Поручик Гончаренко был назначен комендантом города. . .

И опять сам Дутов почил от дел творения. Ухаживания его за дамой сердца приняли систематический характер. Муж этой дамы поспешил уехать из города, даже со скандалом: партизаны не хотели его выпустить, посчитав его за шкурника.

Дутов не вылезал из квартиры дамы, или она от него.

Часть членов правительства куда-то выехала, часть сидела, ругала Дутова и ничего не делала.

Горячий Гончаренко перетягивал. Тюрьма наполнилась арестованными, среди которых пока еще не было ни одного большевика. В милицию Гончаренко взял бывших стражников и полицейских; вели они себя опричниками. Гончаренко занимался рукоприкладством. Я сам, зайдя как-то в милицию, слышал его допрос арестованного, сопровождавшийся пощечинами при закрытых дверях его кабинета.

Редко встречаясь с Дутовым, я предупреждал его, что дело идет неладно, но он устало махал рукой, говоря:

— Ах, не все ли равно? Насильно мил не будешь!..

И спешил к своей даме.

Телеграф получил приказ из Уфы от союза П. и Т., не отсылать дутовских телеграмм. Гончаренко арестовал почмейстера; телеграфисты разбежались. Почта встала. Сидевшие на телеграфе офицеры перехватывали депеши большевиков о том, что они выступают на Дутова из

Троицка. Теперь Дутов сам сидел на телеграфе, слушал и провоцировал большевиков. Дня через два он послал отряд человек в двадцать, с двумя пулеметами, навстречу большевикам, выехавшим из Троицка. Отряд этот встретил где-то этих ротозеев, ехавших пьяными на розвальнях, и, устроив им засаду, из двух пулеметов и винтовок положил их всех на месте (было их человек триста). Но за ними двигались другие, и отряд отступил, известя о том Дутова. Дутов решил, наконец, сам с главным отрядом выступить в направлении на Троицк, тем более, что были получены сведения о движении большевиков из Уфы по узкоколейке на Белорецк. Отряд его насчитывал двести человек офицеров и часть казаков. С этим отрядом ушел и мой брат, поступивший партизаном к Дутову. Человек сто партизан осталось в городе. Остался и Гончаренко со своей милицией. В городе начиналась паника. Росли слухи о движении большевиков чуть ли не со всех сторон.

В думе шли бесконечные заседания, на которых предлагались фантастические проекты сопротивления большевикам. На одном из таких заседаний прошло предложение сделать «диверсию» в сторону наступающих будто бы большевиков, с целью показать им, что эта сторона также охраняется. Предполагалось, собраться человек двести из зажиточных лиц города, и ночью, севши в сани, проехать верст за тридцать от города и вернуться обратно. На сборный пункт, кроме меня, пришло еще три человека. «Буржуй», хорошо укрывшийся в тылу еще во время войны, и теперь полагал, что для его охраны наберется «серая скотинка», а его, ведь, не тронут, даже если и придут. За что же его, в самом деле, трогать?..

Гончаренко со своим отрядом милиции, которую пополнил казаками — всего было человек 50, — разъезжал по городу с песнями. Улица затихла и спряталась. Желая сформировать что либо из казаков, Гончаренко устраивал сходы в Форштадте — казачьей станице. На этот сход ездил всегда один, без кучера. При одной такой поездке в него кто-то выстрелил из за забора, но не попал. Лично

очень храбрый, Гончаренко выскочил из саней и бросился во двор, откуда в него стреляли. Но стрелявший успел скрыться огородами.

Казаки сделали ему охрану на сходке, набрав пожелавших идти в эту охрану казаков, вооружив их винтовками. На одном из этих сходов Гончаренко допрашивал казака, обвинявшегося в сочувствии большевикам, причем бил того по щекам. Кто то из казаков, возмущенный, начал говорить о том, что нехорошо бить человека на сходе; другие его поддержали. Гончаренко вспылил, сунул руки в карманы и закричал:

— Что, бунтовать?..

Охрана его взяла ружья на изготовку; защелкали затворы. Казаки бросились из комнаты (дело происходило в школе), выламывая двери и окна. В это время один из его охраны, казак Иванов, как потом говорили, поступивший туда с целью убить Гончаренко, наученный Кашириными, выстрелил в Гончаренко из винтовки. Но затвор ея был густо смазан маслом, и ружье дало осечку. Гончаренко бросился к казаку. Тот, отбросил винтовку, схватился с ним. Охрана бежала вслед за остальными. Что случилось дальше — неизвестно. Струсил ли храбрый Гончаренко, или казак его осилил? Раздался выстрел... Через минуту выскочил казак с револьвером Гончаренко в руках и убежал от неоправившихся еще после паники казаков...

Я узнал об этом случайно. Желая с кем то говорить по телефону, берусь за трубку и слышу, какой-то панический голос сообщает в управление Отдела об убийстве Гончаренко, и требует доктора. Не понимая, где убитый или раненый Гончаренко, еду в Отдел; там все в панике, говорят, что несчастье произошло в Форштаде. Еду туда. Около школы толпа смущенных казаков. Вхожу в комнату. На полу, раскинув руки и ноги, лежит маленький поручик Гончаренко. Освидетельствовал... Мертв... Убит наповал. Кругом смущенные казаки, некоторые плачут. и рассказывают мне, как все это случилось. Моя помощь опоздала и я уехал.

Часа через четыре меня снова вызвал туда судебный следователь. Написали судебный протокол. Ранение из нагана, посреди грудной кости. Выходного отверстия нет. Пуля пробила, вероятно, аорту и осталась в позвоночнике. Кожа у трупа, после пяти часов смерти, была удивительно тепла на ощупь. Одет в чистое новое белье.

— Готовился к смерти, — говорят понятые.

И правда, Гончаренко мне несколько раз говорил: — Эх, все равно, скоро убьют, М. П.!..

В кармане у него нашли записку — завещание, — все после его смерти передать брату его, кадету, бывшему с ним в городе.

Сидя в санях со следователем, возвращаясь в город, я слышал, как кричал в нашу сторону высыпавший на улицы простой народ: — Не воскресили «красную шапочку»!?. Крышка теперь и вам! — (Гончаренко носил красную фуражку, оставшуюся у него от Оренбурга, где он был комендантом железнодорожной станции).

Идущие нам навстречу два пьяных парня во все горло пели «Отречемся от старого мира»... Вечерело... и холодный ужас за близкое будущее закрадывался в душу. Я понимал эту ненависть... и понимал, что все пропало — оставалось одно — постараться спасти свою шкуру. Я решил уехать и уехать не к Дутову. В борьбе, которую он вел, я разочаровался... Он бессознательно возбуждал к себе ненависть, и люди, вчера еще не большевики, делались ими, благодаря обстановке, созданной его присутствием. Хотелось уехать, куда глаза глядят, без определенного плана на будущее — оставаться нельзя, прежде всего, толпа убьет, да и большевики, которые несомненно придут, вряд-ли помилуют...

Вдруг кучки людей, стоявших на улице, шарахнулись в стороны и побежали. Оглянувшись, я увидел, что нас догоняли сани с трупом Гончаренко, прикрытым шинелью. Красная фуражка лежала сверху. Несколько конных казаков скакали за санями.

— Смотрите и мертвый он еще страшен им, — сказал я следователю.

Труп Гончаренко везли в покойницкую при больнице. Так и не похоронили его потом. Живой он был нужен, а о мертвом забыли... Позднее большевики устроили ему «пышные» похороны. Раскаряченный труп его, привязанный к конскому хвосту, возили по улицам, хлестали по нему палками и, наконец, превратив его в бесформенную массу, закопали вместе с другими казненными.

В вечер убийства Гончаренко, ездя по своим больным до поздней ночи, я удивлял их свой задумчивостью и рассеянностью, но предстоящее было так серьезно и грозило не только одной моей шкуре.

На другой день паника в городе усилилась. Дутов был в 30-ти верстах от города, в поселке Красницком. Правительство без него растерялось... Комендантом назначили помощника Гончаренко, но он не имел того авторитета и не внушал доверия. Часть партизан послали на разведку в сторону Тирлянского завода... На базаре народ собирался кучами и шумел. Я заканчивал свои дела, так как предстоящей ночью решил уехать. Нужно было решить вопрос с семьей: все мы уехать не могли. Наконец, решили, что жена и дети мои останутся — уеду только я. Долго уговаривал я своего отца уехать со мной, но он решил остаться, говоря, что ему ничего сделать не могут, хотя бы уже потому, что кроме добра он никому ничего иного не делал. За эту веру в людей он заплатил потом своей жизнью.

Ночью я перевез жену к знакомому аптекарю, боясь обыска в своем доме, а сам с приятелем, на его лошадях, выехал из города в направлении на поселок Кассельский, желая миновать Дутова. Ночь была темная, хоть глаз выколи. Шел снежок.Кучер хорошо знал дорогу. Перед рассветом мы приехали в Кассель. Я решил заехать к знакомому богатому казаку, к старому Танаеву, чтобы ориентироваться в дальнейшей дороге.

Угостив нас чаем, Танаев заговорил о решении их поселка бороться с большевиками. Дутов был от них в 12-ти верстах. Потом сказал нам, что дальше казачьи заставы нас не пропустят... Что- же, мол, вы уж так доро-

жите своей шкурой. Борьба, так борьба... И нам, по его мнению, надо было ехать к Дутову.

Я не знал, на что решиться — положение было безвыходное. Однако, надо было что либо предпринимать, и, сказав ему, что, де, пожалуй, он прав и мы поедем к Дутову, повернули оглобли назад.

Ужасно мне не хотелось ехать к Дутову, и вот сама судьба гнала меня туда! Однако, по дороге я решил ехать сначала в город, посмотреть, что там делается, так как к Дутову не поздно было ехать и потом.

В поле началась мятель... Скоро стали попадаться едущие нам навстречу верховые казаки, по одному, по два, по три, занесенные снегом. Они нам сообщили, что на город идут «массии» большевиков, что сопротивляться не стоит, и т. д. Я сомневался относительно масс большевиков, однако, было ясно, что в городе не благополучно. А мы все ехали и ехали туда...

Наконец, показался город и через четверть часа мы въехали во двор моего приятеля. Зайдя в комнату и не успев раздеться, я услышал, что меня ищут по городу, так как собралась Дума. Сюда же заехал знакомый и страшно обрадовался, увидя меня. Он из Думы. Там все потеряли голову... Ждут меня... Он же сообщил, что партизаны складываются и уезжают... Правительсто частью уже уехало.

— Ну, — говорю ему, — поздно теперь «думать» в Думе, и разве чудом только мы можем спастись...

Однако, в Думу поехал, на его лошади, в том костюме, как был—в валенках, в коротком полушубке и в дохе.

Мятель стихла... Проезжая через базар, слышал, как по моему адресу простой народ кричал о том, что по мне веревка плачет..

На Большой улице на встречу мне ехали возы с винтовками, на которых сидели партизаны. Едут без охраны, в какой-то панике, суетятся, спешат... В чем дело? Ведь опасности никакой — большевики далеко... Мчатся мимо...

Вдруг вижу, в моих санях, на моей лошади, без кучера, тихонько едет по улице мой отец. Увидел меня:

— Боже мой, ты не уехал? Куда ты?..

— В Думу!

— Брось к черту, садись со мной, поедем домой!

Как молния, мелькает мысль: «перескочить к нему в сани?.. Ударить по лошади... Конь добрый... через час мы будем у Дутова!» — но, вместо этого, я говорю:

— Нет, я поеду в Думу!

— О, черт возьми! — горячится отец: — ну, скорее приходи домой... Я за тобой пришлю лошадь...

— Да, да, хорошо! Пришли!..

Мы разъехались, и больше никогда не видались...

Вхожу в Городскую Управу. В ней человек десять гласных... Бледные, испуганные, бросились ко мне навстречу: «Наконец-то вы! Что делать? Партизаны уходят... Милиция разбежалась... Что делать?.. Как быть?» — посыпались на меня вопросы. Говорю, что видел беспричинное бегство партизан, и боюсь, как бы оно не послужило поводом к восстанию в городе.

Как бы в ответ на мои слова, на улице раздались выстрелы. Мы бросились к окнам. Посреди улицы бежало человек пять с винтовками каких-то хулиганов. Особенно врезался мне в память один из них, бегущий впереди. Держа винтовку дулом вверх перед собой, он стрелял в воздух, подпрыгивая при каждом выстреле...

Напротив окон Управы стоит на крыльце своего дома бывший член Государственной Думы Гродзицкий и нетерпеливо звонит к себе... Ему долго не отворяют...

Приходят испуганные люди с улицы и говорят, что толпа отбила воз с винтовками у партизан и теперь громит милицию и избивает оставшихся там милиционеров. Кто-то из гласных кричит, что нужно послать делегацию к большевикам в Белорецкий завод с просьбой, чтобы они скорее шли, иначе хулиганы разгромят город.

В голове моей вихрь мыслей: «Все пропало... Смерть! Скоро смерть!.. Значит, так суждено!.. Все погибает, и

Россия погибает!.. Что такое я перед ней?.. Ничто!.. Но так падать низко нельзя и я просить пощады у большевиков не стану»...

Кто-то пишет резолюцию о посылке делегации к большевикам. Я подхожу к столу и заявляю, что постановления этого я не подпишу и снимаю с себя звание председательствующего в Думе. На душе как будто становится легче... Но снова действительность возвращает меня к тяжелой мысли о смерти. За окном все усиливающийся шум...

«Однако, — думаю я, — говорится, что нет такого положения, из которого не было бы выхода!.. Проверим, так ли это»? — И, вдруг, решаюсь: — Прощайте, господа, пойду в больницу, — там я буду нужнее, чем здесь!..

Выхожу на улицу, чтобы идти в больницу; пусть уж меня там убьют...

Налево идти нельзя, там толпа громит милицию, решил обойти по другим улицам. Только я завернул за угол — навстречу бежит толпа, вооруженная, чем попало. Я повернул прямо в противоположную сторону. и не торопясь, пошел по улице. В это время услышал свист пуль и трескотню пулемета... Пули летели мимо меня вдоль улицы, чокая в фонарные столбы. «Хорошо бы в меня, да наповал», подумалось мне, но пули летели аршина на два над моей головой.

Однако, куда же идти? Я решил опять идти к моему приятелю Ш., это была единственная свободная дорога передо мной. Завернув в боковую улицу, я побежал. В дохе бежать было тяжело, и у меня сделалась отдышка. Пошел тише. Настречу попадается знакомая акушерка: — «Куда вы, доктор?« — «Ах, не спрашивайте»! — махаю на нее рукой, и спешу мимо удивленной акушерки. На углу три конных партизана, приехавших с разведки. Кричу им: «Удирайте, черт возьми! В городе восстание и партизаны все уже уехали». — «А вы, как же, доктор»? — «Еду за вами, скачите»! — Офицеры приложили руки к шапкам, и поскакали вон из города.

Вбегаю во двор к Ш. Лошадей, на которых мы ездили этой ночью, во дворе нет. Захожу в дом. В комнатах только прислуга. Спрашиваю, где хозяева, говорит, что уехали к бедным родственникам в город — боялись остаться дома. Сбрасываю, наконец, доху. Что теперь делать? Начинаю метаться по комнатам, как зверь в клетке: — «Конечно, сейчас придут с обыском! Куда деться»? — Подъ ногой что-то скрипит: «Ага, подпол! Прекрасно, спущусь туда, если придут!» — Вижу, как прислуга затворяет ворота: «Хорошо, значит, будут стучаться»...

Через пять минут стук, звонок, барабанят в окна... Бросаюсь к подполу. Прислуга захлопывает надо мною дверку и набрасывает на нее ковер. Бежит отворять двери. Над моей головой топот десятка ног, крик: «Где хозяева? Где оружие? Бери оружие! Патроны где? Подпола нужно осмотреть!» — «Ну, конец», думаю. Вынимаю браунинг и становлюсь у лестницы, подняв голову вверх: «Итак, семь пуль для них, восьмая мне». Успокаиваюсь, мысли опять ясны. — «Ах, да, бумажник с деньгами, тысяч десять, нужно оставить здесь, в подполе, чтобы они потом, обыскивая меня мертвого, не поживились». Засовываю его в какую-то щель. В темноте толкаю стоящие на полке бутылки, они падают и бьются. Но наверху шум — не слышат... Через несколько минут, показавшихся мне вечностью, наступила тишина... Шаги... Девушка отворяет подпол:

— Выходите, доктор!.. Ушли!.. — взволнованно шепчет она: — счастье, что я нашла патроны, а то бы они полезли в подпол...

Я вылезаю наверх, говорю:

— Спасибо вам, Маша, не растерялись и не выдали меня. Жив буду — не забуду...

— Что вы, барин, рази я из за этого?.. Чай, мы тоже люди, не звери...

«Однако, надо что-либо предпринять! Пока повезло, но могут придти еще раз. Нужно поискать места во дворе... В доме оставаться нельзя», — думаю я.

Иду во двор. По дороге туда, заглядываю в кухню.

На столе кипящий самовар. За ним сидят кухарка, кучер, прачка.

— Чайку с нами покушать, барин, — приветливо говорит кухарка.

— Ах, Ивановна, что вы говорите, какие теперь чаи? Я удивляюсь на вас, как это вы можете спокойно распивать его!

— А нам то што? — нас не тронут! — обиженно поджимает она губы.

Мелькает мысль: «Напрасно я сунулся в кухню; впрочем, ведь не выдали же, когда те приходили! Надо уходить отсюда, однако! Куда только»?..

Выхожу во двор, машинально направляюсь в сторону конюшень. Вдруг слышу резкий свист. Вздрагиваю и останавливаюсь. Кто-то сдавленным голосом называет меня по имени. Из погреба вылезает реалист Коля Ш.

— Как ты меня напугал, Коля! Ты что же, не уехал со своими?

— Нет, я тут себе дыру сделал в погребе... У меня там бомба, папина двухстволка, петин револьвер, — начинает тараторить он: — мы их славно встретим, пусть только сюда сунутся... Сначала будем стрелять, а потом взорвем бомбой. А вот иод у вас есть, М. П.? Если нас ранят, так надо иоду; бинты у меня есть ..

Говорю ему: — Нет у меня иоду, Коля, и ты в дыру свою не лазай больше... Если и придут, так тебя не тронут. За что же ты стрелять их хочешь?

— А я думал, что вы со мной будете сидеть? — разочаровывается Коля.

Рядом дом д-ра В. Он на войне. Дома жена с детьми. Решаю спрятаться пока у нее... Нужно перелезть через забор... Коля меня подсаживает... С забора видна улица. На улице большая толпа добивает раненого партизана. «Увидят меня на заборе», мелькает мысль, и я спрыгиваю обратно к изумленному Коле. Хватаю его за руку и мы бежим к конюшням. Там ему рассказываю, в чем дело. Решаю просидеть здесь до вечера.

В сумерках Коля лезет на крышу и сообщает мне, что

на улице почти никого нет. Останавливаюсь на мысли, что перейду к своему приятелю П., живущему недалеко от Ш. Отворяем ворота, и я выхожу на улицу... Улица пуста... Пройдя по ней шагов 20, слышу за собой свист. Оглядываюсь... Коля машет мне рукой и показывает куда-то... «Погубит он меня своей конспирацией!» — и я кричу ему, чтобы он шел домой и не боялся за меня. Коля послушно уходит во двор.

Вот я и у дома П., звоню на крыльце. Не отворяют...

— Да вы в ворота постучите, — раздается голос сзади... Оборачиваюсь:

— А, Николай, здравствуйте, — бывший рабочий моего отца: — звали меня сюда, дети у них больны...

— А чего вы этак вырядились? — усмехается он на мой полушубок и валенки: — Я вас и не узнал совсем!

— Да, видишь ли, время-то какое..

Он опасливо оглядывается: — Да, время-то, действительно, не того, значит... Чаво еще будет?.. Однако, прощевайте!.. Да вы в ворота постучитесь!

Иду к воротам и стучу... Слышу, шаги скрипят во дворе... Слышу по походке, что идет сам П. Отворяет. Поражен — вчера он меня провожал из города:

— Ты? Ты здесь, не уехал?

— Да вот, как видишь!

— Вот так веселенькая история!..

— А я к тебе: посижу до ночи, а там видно будет!

— Дело! Ну, что же, пожалуйте чай кушать! — усмехается он. Заходим в комнату. Жена П. руками всплеснула:

— Господи! Вы не уехали?.. Раздевайтесь, садитесь чай пить! Ну, рассказывайте про себя!..

Я рассказал свои приключения этой ночи и дня.

— Да как вы не поседели там в подполе-то? — жалеет она меня: — Видно, горячо за вас жена ваша молится: ведь, это прямо вас Бог спас!..

Из глаз ее катятся слезы. П. тоже взволнован рассказанным:

— Да-с, веселенькая история, — выпаливает он свою

постоянную поговорку, и начинает сообщать мне, что известно ему. — Беспорядочное бегство партизан кончилось для многих из них печально. Толпа отбила несколько возов с винтовками и убила сопровождавших их партизан. Пулемет, под который я попал, был партизанский у Отдела, откуда партизаны вывозили некоторые дела, полковые знамена и т. д., но и он стрелял не долго, так как пулеметчика застрелили из подворотни ближайшего дома восставшие. Правительство успело уехать, бросив свои и вещи Дутова на квартире, где они жили... Член правительства Белобородов был вытащен из саней, ранен в голову, избит и сидит в милиции... Арестовано много лиц из интеллигенции и купечества, есть среди них и избитые...

О моей семье ничего не знает. Есть убитые и арестованные партизаны из тех, которые, не зная о том, что город в руках восставших, спокойно возвращались с разведки, посланные туда бежавшим правительством. Из тюрьмы выпущены все арестованные, до уголовных включительно.

Начинаем обсуждать, что мне надлежит делать теперь. Я высказываю свое мнение в том смысле, что ничего мне другого не остается, как ехать к Дутову этой же ночью, оставаться нельзя, и завтра ехать будет поздно. П., однако, останавливает меня и говорит, что дороги, вероятно, охраняются, чтобы никого не выпускать из города...

— Утро вечера мудренее, — решает он. — Ночуй у нас, а завтра решим, что делать...

Ложимся спать, и долго все не можем уснуть, перекидываясь в темноте подробностями событий... На улице тишина... Решив, что пожалуй, обыска у П. не будет, мы, наконец, уснули.

Ночь для нас прошла тихо, но многие пережили за это время тяжелые драмы. В моем доме был обыск. Дома была только прислуга и мой сын, реалист, к которому пришли два товарища ночевать. Ворвались человек десять, с моим приятелем по охоте, почтальоном Щури-

ным. Забрали винтовки и патроны. (У меня была коллекция нового и старого оружия, висевшего по стенам кабинета. На другой день пришли другие и увезли все это оружие на двух возах, обвинив меня потом, что у меня был склад оружия). Щурин с компанией потребовали водки. Прислуга им дала, сколько было. Хвативши, они отправились в дом отца, находившийся рядом с моим. Там им на стук не сразу отворили, и они положительно расстреляли деревянный дом моего отца. Мачеха с маленькой дочкой спустились в подпол, а отец, шедший отпирать двери, бросился в угол и состоялся там, прижавшись у телефона. Когда он отворил им, наконец, парадное крыльцо, ватага ворвалась в дом, крича, что здесь скрывают что-то, так как долго не отворяли. Потребовали оружие... Оружия у отца не было, потому они, забрав кое-какие, попавшиеся им под руку, вещи, ушли... Отца арестовала толпа на другой день. В этой толпе преобладали женщины-солдатки. Женщины эти вели себя по зверски, относились к людям безжалостно. и имели большое влияние на последовавший затем террор, обвиняя людей в небылицах. В тот же день моего отца, вместе с другими арестованными, повели в тюрьму за город. По дороге их всех били, торопили идти; некоторые падали, их докалывали штыками....

— Вставай, баржуй, — будил меня П., рано утром.

Я вскочил, как ужаленный, еще не очнувшись от сонных грез. Однако, через минуту я почувствовал всю ужасную действительность, в которой теперь находился.

— Ну, товарищ, идти тебе никуда нельзя; на улице толпа, делает обыски, арестовывают людей, пожалуй, и ко мне сейчас придут. Пойдем, поищем места, куда тебя спрятать...

Сначала мы остановились на сеновале, где он предложил мне зарыться в сено, но потом нам пришла блестящая мысль, отодрать доски на соседний сеновал, принадлежавший двум старым девам, где у них была свалена всякая рухлядь.

Пропустив меня в это отверстие, П. снова заложил его досками.

Оглядевшись в темноте, я нашел какие-то звериные шкуры, на которых и улегся, прикрыв себя старым неводом.

Минут через десять мне стал слышен шум толпы, приближавшейся к дому П., делавшей обыски соседних дворов.

— К нам сейчас придут, — пела во дворе около сеновала жена П., предупреждая этим пением меня и возясь для вида с коровой.

Скоро, действительно, на дворе послышались голоса людей, требующих сделать обыск. Жена П. спокойным голосом отвечала, что они могут сделать обыск, но она не понимает, для чего; муж, де, ее ни от кого не прячется, а стоит с ними на улице...

— А, может, кто у вас спрятался? — послышался голос.

— Ну, так смотрите тогда, — ответила она хладнокровно.

Я слышал, как ходили подо мной в конюшнях, потом человека два поднялись на сеновал и ткнули несколько раз штыками в сено. Потом, говоря, что никого и ничего нет, спустились, и толпа пошла дальше. На сеновале старых дев, где я сидел, обыска не было.

Ощущение мое было не из приятных. Насколько мне помнится, мысли бежали какими-то отрывками. С одной стороны, меня охватывала радость, что снова так удачно прошел для меня и этот обыск. Ведь, спрячься я в сено, меня бы закололи штыком или нашли, а с другой стороны, какое-то грустное сознание разочарованности в себе и людях, сжимало мое сердце:

«Ну, вот, — думал я: — дождался, братец, завершения твоей работы за народ, за который ты так распинался. Если бы нашли, так убили бы, или, избитого, отвели в тюрьму и посадили бы ждать смерти. А за что собственно? Какое тебе обвинение могут предъявить эти люди, кроме какой-либо бессмысленности... Вот он, «бессмы-

сленный и беспощадный русский бунт».. Как легко, не вникая в глубокий смысл слов, читал ты их у Пушкина, и как трудно и тяжело быть живым свидетелем этой тупой, звериной, бессмысленной беспощадности людей...»

Потом на меня нашло состояние какого-то оцепенения, полного ко всему безразличия, состояние, близкое к прострации. Мне кажется, что я лежал так часа 2-3, совершенно не двигаясь и ни о чем не думая...

Из этого состояния вывел меня П., придя на сеновал и отодрав снова доски; он позвал меня сдавленным голосом. Тут только, как бы очнувшись, я почувствовал, что все мои члены онемели и что я сильно озяб. С большим трудом я мог заставить себя пошевелить руками и ногами, и с громадным усилием пролез к нему на сеновал. П., увидя мое состояние, начал успокаивать меня, говоря, что опасность пока миновала, и всегда можно найти выход из всякого положения. Не надо только отчаиваться. Надо думать, что с приходом настоящих большевиков будет крепкая власть, и тогда можно будет выйти, так как за мной никаких преступлений не числилось. Делая вид, что шел поить лошадь, он принес в ведре тарелку с мясом и флакон со спиртом.

— На, глотни-ко, «баржуй» несчастный, согрейся, да повеселей немного; обыска больше не будет, а если и будет, так бояться нечего!.. Вот, веселенькая история... Неужели у нас с тобой ума не хватит провести это дурачье?..

Когда я, «глотнувши» спирта, поел немного мяса, он вынул из кармана пакетик с махоркой, дал его мне. Заботы его тронули меня до слез.

Человек — удивительное животное, быстро привыкает ко всякого рода положениям. После его ухода, лежа на шкурах и покуривая махорку, я почувствовал снова себя в своей тарелке, рассуждая, что дела мои не так уж плохи — другие сидят в тюрьме, а у меня есть еще надежда на тот или иной выход...

К вечеру П. принес тулуп, и мы решили, что я проведу ночь в этом новом моем помещении. Он мне сообщил

о панике среди восставших, так как у них нет руководителя, а они боятся наступления Дутова. С окрестных хуторов приехало много мужиков в помощь восставшим, их вооружили винтовками из разгромленного арсенала, но патронов в городе очень мало. Ночью или завтра утром ждут большевицкий отряд из Белорецка.

Пришедший утром, П. сказал, что в городе вышла печатная прокламация, подписанная есаулом Н. Кашириным и студентом ветеринарного института Кругловым. Последний не имел никакого отношения к большевикам, но популярность его среди восставших случилась потому, что он сидел в тюрьме, посаженный туда поручиком Гончаренко за невзнос причитающихся с него по раскладке денег, так сказать, для устрашения прочих, и был выпущен оттуда в день восстания против Дутова. Утром приехал из Белорецка большевицкий отряд, под командой какого-то прапорщика. Вместе с этим отрядом приехали и бывшие деятели разогнанного Дутовым совета. Прапорщик этот сделался председателем совета и командующим фронтом против Дутова.

Для меня, сидящего в одиночестве на сеновале, этот день характеризовался следующим обстоятельством: часа в три дня началась стрельба и крики. Мимо дома П. скакали конные и бежали пешие красноармейцы, на бегу стрелявшие куда-то в улицу, что я наблюдал через щель своей засады. Пришедший ко мне П. рассказал, что стреляли в партизана, приехавшего на разведку от Дутова. Он, проезжая улицами, отбирал патроны у встречавшихся красноармейцев, мотивируя это приказом совета, но, опознанный кем-то, выхватил шашку и проскакал по улицам за город. Поймать большевикам храброго мальчика не удалось, и он так и уехал с отобранными патронами...

Наступившую ночь я уже ночевал в доме П., причем мы с ним сделали лазейку в подполье, через которую, в случае надобности, я мог уходить далеко под дом, закрывая ее за собой досками...

На другой день утром были пышные похороны убитых партизанами при отступлении горожан. Хоронили

троих. Как это ни странно, все они были зажиточными людьми: двое — торговцы хлебом, а один мясник. Желая, вероятно, выслужиться у большевиков, они при бегстве партизан, с целью задержать, хватали за поводья лошадей, и пали под ударами шашек. Наблюдая сквозь занавес окна проходившую процессию, я заметил некоторых, тоже из этого разряда людей, гарцовавших на лошадях, с винтовками за плечами. Некоторые из них принимали Дутова у себя в гостях.

— Смотри, смотри, — говорил я П., указывая на них и удивляясь: — вот разряд людей, смотрящих в глаза сильному!..

— Чему удивляешься, — отвечал мне П., — та же сволочь, что и покойнички...

Часа через три после похорон, вдруг раздался продолжительный гудок на электрической станции, к которому скоро присоединился набат на всех церквях. Мимо окон метались люди, что-то крича... Вышедший на улицу П. чтобы узнать в чем дело, вернувшись, радостно закричал мне:

— Ну, Михаил, кончилось твое сидение, наступает Дутов! В городе среди большевиков паника!.. Вероятно, часа через два, партизаны возьмут город и всех освободят...

Сердце мое запрыгало от радости, причем я радовался не столько своему освобождению, сколько изменению в судьбе арестованных, сидящих в тюрьме.

Паника среди населения, видимо, разросталась: мимо окон то и дело проезжали розвальни, в которых, среди подушек, сваленных наскоро перин, сундуков и другого скарба, сидели мужчины, женщины и дети. Все это гнало, как сумасшедшие, лошадей в сторону Белорецка, дорога куда была свободна от наступающих с трех других сторон партизан.

П. видел у помещения совета несколько приготовленных троек лошадей для комиссаров, которые там «заседают»... Среди удиравших я видел двух-трех из гарцовавших утром на похоронах зажиточных мещан..

Уходивший и приходивший опять с улицы, П. приносил различные новости. Белорецкий отряд большевиков сидит в санях, чтобы ехать во свояси, и отказывается идти против наступающих. Однако, местный народ охотно разбирает винтовки и бежит на встречу наступающим... Партизаны в трех верстах и все время подвигаются вперед. У большевиков нет пулеметов... Из окна я вижу на крышах людей, следящих за боем... Вот, с постоялого двора выехало человек 10 заводских мужиков, в лаптях, верхом на лошадях в хомутах, в руках у мужиков веревки, и поскакали в сторону Белорецка. По словам П., идущие из Белорецка орудия застряли в снегу верстах в шести от города и мужики поехали их выручать, причем он не знает — ложь это большевиков для поднятия духа сопротивляющихся, или правда.

Перестрелка за городом близится и разгорается; выходя в холодный коридор парадного крыльца, я ее отчетливо слышу. Со стула, в верхнюю часть окна мне видно наступающих по степи партизан и линию сопротивляющихся. Мимо окна начинают проезжать подводы с ранеными и убитыми. Я их знаю. Хорошие люди — солдаты с фронта, пришедшие после ранения в отпуска. Не большевики. «И зачем они?» — думается мне и в сердце закрадывается жалость к ним...

Против окна стоят человек десять мужиков. П. стоит с ними... О чем-то степенно рассуждают... Некоторые из них мне знакомы... Вернувшийся в комнату, П. сообщает, что партизаны, ввиду сопротивления, наступают медленнее, залегли, и идет перестрелка.

— Что народ говорит? — спрашиваю я у П.

— Интересно, братец, — отвечает П., — знаешь, что сказал мне старик Нефедов? (общий наш знакомый, толковый старик, хлебороб).

— Ну?

— Говорит: при царе плохо было — убрали, стали управлять нами образованные — опять толков было мало. Не будет толков, по видам, и от товарищей. А вот, ото-

бьем Дутова, да сами, народом, значит, по правде управляться будем...

— Да, интересно!.. А жаль народ, — вот видел знакомых раненых и убитых везли мимо окна!..

— Конечно, жаль!.. Что же делать — всех не пережалеешь, а ты о тех, что в тюрьме сидят, тоже думай!..

— И о тех думаю... Ужасно все это!..

— Ну, знаешь, если Дутова отобьют, то большевики в том меньше всех будут виноваты — отобьет народ, — говорит П.

— Да, — соглашаюсь я. — На чью только мельницу вода выльется?..

— Конечно, это вопрос, — задумывается П.

И нам обоим хочется, чтобы старик Нефедов оказался прав, хотя мы и не говорим о том друг другу.

— А в эти дни — вспоминаю я — тот же народ арестовывал, избивал, обыскивал... В сено штыками кололи....

П. пожимает плечами... И снова становится темно в душе перед «бессмысленностью и беспощадностью русского бунта» и теряется вера в лучшее будущее.

Смеркается. Перестрелка за городом то разростается, то утихает. Я уговариваю П., собирающегося идти в больницу, чтобы он, если там будет много раненых, сейчас же бы шел за мной. — Все равно, что со мной будет, я туда пойду и буду помогать раненым вместе с больничным врачем... — П. уходит...

Смеркается еще больше... Пошел снег... Из склада казачьего поставщика, портного Ж., начинают выносить и накладывать на возы казачьи шинели. Я не могу понять, куда их увозят. Оказалось, что их увозили на фронт и раздавали сопротивляющимся... Мимо окна проходят люди, возвращающиеся с фронта. Они не бегут, и по жестам их я догадываюсь, что у них нет патронов...

Спускается ночь... Снег валит хлопьями... Перестрелка за городом стихает... Партизаны в город не вошли...

С этого вечера, как бы кончилась моя жизнь и нача-

лось «житие» затравленного зверя, которое продолжалось семь недель, вплоть до моего бегства в Челябинск. Большую часть дня я проводил в подполе под домом, в полной темноте, лежа на голой земле... О чем я тогда думал?.. Кажется, ни о чем, — темнота не побуждает мозга к деятельности. Так я тупел все более и более, сам то сознавая. Всегда боявшийся крыс и мышей, я очень лениво стаскивал их у себя с груди, когда слышал, что они начинают грызть мой полушубок... Слабела воля, а с ней и сопротивляемость к внешним неприятным воздействиям. Мне трудно сейчас даже представить, что это был я. Аппетит у меня был прекрасный и, вылезая по вечерам из подпола, я прекрасно уничтожал все, чем кормили меня радушные хозяева... Вечером, как будто, оживал... Опасности, казалось, вечером было меньше и я слушал рассказы П. о событиях. Рассказы эти были ужасны, но душа притупилась к восприятию ужаса и они не производили должного впечатления. П. рассказывал, что большевики получили какие-то смутные сведения о том, что я не успел убежать и нахожусь в городе. Дня через два после отступления Дутова, они нагрянули с обыском на квартиру Ш. Хозяин уже сидел в тюрьме. Перерыли весь дом. Во время обыска на кухне, что-то зашевелилось на полатях. Большевики дали залп снизу в полати, но оттуда выскочила испуганная кошка... Потом они искали меня у военнообязанных немцев, живших в ссылке в нашем городе.

Эти рассказы волновали меня не столько за себя, сколько за судьбу П., если меня найдут у него. На что он всегда отвечал мне с своей неизменной улыбкой:

— Вот, веселенькая история, чудак человек!.. Ну, какая-же в том важность: поставят нас обоих к стенке и убьют. Только и всего!.. Или ты думаешь, что жизнь теперешняя так интересна, чтобы за нее стоило держаться?!.

Милый человек, приятно о нем вспомнить не потому, только, что я обязан ему своею жизнью, но и потому, что он один из немногих не изменял себе и, несмотря на запугивание страшным террором, не признавал демагоги-

ческой политики большевиков правильной, и презирал их. Многие из моих знакомых и друзей вели себя недостойно. Не хочется вспоминать, как они обливали меня грязью перед большевиками за связь с Дутовым, рассказывая обо мне небылицы, в которых я вовсе не был повинен. И это в то время, когда семья моя оставалась в городе почти-что в качестве заложников. А иные падали морально еще ниже, выслуживаясь перед новой властью. Так, например, припоминается г. О-кий, бывший председатель съезда мировых судей и председатель воинского присутствия, монархист по убеждению. Этот был откровеннее других и поступил к большевикам на почетную должность заведывания... трупами казненных. И не потому, вероятно, что для него не нашлось бы у них другого дела...

Были и такие, которые не пошли ни на какие компромиссы с большевиками. Они обрызгали своей кровью, ставшую теперь исторической, «стенку» большевицкого правосудия.

Весенний разлив реки Урала не позволил когда-то Пугачеву взять наш город, называвшийся тогда Верх-Яицкой крепостью. А при большевиках, начавших гражданскую войну в России, этот уездный город, насчитывающий до революции до 20 тысяч жителей, превратился в заштатный городок с семью тысячами обывателей. Зато оказалась набитой до отказа социалистами, присланными со всех концов России. и тем ставшая теперь знаменитой Верхне-Уральская тюрьма.

Итак, отбив Дутова, большевики лихорадочно готовились к новому его наступлению. Арестованные ими «буржуазные элементы» были выгнаны из тюрьмы за город на «трудовую повинность» — копать окопы. По целым дням они рыли там мерзлую землю, понукаемые прикладами наблюдавших за работами красноармейцев.

В это время случился маленький эпизод: приехавший прапорщик, выбранный в председатели совета и командующий фронтом, бежал, захватив с собой кассу и дутов-

скую даму, охотно или не охотно последовавшую за этим новым героем.

Но, поприжав еще раз буржуазию, большевики денег нашли, и к этому времени из Уфы приехал с новым отрядом партийный большевик Кадомцев. По приезде он выпустил широковещательную прокламацию о том, что он прямо прибыл с корниловского фронта, где он на голову разбил Корнилова (врал, — в то время Корнилов был еще жив, это было в марте 1918-го года) и приказывал казакам доставить Дутова живым или мертвым, обещая амнистию, в противном случае предупреждал, что пощады от него не будет. Однако, Дутова к нему не привозили, ни живого, ни мертвого. Устав ждать, Кадомцев повел свой отряд, пополненный мобилизованными в нашем городе людьми, при двух орудиях, против Дутова. Дутов занимал в то время поселок Кассельский, в 20-ти верстах от города. Подъехав на рассвете к поселку, Кадомцев обстрелял его из орудий, рассыпал отряд цепью и повел наступление. . .

Уже артиллерийский обстрел показал Дутову, с каким противником он имеет дело: ни один снаряд не попал в поселок, и часто шрапнель рвалась у дула орудия.

Подпустив их на близкое расстояние, партизаны и казаки открыли огонь... Услышав перестрелку, окрестные хуторяне выехали верхами на горы, посмотреть, что делается. Наступающие приняли этих зрителей за обошедших их партизан. Кто-то крикнул: «Обошли!» — и все побежали назад. Сколько Кадомцев на них ни кричал, остановить их не мог, и сам, на раненой лошади, с простреленной в двух местах шинелью, должен был удирать вслед за своими неопытными в правильных сражениях «боевиками». Партизаны преследовали их до города, отбили и орудия, но увезти к себе не смогли, не имея упряжек. Отряд Кадомцева, потеряв много убитых и раненых, вернулся в панике в город. Партизаны в город не вошли. Через несколько дней стало известно, что отряд Дутова ушел в степь в сторону Тургая...

Потом прибыл большевик Блюхер со своим отрядом

и отправился догонять Дутова. Догнав его, он так же потерпел поражение, повернул обратно и, сжигая попутно станицы помогавших Дутову казаков, прошел к железной дороге. Отряд Дутова ушел благополучно в тургайские степи, где и оставался, живя в киргизских кошах, вплоть до чешского выступления. После Дутов вернулся и занял г. Оренбург. Брат мой погиб во время этого похода.

Возвратившись из неудачного похода на Дутова, Кадомцев еще оставался некоторое время в городе, вымещая свою злобу за неудачу на ни в чем неповинных горожанах. За это время было много расстреляно бывших казачьих офицеров из тех, что не пошли за Дутовым, и за то только, что они бывшие офицеры. Был расстрелян начальник тюрьмы Цурюпа. Ему Кадомцев поставил в вину, что в его присутствии Гончаренко выпорол приставника тюрьмы. Между тем Цурюпа уже имел «заслуги» перед новой властью — он первый предупредил большевиков, увидав из верхнего этажа высокой тюрьмы за городом наступающих на город партизан Дутова. Расстреливались пачками казаки и другие мало известные горожане, вроде упомянутого пимократа Чепелева, по доносам и незначительным поводам. У Кадомцева был даже свой палач — здоровенный молодой татарин, мастерски отрубавший головы шашкой... Казнено было человек сто. Казалось, что конца не будет этой вакханалии смерти...

И вот, нужно сказать к чести народа, что он «не безмолвствовал», а, собравшись на площади на митинг, в количестве до четырех тысяч человек, под председательством солдата фронтовика Сивкова, вынес единогласно постановление о прекращении террора. Это постановление на другой день, отпечатанное, появилось расклеенным по всему городу. Правда, по приказу совета, оно срывалось в тот же день и заменялось новым, начинавшимся словами: «Гидра контр-революции поднимает голову.... и т. д.,... а потому совет, броневая и пулеметная команда и боевики, стоя на защите советской власти, постановили

террор продолжать, как единственное радикальное средство борьбы с контр-революционными элементами»...

Но все же Кадомцев с своими «боевиками» ушел в Уфу. (Там он погиб впоследствии, брошенный своими, обозленными на него, «боевиками» в реку Белую. Мне рассказывал потом очевидец этого события, как тонущий Кадомцев кричал «боевикам»: «Товарищи, спасите, со мной полмиллиона денег... Все вам отдам»... — «Тони, собака, и с деньгами», кричали ему в ответ его «боевики», и ни один из них не бросился в воду, чтобы помочь ему). После ухода Кадомцева террор не прекратился, однако потерял характер массового и снова вспыхнул только после чешского выступления.

Незадолго до прихода в наш город Кадомцева, была объявлена мобилизация лошадей. П., поведший свою лошадь на сборный пункт, долго, до позднего вечера, не приходил домой, вызвав у нас с его женой даже подозрение об его аресте. Мы сильно расстроили себе нервы, строя различные предположения о том, что нам теперь без него делать. И, когда он, наконец, пришел часу в 12-м ночи, приведя с собой лошадь, то жена бросилась с плачем к нему на шею, а я, расстроенный не меньше ее, выразил свою радость тем, что закатил ему такую оплеуху, что он едва устоял на ногах. Изумленный П. схватился за щеку и смотрел на меня, как на сумасшедшего... Наконец, он понял, в чем дело, и наше состояние... Оказывается, он был у меня в доме и прекрасно поужинал. Случилось это обстоятельство следующим образом. Мобилизация происходила на площади, недалеко от нашего дома. Производивший мобилизацию, один из Кашириных, на клочке бумаги написал моей жене, чтобы к вечеру у нас был готов ужин на 20 персон. Шутки плохи... Бросились за провизией и аккуратно, к указанному Кашириным часу, живший у нас повар немец, приготовил прекрасный ужин... Пожаловали гости... Большая часть их, оробевшая от хорошей обстановки, извинялась за свои грязные ноги, в смущении вытирала их о ковры. Обрадованная гостям хозяйка приглашает их садиться в своей гостиной

подождать, пока начнут подавать. Гости рассаживаются, кто на кончик кресла, а кто и как следует — поглубже... Начинается салонный разговор. Сначала о погоде:

— Язвило бы ее, и холодно же сегодня, — говорит один, и замирает под взглядом Каширина...

Хозяйка в смущении бежит на кухню... Гости мнутся, некоторые начинают качаться на пружинах мягкой мебели, наивно оглядываясь и испытывая удовольствие.

Наконец, подали ужин и разговор за ним перешел на тему о последних событиях. Один из Кашириных доказывает, что народ опередил революцию и ее вождей, и что вчера было теорией кабинетных умов—сегодня уже претворено народом в старую действительность... Один из товарищей рассказывает моей жене, как он вчера убил родного дядю за то, что тот с ним не был согласен во взглядах на вещи, и убьет, де, каждого буржуя, потому они тоже не соглашаются...

Веселый ужин прервался неожиданным приходом «коменданта» города, Константинова, с вооруженными красноармейцами.

— Это что за безобразие? — закричал «комендант». — На каком основании вы здесь бражничаете?.. Что же это такое?.. Все, значит, по старому — одни службу на морозе несут, а другие бражничают!.. Разойтись!!.

Гости, не исключая и бр. Кашириных, быстро ретировались. Не унывал только наш П.:

— Да вы бы чайку с морозцу выпили, товарищ Константинов... Право... Налить вам стаканчик? — спрашивал он, стоя у самовара...

Но «комендант», покосившись на стоявших в столовой красноармейцев с винтовками, не удостоил П. ответом. Разогнавши всех, Константинов ушел и увел с собой красноармейцев.

Причина этого посещения такова. В другом нашем доме, стоявшем во дворе, выселив из него квартирантов в нашу квартиру, стояли красноармейцы. Когда они увидели приготовление к ужину через окно кухни, то стали приходить на кухню и просить у повара то того, то дру-

гого. Но немец закричал: «Пошель, грязный мужик, эта будут кушать ваш новый гаспада». — Красноармейцы пожаловались Константинову, и он принял свои меры. Кстати будет дать характеристику этого Константинова, как типичного персонажа большевицкой революции, этого новоиспеченного большевика, и некоторых других «деятелей» того времени.

КОНСТАНТИНОВ

До революции скромный, недоучившийся в городском училище, юноша. Служит писарьком в Земской управе и играет на тромбоне в любительском оркестре. Мне случалось бывать в управе, где припоминаю его согнутым за столом в уголке канцелярии. Однажды, при моем посещении управы, я заметил, что он пристально смотрит на меня, и вдруг, доверительно так, поманил меня пальцем к себе. Я удивился, однако подошел к нему.

— Видали?

— Что?..

— А вот-с, это! — показывает он на пепельницу в виде чугунного лаптя, стоявшую у него на столе.

— Ну, что же здесь особенного?

— Тут-с... А вот!.. — Он опасливо оглянулся, взял пепельницу со стола, выбросил из нее окурки в корзину, перевернул ее и поднес мне. На задней ее стороне было изображено лицо царя Николая, с лаптем вместо бороды.

— Что же это изображает? — усмехнулся я, — Единение царя с народом, что-ли?..

— Нет-с... Совсем даже наоборот это понимать надо...

После революции я потерял его из виду.

Прошло несколько месяцев. Временное Правительство пало. Почти во всей России был уже большевицкий переворот, который до нашего захолустья еще не докатился. Однако, отсутствие твердой власти чувствовалось, и в начале декабря 1917-го года толпа разгромила казенный винный склад. Народ перепился и в городе была

большая паника. Вооружив винтовками реалистов, удалось спирт из огромных цистерн выпустить в реку. Но водка в посуде была расхищена вся. На этой платформе объединились все — и пролетарии, и буржуи...

Вечером — звонок ко мне с улицы. Прислуга боится идти отворять. Иду сам:

— Кто?..

— Не бойтесь, М. П., это я, Константинов...

Отворяю.

— А мы к вам, вот с товарищем больным...

Провел их в свой приемный кабинет, — оба они навеселе, наперебой рассказывают мне события дня...

— Я кран-то у цистерны открыл, а то бы беда: перепились бы и весь город сожгли, — говорит Константинов.

— Послушайте, Константинов, а ведь, я вас давно не видел, где вы были?..

— А я, М. П., на агитационных курсах был в Оренбурге, с месяц, как приехал оттуда...

На мой вопрос, о чем он теперь агитировать будет, начал очень сумбурно излагать программу большевиков, причем все время упоминал слово «народ». «Народ хочет». «Народом управляться будем» и т. д., и перешел прямо к доказательствам, желая, вероятно, сразу и меня съагитировать:

— Вот, вы — доктор, а чего вы боитесь, запираетесь? Насилу к вам мы дозвонились. У доктора квартира должна быть, как фонарь... открыта... Да!.. Вы думаете, что народ вам не заплатит за вашу работу? Отлично заплатит и даже очень народ понимает, не хуже буржуазии...

— Постойте, да я... — пробую его остановить.

— Нет, боитесь вы, доктор, народа, вот что!..

— Да постойте вы!.. Что вы все заладили, народ, да народ... Если народ, так и спорить нам не о чем... Принимаю — народ...

— То-есть, как это принимаете?

— Да так вот! Но ведь, насколько я вас понял, вас

учили-то чему?.. Про народ вам толковали в Оренбурге, или про класс, про пролетариат?

— Ну, там разное говорилось, а только большевики правильная партия и идет за весь народ против буржуазии. Только и она ни к чему, потому что народ теперь сам все понял и сам управиться может... К примеру, там, социализация или национализация... Все это ерунда, я вам скажу, потому, как теперь все наше, все, все... так к чему тут разговоры да слова разные... Уж мы сами знаем, как управиться со всем этим...

— Сорветесь, батенька, — возражаю ему: — как управиться, вы не знаете и без руководителей обойтись не можете. Разрушать что угодно легко и просто, вот, как винный склад, например, сегодня. А попробуйте, пустите его в ход теперь...

— Эх, М. П., если так рассуждать, так и революция ни к чему...

— Как, ни к чему?

— Да, так!.. Опять нас околпачат, как в 1905-м году.

— Причем тут 1905 год? Я вижу, что оренбургские учителя вас на собак брехать научили. Положим, большевики и могут расчитывать только на помощь вот таких недоучек, как вы. Нас то им не провести и я думаю, что Учредительное Собрание укажет им скоро надлежащее место. Имейте в виду, что в России есть люди и партии с программами, более отвечающими народным надеждам и интересам. Вот, посмотрите, например, — показываю ему на подаренный мне Н. А. Морозовым в 1912-м году в Петербурге портрет, висящий на стене, — вот человек, 25 лет в Шлиссельбургской крепости за народ сидел, но он не согласен с большевиками...

— А это кто такой?

— Народоволец Морозов.

— Ну, и дурак, что 25 лет сидел!

— Позвольте, как вы можете так говорить?..

— Да, конечно, дурак. Что же, он теперь народ учить будет, што-ли, што этому народу делать надо? Да народ

сам знает, что, значит, ему нужно, а единственно нужно — разделаться с буржуазией, а потом управимся!..

— Ну, знаете, вы или пьяны, или... Давайте прекратим лучше этот разговор...

И я занялся больным его товарищем...

Припоминается еще одна встреча с Константиновым в совете солдатских и пр. депутатов.

По своей должности председателя городской думы, я кое-когда выступал в этом совете. Руководил собраниями совета, обыкновенно публичными, один из Кашириных. (Типичная казачья семья — подхалимов. До революции отчаянные монархисты... Отец, станичный атаман Верхне-Уральской станицы, до пупа увешанный большими серебряными и золотыми медалями, урядник, за выслугу лет и подхалимство перед начальством произведенный потом в хорунжие. Три сына, офицеры, с юнкерским образованием. Младший сходил с ума. Мать их — алкоголичка. После свержения большевиками Временного Правительства все они сделались большевизанами).

В этом совете, как полагалось в то время, только говорили, а потому выступал там, кто хотел, по большей части, разные большевиствующие «ораторы». Помню, мне пришлось говорить после одного такого оратора — почтальона, довольно часто там выступавшего в защиту большевиков. Обыкновенно, он начинал свою речь следующим: «В Ермании наши товарищи, Розав, Луксембур и Липнех забастовали на счет промеждународной войны»...

Возражая, я посмеялся над ним, и кончил:

— Впрочем, как вам угодно, товарищи, можете мне не верить, ну, верьте тогда более осведомленному товарищу-почтальону!..

«Народ безмолствует». После меня берет слово какой-то матрос:

— Товарищи, — кричит он: — сейчас вы слышали, как образованный товарищ-доктор смеялся над товарищем почтальоном, можно сказать, дурака из товарища сделал. Канешна, нам не угнаться за товарищем доктором... А толька я вот, недавна, из Петрограда, так там у нас по-

лучше доктора был один товарищ — Керенский называется, так тот и доктора в щель загонит, как говорить начнет! (Смех и рукоплескания). А толька, вот эти господа, Керенский с доктором та и погубляють всю Рассею со всею буржуазией! Довольно мы их наслушались!!. Далой их!!. Правильно ли я говорю, товарищи?».. — (Ревут: «правильно»)...

Константинов ко мне:

— Эх, бросьте выступать, М. П., рази их уговорите, видь ни черта не понимают!..

— Кто не понимает?

— Да народ то!

— Хм... А ведь, пожалуй, вы правы: не стоит!

— Фу, Боже мой, давно это вам понять надо!..

После разгона совета при Дутове, Константинов оставался в городе и исправно играл на тромбоне в оркестре, под который Дутов танцовал в клубе...

Наконец, восстание, и Константинов — «комендант» города.

Вот тут он развернулся во всю. Я видел его как-то из окна, когда он на вороной лошади верхом, с ноганом у пояса, уперев правую руку в бедро, нахмуря брови, проехал мимо дома П. Я, при виде его в новой роли, несмотря на трагизм своего положения, не мог не рассмеяться. Уж очень он потешно выглядел.

Рассказывали про него, как он издевался над арестованными в тюрьме, при допросах выбивая им зубы рукояткой револьвера. Допросы он чинил чуть не ежедневно и до позднего вечера. А по ночам он облюбовал для своих посещений почему-то наш дом.

Обыкновенно, в полночь, у нас слышали 6-7 выстрелов из револьвера на улице.. Затем раздавался продолжительный звонок с парадного крыльца. Не отворить нельзя. Кучер немец идет, отворяет дверь. Вваливается товарищ Константинов, навеселе...

— Что угодно? — спрашивает его кучер.

— А тебе что за дело, немецкая рожа, м... м... м... — следует брань.

Ввалившись в квартиру, проходит прямо в спальню, где спят моя жена с дочерью и еще одна, выселенная из своей квартиры, наша знакомая дама, тоже с дочерью.

— Здрасте... А я с обыском — доктора ищу, расстрелять его, мерзавца, нужно за то, что к Дутову уехал...

Дамы лежат в кроватях:

— Послушайте, товарищ комендант, сами говорите, что доктор у Дутова, а ищете его здесь?!.

— Не разговаривать... Где хочу, там и ищу... А может, он вот под кровать залез?..

Смягчает, наконец, гнев на милость, садится к кровати, покручивая ноганом на шнуре и похлестывая нагайкой по одеялу, начинает разговор. Дамы, хотя в ужасе, что будет дальше, но стараются разговаривать и отвечать на все его куражливые вопросы. Кучер и сын реалист тоже слушают его разговоры и не уходят из спальни. Это его сердит. Покуражившись часа два, уезжает с тем, чтобы приехать в следующую ночь...

Ночные визиты прекратились после того, как мои приемные комнаты были реквизированы другим «деятелем», комиссаром Горабурдой, тоже очень своеобразным персонажем большевизма.

Когда «война» с Дутовым кончилась, Константинов был назначен комиссаром по культурно - просветительным делам, по «увеселительному» отделению. В его ведение поступили кинематографы, общественный сад, клуб и театр. В общественном саду он пересаживал какие-то деревья, и повесил объявление:

«За поломку деревьев в народном саду виновные предаются военно-полевому суду и расстрелу. Увком Константинов».

Словом, любил человек порядок...

На каком-то культурно-просветительном вечере, во время танцев, вдруг раздается крик комиссара:

— Эй, стойте, вы там, в... м... (непечатная брань). Кто из вас, сволочи, сломал акацию?!. Сейчас застрелю! — размахивает он ноганом.

Все бросаются в панике из зала, где оставшиеся товарищи уговаривают пьяного комиссара...

ГОРАБУРДА

Другой «деятель» того времени, по фамилии Горабурда, реквизировавший мои приемные комнаты, рабочий из казенного винного склада, полуграмотный, едва умеющий писать человек. Небольшого роста, с кривыми ногами, с большим мясистым носом и узко поставленными глазами под маленьким лбом.

Этот был комиссаром «по конфискации имущества», или, как остроумно его называли товарищи: комиссаром «чужой собственности». Кое чего из чужой собственности он притащил и в свою новую квартиру. Серебряный самовар, пуховое одеяло, граммофон, ассортимент ночных горшков, альбом с фотографиями. Последний принадлежал нашим хорошим знакомым, а он с серьезным видом перелистывал его и, показывая моей жене и ее сестре фотографии, уверял, что все это его родственники. «Вот, этот молодой человек с супругой — его брат, большой музыкант, — он «обсерваторию» кончил в Варшаве» и т. д. Другим его любимым занятием было — заводить граммофон, причем на вопрос сестры моей жены, большой шутницы, кто это и что поет, сейчас же отвечал любезно: «Право, я не посмотрел, а, кажется, это Пушкин или Жуковский, а поет он, кажется, из книжки «Пчелка»! Из этого уже видно, что человек он был с запросами и широким горизонтом. Кроме того, он отличался аккуратностью и склонностью к семейственной жизни.

Скоро он попросил о позволении ему у нас столоваться. Пришлось просить его, чтобы он сделал такую честь. Начал столоваться... Как полагается, за столом он занимал дам разговорами, которые вертелись, по большей части, вокруг его персоны. Отец, видите ли, у него, был управляющим имения графа Потоцкого в Польше. Он рано начал садить его, маленького, на лошадь, а пото-

му у него теперь кривые ноги. За уши таскала его мачеха, оттого уши и вышли оттопыренные.

— А нос у вас, вероятно, оттого большой, что вы его всюду совали...

— Ах, шутница вы, Варвара Семеновна, — благодушно парирует комиссар замечание жениной сестры.

Как то после обеда он кончил свои рассказы тем, что всунул, уходя, записочку в руку моей жены. В записочке было объяснение в любви и формальное предложение обвенчаться с ним законным браком; записочка кончалась словами:

«Прости, небесное создание, меня такого гада»..

После дипломатично мотивированного отказа, он особенно, пока, не настаивал, проронил только:

— Как знаете, а только будущее то нам принадлежит!..

Приехав с расстрела моего отца, где он так же активно участвовал, был особенно любезен за столом и шутил. Видя мою жену заплаканной, опечалился и сказал:

— Что поделаешь, «классная» борьба! Вот, и вас всех в одну «вахромеевскую» ночь придется расстрелять!..

Не дожидаясь его новых предложений и «вахромеевской» ночи, жена моя с детьми бежала из города, переодетая простой бабой. А сестра ее оставалась в нашей квартире вплоть до занятия города казаками. Горабурда, утомленный предыдущими днями, в это время спал. Она его пожалела и разбудила. Он вскочил на велосипед и уехал, не успев захватить ничего из той «чужой собственности», к которой он так привык за те несколько недель житья в новом положении.

ИВАНОВ

Припоминается еще один типичный представитель пережитого десять лет тому назад момента — военный комиссар Иванов. Солдат с фронта, каменщик по профессии. Молодой, высокий, худой, туберкулезный человек. Образование — приходское училище. Вернувшись в го-

род после восстания против Дутова, он был назначен советом на пост военного комиссара. Оделся во френч, галифэ, высокие сапоги и в офицерское пальто с мерлушковым воротником. Ходил всегда с портфелем под мышкой. Один из самых авторитетных представителей в совете, он был сторонником беспощадного террора. Озверевший человек, но не без своеобразного благодушия. Как то совет вызвал, в числе прочих, мою жену для взноса контрибуции. Увидя ее там, Иванов обрушился с сетованиями на меня:

— А ваш то, мерзавец, ушел с Дутовым? А мы на него надеялись, что он с нами будет работать! Нет, теперь уж, если попадется, ему не будет от нас пощады, как народному изменнику: собственными руками задушу, подлеца!

И сейчас же иронически благодушно, увидя вдову полковника, Петрову:

— А, Петриха пришла, денежки-то принесла?.. А, помнишь, как я у тебя фундамент клал? А вот, видишь, теперь новую Россию строим...

— Помню, батюшка, помню!..

— Я тебе не батюшка, а товарищ! — обрывает он Петрову.

— Ну, какой же вы мне, старухе, товарищ, — не сдается та... — А что касается фундамента, действительно, вы сложили его на славу: ни один кирпич до сих пор не выпал... Ну, уж о России то я не знаю, не моего бабьего ума это дело!..

— То-то, не твоего!.. Давай, давай денежки то сюда!

— Берите, берите, ваша теперь воля, на постройку своих то ведь не припасли!

— Ну, знаешь, много то не разговаривай!..

— Молчу, молчу, батюшка!..

По приказу Иванова, арестованных «буржуев» пригоняли из тюрьмы в город, очищать улицы от снега и навоза. Он всегда сам наблюдал за этими работами и, повидимому, в его представлении, они имели, или должны были иметь, воспитательное значение. Однажды, шедшие мимо простые женщины начали смеяться и кричать работавшим:

— Что, толстопузые, и вас запрягли в работу?!. Мети чище, купец! — и пр.

Иванов, с закушенной от бешенства губой, бросился на баб с нагайкой и закричал:

— Марш отсюда к чертовой матери, шлюхи! Эти люди, может, в первый раз в жизни делают честную работу, нашу работу, которую мы всю свою жизнь делаем, а теперь смеяться, значит, над собой будем?!.

Одно упустил Иванов из виду, во-первых, то, что люди, которых он поставил на черную работу, в большинстве сами вышли из простого народа и, следовательно, та метла, или та лопата, какие он совал им в руки, не была для них ни новинкой, ни оскорблением, а, во-вторых, не знаю, насколько был прав известный психиатр Чиж, но он часто говаривал на своих лекциях: «В наш век, если человек к своим 50-ти годам не богат — это значит, что он не умен»...

Если согласиться с проф. Чижом, тогда только в его сентенции и будет заключаться вся вина подобной «буржуазии» перед «пролетариатом» типа Иванова.

После ухода в тургайские степи Дутова, Иванов был во главе карательного отряда, который расправлялся с беззащитными казачьими станицами, помогавшими Дутову. Приехав оттуда со славой лихого командира, он поселился на главной улице, реквизировав себе комнату, которую обставил по спартански.

Зайдя как-то к нам и увидя комнаты, занимаемые Горабурдой, сказал:

— Что же это за безобразие? Значит, один буржуй убежал, а вместо него другой поселился?..

Его побаивались и сами его товарищи.

Когда ему хотелось повеселиться, он шел в клуб. Если там мало было народу, он писал и рассылал такие, например, записки:

«Товарищам барышням Ш. приказываю явиться в клуб для танцовальной повинности. Военком Иванов».

Отец «товарищей» барышень Ш. сидел в тюрьме, и

барышни Ш. шли и должны были танцовать с военкомом, у которого в руках была жизнь их отца.

Сделавшись противником «опиума для народа» — религии, Иванов на Пасху отправился в тюрьму, где разогнал родственников арестованных, принесших с собой куличи и пасхи. Приношения отобрал и разбросал собакам. Велел вывести во двор одного из арестованных, владельца небольшого кожевенного завода, Зиновьева, воспитавшего двух сестер его, Иванова, и собственноручно убил того из револьвера. — «А я «похристосовался» сегодня с Зиновьевым», — говорил он, приехав из тюрьмы. Все это он проделал совершенно трезвый — он берег свое слабое здоровье и ничего не пил спиртного.

Празднование 1-го мая 1918-го года наши комиссары обставили особенно помпезно. За красными флагами ехала кавалерия, шли броневые автомобили. Громыхали орудия, двигалась пехота. За ними шли дети из гимназий и других школ, в сопровождении бледных учителей. Дальше шел народ. Играла музыка. Иванов верхом гарцевал во главе процессии. За городом митинг. . . Речи. . . И, наконец, салют из всех родов огнестрельного оружия. Несколько горожан, стоявших поодаль, упали убитыми и ранеными, так как красноармейцы, стрелявшие вверх, забыли, вероятно, что пули падают обратно. Но это не испортило праздника. Сам Иванов ложится за пулемет и выпускает ленту, целясь куда то в степь. . .

— А вы бы, товарищ Иванов, по голубям, вон, пустили, — показывает на сидящих голубей, случившийся около него наш вездесущий П., — интересно, попадете, или нет? . .

— Что вы, обалдели, что ли? — отвечал ему Иванов. — Стану я стрелять по невинной птице?!. Становитесь вот вы на их место — по вас с удовольствием. . .

— Нет, веселенькая история, эти большевики, Михаил, а? — рассказывал мне, пришедший с этого торжества, П.

Однако, туберкулез делал свое дело, и однажды у Иванова открылось горловое кровотечение. После оста-

новки кровотечения, его перевезли за 12 верст из города в реквизированное советом имение богатого купца Г., где был прекрасный дом с огромным садом. Как-то Иванов спросил, обязанного ежедневно ездить к нему, врача, — как, де, его, больного, положение, и просил того не стесняться, так как смерти, де, он не боится и привык ей смотреть в глаза. Доктор ответил, что положение серьезно, но, во всяком случае, принимая во внимание и т. д., можно надеяться...

— Так вот, старайтесь, — заговорил больной, — как нибудь, уж помогайте, а то всякое лезет в голову... Я вот, вчера завещание даже написал...

— Ну, что вы?!. Умирать вам еще рановато!

— Нет, да я так, на всякий случай!.. Вас, доктор, я там тоже не забыл...

— Меня?

— Да, и вас тоже! Пишу там, чтобы вас расстреляли за то, что вы меня не вылечили!.. Так вот, лечите, а то еще уморите меня нарочно!..

Однако, все кончилось благополучно, — он поправился.

После выступления чехов, Иванов повел свой отряд на них к железной дороге. Но далеко идти ему не пришлось, так как начали восставать казаки, и в одной из станиц был убит матрос Тяжельников, тоже комиссар и его близкий товарищ. Иванов повернул обратно, послав предварительно телеграмму в Верхне-Уральск следующего содержания:

«Погиб в борьбе с чешской контр-революцией товарищ Тяжельников. Везу его мертвое тело. Приказываю отправить на лоно Авраамово 20 арестованных при тюрьме буржуев, как панихиду по павшему бойцу. Военком Иванов».

В совете «слушали и постановили»...

Приказ был выполнен в точности: 20 человек, среди них и моего отца, посадили связанных в телеги, увезли за 17 верст от города в горы, и расстреляли. После тех невероятных по своей бессмысленности издевательств и фи-

зических мучений, каким они подвергались в течение 3-месячного пребывания в тюрьме, думаю, что смерть им была желанной освободительницей...

Мертвых раздели, поделили между палачами их одежду и забросали кое-как трупы землей. Иванов привез «мертвое тело» Тяжельникова, которое торжественно похоронили в... церковной ограде собора в городе.

При занятии нашего города казаками атамана Анненкова и восставшими местными казаками, Иванов, вместе с другими, отступил в Белорецк. Там у него снова пошла кровь горлом и его положили в заводскую больницу. Казаки, не встречая сопротивления, быстро двигались вперед. Одним ранним утром они показались у Белорецка. Во время тревоги, Иванов вскочил с кровати и, в смертельном страхе, заметался по больнице. Выбежав в больничный сад, он бросился прятаться в кустах... Но кровь хлынула у него горлом... он упал, хрипя, на садовую дорожку... И в этот момент промелькнула ли у него мысль о «лоне Авраамовом»?..

⁂

Другие «деятели» того времени так называемого военного коммунизма, лучше сказать, «пугачевщины», были подобны описанным, и не стоят отдельного упоминания. Каширины комиссарами в совете не состояли и вообще в нем не было ни одного интеллигента, или настоящего социалиста, и прибавлю для тех, кто полагает, что в России зверствуют только евреи, — ни одного еврея.

Пока происходили описанные события, в большей или меньшей мере зависящие от описанных лиц и обстоятельств, наступала седьмая неделя моего вынужденного пребывания у П. Вечно оно продолжаться не могло, и приходилось вплотную задумываться о дальнейшей моей судьбе. До сих пор мне везло, но было ясно, что испытывать судьбу дальше было бы неразумно. Оба мы с П. прекрасно это понимали и усиленно искали выхода.

Выход был единственный и давно, собственно, решенный, — нужно было уезжать из города и уезжать подальше. Но исполнение этого исчезновения не являлось

простым делом, и приходилось думать и думать, как привести его к благополучному концу. Нам приходилось надеяться только на себя и на помощь самых близких людей.

Я категорически отказался от предложения П., желавшего на своей лошади отвезти меня за 150 верст к железной дороге. Какое право имел я рисковать и его головой, если бы мы попались? Довериться другому лицу не было возможности, да это не меняло бы дела с ответственностью.

Но и тут судьба мне благоприятствовала. Мои лошади были реквизированы, и вот, одна из них, самая лучшая, захромала на службе у большевиков. Они поставили ее в лазарет, а потом разрешили даже взять ее домой к нам, как безнадежно больную. Однако, болезнь ее оказалась пустячной, она дома скоро поправилась, и теперь, по моим указаниям, ее усиленно кормили и наезжали. Наконец, она была доведена до такого состояния, что на нее было возможно вполне положиться.

Большевики, чувствуя себя в полной безопасности, уже не были так бдительны, как прежде. П. несколько ночей ходил по улицам и хорошо изучил время ночных объездов конной милиции.

Сын мой, 14-летний реалист, наезжая лошадь, говорил жившему у нас комиссару Горабурде, что ездит на хутор к товарищу, где они собираются сеять овес...

Тихим весенним вечером, 12-го мая, сын приехал за мной во двор П. Я ждал его, переодетый в мужицкий костюм. За семь недель я ни разу не брился, и теперь, покрасив отросшую бороду и волосы, превратился в брюнета... Стемнело... Я обнимаю в последний раз супругов П., сажусь на козлы и беру в руки возжи. Душа моя спокойна и мысли отчетливо ясны ..

— Взял ли ты револьвер? — спрашивает меня П.

— Нет, — говорю я, — если судьба решит отдать меня в их руки, я не хочу убивать...

П. пожимает мне руку. и отворяет ворота.

— Прощай, — шепчу я ему, выезжая на улицу, и слышу его ответное: «счастливо»!..

Я видел почти все большие города Европы и Северной Америки, но никогда улицы их не казались мне такими длинными и площади так бесконечно широкими, какими представились они, пустынные, мне в нашем городе в этот вечер...

Путь мой лежал через площадь, где стоял мой дом. Боясь, чтобы лошадь не потянула к дому, я нарочно сделал крюк, и выехал на площадь с другого угла. Здесь произошла встреча, которая могла стать роковой. Мне пересек путь верховой милиционер, который, увидев, что кто-то едет, остановился и стал смотреть в мою сторону. — «Что делать?» — мелькнуло в голове.

Я не спеша, повернул лошадь к больнице и остановился. Милиционер не двигался. . — Если он поедет в нашу сторону, я уйду за угол, а ты ему что-нибудь выдумай, — говорю я поспешно, сидящему сзади, сыну. Но милиционер, повидимому, успокоенный моей неторопливостью, тронул лошадь и поехал своей дорогой. Дав ему уехать с площади, я завернул за угол и пустил лошадь во всю. Через несколько минут мы были уже за городом..

Я имел намерение выехать на одну из станций Самаро-Златоустовской железной дороги и решил ехать так называемым башкирским трактом, который шел в Уральских горах. По нему, с проведением шоссейной дороги, мало теперь ездили, а когда-то он был знаменитым на южном Урале и поэтическое описание его ни один раз встречается у Мамина-Сибиряка...

Дорога шла мимо тюрьмы; при виде ее сердце мое сжалось за участь сидевшего в ней отца и я почувствовал, что ему не выйти из нее живым.

Лошадь неслась, нетерпеливо подергивая головой, прося еще ходу. Свежий ветер дул мне в лицо. Звезды мерцали. В поле горели костры. Рассвет застал нас в горах, уже верстах в 30-ти от города. Мы ехали у подножия западного склона Уральского хребта. Вставало солнце и

длинная тень от гор бежала по долине .. Впереди, налево от нас, блестела своей снеговой шапкой гора Иремель. Перед ней толпились синие горы и убегали в безконечную даль синими цепями... Какой простор после душного подполья!..

Дав вздохнуть лошади часа два, и напившись чаю у сторожа башкира, на забытом прииске, поехали дальше. После полудня, лошадь, отбив ноги на твердом, кремнистом тракте, начала хромать. Но мы были уже почти у цели и въехали в большое село...

Итак, выехав из города в 11 ч. вечера, в 2 часа дня я остановился у ворот знакомого дома в этом селе. Лошадь пробежала за это время сто с лишним верст, блестяще оправдав возлагавшиеся на нее надежды...

Сын с лошадью здесь остался, чтобы ехать обратно, а я переночевав в этом селе и из мужика превратившись в полуинтеллигентного приказчика, на нанятых лошадях поехал на станцию железной дороги, находившуюся в 50-ти верстах.

Возница мой, оказавшийся очень разговорчивым человеком, сначала испытывал меня разными казуистическими вопросами. Наконец, решив, что я, повидимому, не большевик, разразился бранью на представителей новой власти. Я слушал его и жадно смотрел на широкий горизонт, на нежно зеленеющую травку, на распускающиеся почки берез, на жаворонков, поющих в голубом небе. У самой дороги, не обращая на нас никакого внимания, дрались два зайца. Они, тяжело дыша, наскакивали друг на друга и царапались передними лапками. Мордочки их, покрытые кровью, были очень комичны. Сколько мой возница ни кричал на них и ни ухал, они, покосившись на нас, продолжали драку и не убегали.

— От, большевики, ну, чистые большевики, — неодобрительно сплюнул возница и тронул лошадей.

Приехав в местечко у железнодорожной станции, я прожил в нем два дня и 17-го мая сел в поезд, шедший в Челябинск.

Ехал я в третьем классе, одетый под мастерового,

слушал, что говорят кругом и молчал. Некоторые пассажиры говорили, что едут из Нижегородской губернии искать работу, бранили большевиков, занявших фабрики, работа на которых остановилась. На станциях, смотря в открытое окно, я видел бравых солдат, стоявших и ходивших на платформе. На фуражках у них, вместо кокарды, была красно-белая ленточка. Прислушиваясь к их языку и не понимая его, я решил, что они были латышами.

Только, приехав вечером в Челябинск, я узнал, что это чехи, которые в этот день выступили против Челябинского совета, арестовавшего нескольких чешских солдат по поводу так называемого «мадьярского» инцидента.

В этот вечер я много говорил с чешскими солдатами на вокзале. Узнал, что чехи едут во Владивосток, чтобы оттуда ехать на французский фронт и решил поступить добровольцем в чешскую армию.

Когда, через десять дней, было другое восстание чехов против большевиков, по всей железнодорожной линии, занимаемой их эшелонами, я был уже легионером.

Подробности, как я вступил в чехословацкие легионы и что я пережил с ними в Сибири, составляют отдельную главу моих воспоминаний.

Этот очерк я закончу описанием своей последней встречи с атаманом Дутовым.

В конце лета 1918-го года, Дутов, проезжая через Челябинск к Сибирскому Правительству в Омск и, узнав от представлявшихся ему чехов, что я служу у них в армии, вызвал меня по телефону к себе в поезд. Я пришел на вокзал с близкого к нему переселенческого пункта, где помещался чехословацкий госпиталь. Мне пришлось проталкиваться через массу народа, стоявшего на платформе и глазевшего на поезд Дутова...

Я вошел в вагон и увидел Дутова, диктовавшего что-то своему адъютанту, также мне знакомому. Гладко выбритый, Дутов был одет в синюю рубашку с полковничьими погонами, подпоясанную ремнем. На груди у ворота

— петличка из синей и георгиевской ленточки, присвоенная, по его приказу, всем участникам похода.

Мы обнялись... После первых восклицаний, заговорили о прошлом. Он рассказал мне о своем походе и о том, как трудно им пришлось обходиться без врача, особенно с ранеными. Как он, за неимением перевязочного материала, рвал свои рубашки и сам перевязывал раненых, и обиженным тоном заметил, что нехорошо, де, я поступил, не приехав к нему тогда от старика Танаева. Я вкратце рассказал ему о том, как мне пришлось пожалеть, что я к нему не приехал, и тоже попенял ему на то, почему он не взял города хотя бы для того, чтобы спасти арестованных из тюрьмы: ведь, большинство из них заплатило своими головами за то только, что принимали его у себя. На это Дутов мне сказал какую-то резкость. Я удивленно поднял на него глаза и замолчал. Адъютант вышел. Дутов несколько раз прошелся по салону, и вдруг круто обернувшись, подошел ко мне с протянутой рукой:

— Извините меня за резкость!. Давайте мириться, и кто старое помянет, тому глаз вон! Не думайте про меня, что я неблагодарный человек!

И он сделал, очень польстившее мне, предложение занять высокий санитарный пост в его вновь формировавшейся армии. Поблагодарив его, я отказался, однако, мотивируя тем, что, поступив добровольно к чехам, не считаю теперь для себя возможным уйти от них.

— Вольному воля, спасенному рай! Была бы честь предложена, — обиделся на меня Дутов.

Мы вышли с ним в корридор из салона. Там стояли офицеры, представлявшиеся Дутову, и лица, едущие с ним в Омск. Я подошел к последним. Отпустив офицеров, Дутов обернулся в нашу сторону:

— Ну, так как, изменник? — засмеялся он, подходя ко мне.

— Совсем не изменник, Александр Ильич, и обещаю вам, что весь буду в вашем распоряжении, если удастся то, о чем теперь все говорят, то-есть сделать новый фронт против немцев, хотя бы на Волге!

— И сделаем!

— А вот те недоразумения. какие происходят сейчас между Самарским и Сибирским правительствами, заставляют меня сомневаться в такой возможности!..

— Э, батенька, да вы предсказаниями занимаетесь? Ну, увидим, что будет, а я твердо верю в наш успех!..

— Всем сердцем желаю, А. И., чтобы вы оказались правы!

— Ну, прощайте, М. П., не поминайте лихом, пора ехать дальше, и так задержался здесь мой поезд! .

— Дядя! — закричал он в окно пробегавшему мимо уряднику из его охраны: — скажи, чтобы «крутил Гаврила»... Едем дальше!

Народ засмеялся...

Расстались мы холоднее, чем встретились. Я вышел из вагона на платформу. Поезд двинулся. Дутов козырнул мне, улыбнувшись, из окна вагона. Народъ закричал «ура» и замахал шапками...

В другом окне мелькнула женская головка гимназистки из нашего города...

В корридоре вагона, заметя мой удивленный взгляд на нее, адъютант Дутова, улучив минуту, шепнул мне в ухо:

— Походная краля-с!..

М. Полосин

ОГЛАВЛЕНИЕ:

M

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE
D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE
— MENILMONTANT, PARIS 20e. —

Склад издания:
Общество Участников
Волжского Движения.
Rumunska, 1.
Praha II.